

**Центрально-Азиатские страницы
Правозащитный центр “Мемориал”**

**Н.Митрохин
В.Пономарев**

**Туркменистан:
государственная политика
и права человека**

1995-1998

Москва, 1999

ВВЕДЕНИЕ	4
КРАТКАЯ СПРАВКА О ТУРКМЕНИСТАНЕ	6
ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ МОТИВАМ	9
Общая ситуация	9
"Профилактические беседы" как форма борьбы с инакомыслием	10
Нарушение тайны телефонных разговоров и переписки	11
Увольнения с работы	13
Давление на родственников инакомыслящих	14
Уголовные обвинения	16
<i>Дело Х.Гараева, М.Аймурадова и др. ("уголовное дело № 628")</i>	17
<i>Дело участников демонстрации 12 июля 1995 г.</i>	35
<i>Дело Ширали Нурмурадова</i>	41
<i>Дело Какабая Аймамедова и Ильдара Губаева</i>	43
<i>Дело Дурдымухаммеда Нуралиева</i>	44
<i>Дело Назара Суюнова</i>	44
<i>Дело Авды Кулиева</i>	46
Преследования политэмигрантов	49
НАРУШЕНИЯ ПРАВА НА СВОБОДНОЕ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ	54
ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ ПЕЧАТИ, ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЖУРНАЛИСТОВ..58	
СМИ Туркменистана	58
Цензура	60
Иностранные СМИ	62
Распространение информации зарубежных СМИ	66
Преследования журналистов зарубежных СМИ	70
<i>Владимир Кулешов</i>	70
<i>Александр Бушев</i>	71
<i>Курбан Бабаев</i>	71
<i>Марат Дурдыев</i>	71
<i>Сапармурат Овезбердыев</i>	72
<i>Марат Гурт</i>	74
<i>Евиан Аннакурбанов</i>	74
<i>Виталий Пономарев</i>	77
НАРУШЕНИЯ ПРАВ ВЕРУЮЩИХ 79	
Проблемы регистрации	80
Незаконные отказы в регистрации и преследование незарегистрированных конфессий	83
<i>Общины Союза Церквей Евангельских христиан-баптистов Средней Азии (далее СЦ ЕХБ СА).</i>	83
<i>Общины Совета церквей евангельских христиан-баптистов (далее - СЦ ЕХБ)...84</i>	
<i>Пятидесятники</i>	85
<i>Поместная Церковь Адвентистов Седьмого Дня (далее - АСД)</i>	86
<i>"Свидетели Иеговы"</i>	87
<i>"Церковь Живого Бога"</i>	90
<i>Общины Международного общества "Сознание Кришны"</i>	90
<i>Бахаи</i>	94
<i>"Церковь Христа"</i>	95
Ограничение международных контактов	95
Ограничение ввоза религиозной литературы	96
Ограничения на религиозное обучение	97
ОГРАНИЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ.....98	

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ	98	
ВОПРОСЫ РЕГИСТРАЦИИ	98	
НАРУШЕНИЯ ПРАВ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ		101
ОБЩАЯ СИТУАЦИЯ	101	
ЗАПРЕТ НА СОЗДАНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ		101
ПРОБЛЕМЫ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ	104	
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ	106	
ПРОБЛЕМЫ РОДСТВЕННЫХ КОНТАКТОВ	106	
СДЕРЖИВАНИЕ ЭМИГРАЦИИ	107	
ОГРАНИЧЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ОРГАНАХ ВЛАСТИ И БИЗНЕСЕ		112
ОТКАЗЫ В ПРОПИСКЕ	113	
БЕЖЕНЦЫ	114	
АФГАНСКИЕ БЕЖЕНЦЫ	114	
ПОЛИТИЧЕСКИЕ БЕЖЕНЦЫ ИЗ ИРАНА	115	
БЕЖЕНЦЫ ИЗ ТАДЖИКИСТАНА	117	
СМЕРТНАЯ КАЗНЬ	118	
СТАТИСТИКА	118	
ИСПОЛНЕНИЕ ПРИГОВОРА	119	
РАССМОТРЕНИЕ ДЕЛ: ЗАКОН И ПРАКТИКА	119	
СМЕРТНЫЕ ПРИГОВОРЫ ЖЕНЩИНАМ И ИНОСТРАНЦАМ		124
ПРОИЗВОЛ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ		127
ОФИЦИАЛЬНАЯ ОЦЕНКА СИТУАЦИИ	127	
"ДЕФЕКТЫ" ПРАВОСУДИЯ	128	
НАРУШЕНИЯ ЗАКОННОСТИ	130	
<i>Пытки</i>	<i>131</i>	
<i>Фабрикация уголовных дел, вымогательство</i>		<i>134</i>
<i>Борьба с проституцией и "нарушениями тишины"</i>		<i>135</i>
УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ТЮРЬМАХ И ЛАГЕРЯХ.....		137
ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О МЕСТАХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ	137	
ПОЛОЖЕНИЕ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В СИЗО И ИТК	139	
<i>Ситуация в СИЗО МВД № 1</i>	<i>140</i>	
<i>СИЗО КНБ</i>	<i>142</i>	
УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ В ПСИХИАТРИЧЕСКИХ БОЛЬНИЦАХ.....		144
ПРИМЕНЕНИЕ ПСИХИАТРИИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ		146
<i>Дурдымурад Ходжамухаммедов</i>	<i>146</i>	
<i>Меретмухаммет Бердыев</i>	<i>147</i>	
<i>Валентин Копысов</i>	<i>148</i>	
<i>Руфина Арабова</i>	<i>150</i>	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	152	
ПРИЛОЖЕНИЯ	154	
ПРИЛОЖЕНИЕ №1	154	
ПРИЛОЖЕНИЕ №2	159	
ПРИЛОЖЕНИЕ №3	166	
ПРИЛОЖЕНИЕ №4	170	

Введение

Туркменистан является наиболее закрытой из стран СНГ. Здесь нет открыто действующих правозащитных и оппозиционных групп, независимых изданий и т.д. Репрессивная политика властей привела к тому, что о многих важных событиях, происходящих в этой стране, почти ничего не известно за рубежом. Объективная информация о ситуации в Туркменистане очень редко появляется в средствах массовой информации. Местные диссиденты крайне ограничены в доступе к таким средствам коммуникации как факс или электронная почта, а за передачу за рубеж "негативной" информации правозащитного характера туркменские граждане рискуют попасть за решетку.

Вероятно, этим объясняется то, что после доклада "Human Rights Watch" "Права человека в Туркменистане" (1993 г.), до сих пор являющегося для туркменистанцев своего рода политическим бестселлером, ни одна из правозащитных организаций не пыталась подготовить обзор, в котором бы комплексно рассматривались существующие в этой стране проблемы в области соблюдения гражданских прав.

Информация для настоящего доклада собиралась авторами на протяжении 1995-1998 гг. В ходе нескольких поездок в Туркменистан удалось посетить все пять административных центров областей (веляатов), а также гг.Красноводск (Туркменбаши) и Байрам-Али. Было опрошено около 150 человек: журналистов, юристов, сотрудников правоохранительных органов, активистов религиозных и общественных организаций, диссидентов, сотрудников посольств и простых граждан. Иногда нельзя было не поразиться несоответствию между официально декларируемой лояльной позицией отдельных лиц и высказываемыми ими неофициально резко критическими оценками сложившейся ситуации.

Собранная в ходе этих поездок информация о нарушениях прав человека в Туркменистане во многих случаях имела эксклюзивный характер, иногда удавалось подтвердить или существенно уточнить сведения, ранее полученные международными правозащитными организациями.

Авторами доклада были изучены соответствующие публикации в туркменских и российских СМИ, журналах "Центральная Азия" (Швеция) и "Туркмен или", малотиражном бюллетене Общества содействия соблюдению прав человека в Центральной Азии, текущие обзоры "Amnesty International" и Фонда защиты гласности. Особенно ценными оказались архивные материалы московского офиса "Human Rights Watch". Много интересного удалось узнать и от проживающих за пределами Туркменистана бывших жителей этой страны.

К сожалению, информация, полученная по ряду вопросов, является неполной или требует дополнительного уточнения. Кроме того, в ходе опроса граждан Туркменистана последние нередко не могли вспомнить некоторые фамилии и точные даты. Однако в большинстве случаев полученная информация позволяла более-менее точно установить обстоятельства и суть происшедшего. Нередко сведения, полученные из одного источника, удавалось перепроверить через другой канал.

Получаемая информация в 1995-1997 гг. периодически публиковалась на страницах ежеквартальных информационных сводок по Туркменистану, выпускаемых группой "Центрально-Азиатские страницы".

Авторы доклада выражают особую признательность за оказанное содействие Олегу Орлову, Татьяне Касаткиной, Александру Соколову и Александру Черкасову (Правозащитный центр "Мемориал"), Александру Петрову ("Human Rights Watch"), Авды Кулиеву, Джумамураду Киясову и Мухамедгельды Бердыеву, а также гражданам Туркменистана, имена многих из которых в настоящее время не могут быть названы.

Мы искренне благодарны Информационно-экспертной группе "Панорама", на технической базе которой осуществлялась подготовка настоящего доклада.

Авторы выражают надежду, что публикация доклада будет способствовать улучшению ситуации в области прав человека в Туркменистане - в соответствии с обязательствами, которые эта страна приняла на себя перед мировым сообществом.

30 августа 1998 г.

Краткая справка о Туркменистане

Туркменистан - государство в бывшей советской Центральной Азии, образовавшееся после распада СССР и в 1992 г. ставшее членом ООН. На западе его границы проходят по Каспийскому морю, на юге оно граничит с Ираном (протяженность границы - 992 км) и Афганистаном (744 км), на севере и востоке - с Казахстаном (379 км) и Узбекистаном (1621 км). Большую часть территории страны занимают пустыни.

Население Туркменистана, по официальным оценкам на 1 января 1996 г., насчитывало 4566,8 тыс. чел. (зарубежные демографы считают, что эта цифра завышена примерно на 10%). По данным переписи 1995 г. 77% населения составляли туркмены, 9% - узбеки, 7% - русские, 2% - казахи и т.д. Имеются относительно крупные диаспоры азербайджанцев, белуджей, татар, армян, украинцев, лезгин, персов и курдов. Почти все представители европейских и кавказских народов живут в городах. Значительная часть европейской диаспоры выражает желание эмигрировать из страны.

Административно территория Туркменистана делится на пять *велятов* (областей): Ахальский (центр - г.Аннау под Ашхабадом), Балканский (г.Небитдаг), Ташаузский (г.Ташауз), Лебапский (г.Чарджоу) и Марыйский (г.Мары). Столица Туркменистана - г.Ашхабад - имеет особый административный статус, равный статусу велята. Более мелкой административной единицей является *этрап* (район).

Туркменистан является государством с жестким авторитарным режимом. Глава государства - президент Сапармурат Ниязов - бывший лидер республиканской компартии (с 1985 г.), одновременно возглавляет Кабинет Министров страны. С 1993 г. он официально именуется Сапармурат Туркменбаши (последнее слово можно перевести как "Вождь туркмен"). Именем С.Туркменбаши названы многочисленные районы, улицы, крестьянские объединения и т.д. На улицах туркменских городов и в официальных учреждениях повсеместно установлены портреты и памятники президента, а также памятники его матери и отцу. В 1994 г. полномочия президента путем референдума были продлены до 2002 г. В последние годы высказываются предложения о введении института пожизненного президентства.

Все назначения руководителей органов государственной власти и хозяйственных организаций - вплоть до заместителей глав администраций (*хякимов*) *этрапов* или председателей крестьянских объединений - осуществляются решениями президента страны. Представительные органы власти не имеют серьезных полномочий.

Зарегистрирована лишь одна политическая партия - Демократическая партия Туркменистана, созданная на базе республиканской компартии. Официально политическая оппозиция в стране отсутствует, однако известно о существовании нескольких небольших оппозиционных организаций, действующих в подполье.

Многие наблюдатели отмечают, что в политической жизни Туркменистана на неофициальном уровне важное значение имеет проблема *трайбализма*, могущая со временем стать одним из катализаторов роста социально-политической напряженности.

Основным источником экспортных доходов в 90-е годы являлись газ (более 80% экспорта), хлопок и нефтепродукты. С марта 1997 г. экспорт газа в страны СНГ был прекращен и до сих пор не возобновлялся из-за разногласий с российским "Газпромом" по вопросу оплаты транзита. Поставки газа в Иран, начатые в декабре 1997 г., лишь в незначительной степени компенсировали потери от прекращения экспорта на Украину и Закавказье. Сокращение экспорта газа привело к возникновению масштабного отрицательного сальдо во внешней торговле за 1997 г. и почти полному исчерпанию к лету 1998 г. официального валютного резерва. Декларируемые более пяти лет планы туркменского правительства построить магистральные газопроводы в Европу и Пакистан, по мнению экспертов, не имеют в ближайшие годы шансов на практическую реализацию.

Сельское хозяйство страны также подорвано некомпетентными шагами правительства, предпринятыми в середине 90-х годов, и в 1996-1997 гг. планы по производству ведущих культур - хлопка и пшеницы - выполнялись менее чем наполовину.

Уровень жизни населения является весьма низким, а финансирование науки и культуры за последние два года упало ниже критической отметки.

В то же время продолжается строительство многочисленных дорогостоящих престижных объектов, финансируемых из т.н. "президентского фонда", основу которого составили более 2 млрд. долларов, полученных от экспорта газа в 1991-1993 гг. и не внесенных в государственный бюджет.

Серьезную проблему представляет широкое распространение наркомании. В некоторых южных районах в селах ни одна свадьба или праздник уже не обходятся без коллективного курения участниками наркотических веществ. Наиболее употребительный наркотик - опий ("терьяк") - в последние годы быстро вытесняется героином.

Стремительно растут и размеры наркотранзита через Туркменистан с участием афганских граждан (в 1997 г. вес изъятых таможенными и пограничными службами наркотических веществ превысил 35 тонн).

Во внешней политике основными партнерами Туркменистана являются Иран, Турция, Россия и США. Правительство Туркменистана также имеет хорошие отношения с афганскими талибами.

Внешняя политика строится исходя из принципа нейтралитета и неучастия в военных блоках. В 1996 г. резолюция о признании Туркменистана "нейтральным государством" была принята ООН, что широко используется туркменской пропагандой как свидетельство одобрения мировым сообществом внешней и внутренней (!?) политики руководства страны.

Туркменистан является членом Организации экономического сотрудничества (ЭКО) и СНГ. Структуры последнего рассматриваются туркменским руководством как консультативные, поэтому официальные представители этой страны нередко отказываются от подписания совместных документов или от участия в совместных рабочих встречах.

20 декабря 1996 г. Меджлис Туркменистана принял постановления о присоединении этой страны к Международному пакту о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., Факультативному протоколу к этому пакту, Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах и Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. В 1998 г. достигнута договоренность об открытии в

Ашхабаде офиса ОБСЕ, который будет заниматься вопросами демократии и соблюдения прав человека.

В октябре 1996 г. в Ашхабаде был создан Национальный институт демократии и прав человека при Президенте Туркменистана, на который указом главы государства "возложено проведение научно-прикладных исследований, направленных на укрепление демократических институтов", "обеспечение и соблюдение прав и свобод личности", "интегрирование Туркменистана в международное демократическое сообщество и правовое пространство". Институту были предоставлены наблюдательные полномочия за деятельностью правоохранительных органов, вплоть до контроля за соблюдением прав заключенных.

Тем не менее международные правозащитные организации в 1995-1998 гг. неоднократно обвиняли власти Туркменистана в грубых нарушениях прав человека и заявляли об отсутствии прогресса в этом направлении со времени получения Туркменистаном в 1992 г. государственной независимости.

Преследования по политическим мотивам

Общая ситуация

Конституция Туркменистана гарантирует "право на свободу убеждений и их свободное выражение" (ст.26).

Туркменские власти неоднократно заявляли, что никто из туркменских граждан никогда не подвергался преследованиям по политическим мотивам и что в стране нет политических заключенных.

В действительности, почти сразу после распада СССР власти Туркменистана, и ранее не отличавшиеся особым демократизмом, развернули беспрецедентную кампанию гонений на инакомыслящих. Пик репрессий пришелся на 1992-1994 гг. Сотни граждан подверглись арестам, задержаниям, угрозам или иным формам воздействия со стороны правоохранительных органов и КНБ, причем причиной репрессий являлись политические взгляды или критические высказывания указанных лиц. Многие известные диссиденты вынуждены были эмигрировать из страны, но и в эмиграции они нередко становились объектами преследований со стороны агентов КНБ Туркменистана.

По оценкам авторов доклада, в течение двух лет после получения государственной независимости туркменским властям удалось в значительной степени подавить активность диссидентских групп, возникших в эпоху горбачевской "перестройки". Однако начиная с 1994 г. в подполье стали возникать новые диссидентские группы, протестующие против навязывания культа личности президента Туркменистана Сапармурата Ниязова, резкого ухудшения экономического положения в стране и грубого подавления властями основных гражданских прав. Недовольства проводимой политикой стали высказывать и достаточно широкие слои населения¹. Показательно, что из около 150 человек, опрошенных авторами доклада в Туркменистане, лишь 3 однозначно заявили о своей поддержке существующих политической и экономической систем.

Пытаясь предотвратить появление открыто действующей оппозиции, туркменские власти стали еще более "закручивать гайки", активизировав борьбу не только с явными противниками режима, но даже с лицами, допускающими "антиправительственные" критические высказывания в частных разговорах (публичная критика политики Сапармурата Ниязова в Туркменистане запрещена).

В настоящее время для борьбы с инакомыслием правоохранительными органами и КНБ Туркменистана создана разветвленная сеть, включающая многочисленную агентуру, подразделения по прослушиванию телефонных разговоров, "черные списки" и досье на неблагонадежных граждан и др. Основанием для отнесения к числу неблагонадежных может быть политический анекдот, рассказанный в дружеской компании, родственные или дружеские отношения с политическим противником режима, беседа с иностранным корреспондентом и др. Многие граждане Туркменистана испытывают страх

¹ О настроениях населения ярко свидетельствуют многочисленные случаи осквернений установленных на улицах портретов и памятников главы государства и широкое распространение жанра политического анекдота, почти исчезнувшего в других странах СНГ.

перед властями и боятся открыто говорить о своих политических взглядах. По мнению авторов доклада, в некоторых своих чертах сложившаяся ситуация весьма схожа с той, которая существовала в СССР в сталинское время.

"Профилактические беседы" как форма борьбы с инакомыслием

Практически все граждане Туркменистана, подозреваемые в нелояльности властям, приглашаются на "беседы" с официальными лицами. Обычно "беседы" проводят офицеры Комитета национальной безопасности, однако известно несколько случаев, когда с нелояльными лицами из числа известных журналистов и общественных деятелей "беседовал" вице-премьер О.Айдогдыев, курирующий среди прочих вопросы "идеологического контроля", - подобно тому, как это делал в советское время секретарь по идеологии ЦК Компартии Туркмении. Менее опасными для властей распространителями слухов и "анекдотчиками" занимаются органы милиции.

В ходе этих "бесед" представители властей, ссылаясь на необходимость сохранения "общественной стабильности", пытаются убедить подозреваемое в нелояльности лицо в том, что ему следует отказаться от публичного выражения своих взглядов в разговорах или через зарубежные СМИ, от общения с другими "подозрительными лицами" и иностранцами или от действий, которые квалифицируются властями как "незаконные" или "антигосударственные" (например, ввоз в страну религиозной литературы, создание национально-культурной организации и др.). Независимо от того, можно ли действия тех или иных лиц формально квалифицировать как правонарушение, сотрудники КНБ и милиции нередко угрожают гражданам "возникновением проблем", призывают их подумать о своем будущем, о судьбе членов семьи и родственников, с которыми может что-то случиться, и т.д.

Авторам доклада известно о вызовах в КНБ в 1997 г. руководителя организации "Русской общины Туркменистана" в г.Небитдаге В.Юрьева (подробнее см. раздел "Нарушения прав этнических меньшинств"); школьного учителя в г.Кумдаге, вывесившем над своим домом красный флаг; писателя и журналиста Е.Аннакурбанова (см. раздел "Ограничения свободы печати, преследования журналистов"); четверых членов оппозиционного движения "Агзыбирлик" в г.Ашхабаде, поставивших свои подписи под письмом с требованием освобождения Е.Аннакурбанова (письмо было зачитано на туркменском языке по Радио "Свобода" в ноябре 1997 г.); руководителей нескольких религиозных общин (см. раздел "Нарушения прав верующих") и др. Имеются данные о десятках аналогичных "вызовов" в КНБ за предшествующие годы. При этом следует отметить, что лишь незначительная часть подобных случаев становится достоянием гласности. Одна из причин этого - то, что сам факт пересказа третьему лицу содержания "беседы" в КНБ нередко рассматривается официальными органами как свидетельство политической нелояльности.

Ограничимся двумя достаточно типичными примерами проведенных "профилактических бесед".

В начале сентября 1997 г. на "беседу" к председателю КНБ Мухаммеду

Назарову был вызван бывший вице-премьер туркменского правительства Ата Чарыев. Причиной вызова стало интервью А.Чарыева туркменской службе Радио "Свобода", в котором он высказал критические замечания в отношении существующего в стране политического режима. Беседа продолжалась 3,5 часа. Назаров, не возражая по существу против того, что говорил А.Чарыев, заявил бывшему вице-премьеру, что если тот "будет продолжать в том же духе", то с ним и его детьми может произойти "несчастье". После разговора с Назаровым Чарыеву пришлось собрать семейный совет, чтобы решить, как действовать в создавшейся ситуации.

В конце 1996 г. бывший директор Института философии Академии наук Туркменистана, доктор философских наук Нурсахат Байрамсахатов в разговоре со знакомым преподавателем Туркменского государственного института народного хозяйства резко критически высказался в отношении президента страны и проводимой им политики. Собеседник Байрамсахатова донес на него властям. Оба участника разговора были приглашены к вице-премьеру О.Айдогдыеву, фактически устроившему им в своем кабинете очную ставку. Несмотря на то, что 60-летний Байрамсахатов отказался признать свои "антипрезидентские высказывания", у него после беседы с Айдогдыевым резко поднялось давление и, придя домой, он скоропостижно скончался. По данным авторов доклада, в последние годы туркменские власти относились к Байрамсахатову как к "подозрительному лицу", склонному к инакомыслию и, предположительно, причастному к оппозиционной деятельности.

Как рассказывают жители Туркменистана, попасть на заметку КНБ или правоохранительных органов можно за "политически вредные" высказывания даже в очереди в магазине. В докладе "Международной амнистии" (1996 г.) описывается случай с молодым человеком, который в сентябре 1995 г. был задержан в булочной в Ашхабаде за то, что пожаловался вслух: "Если мы - новый Кувейт, то тогда почему мы должны стоять вот так в очереди за хлебом?" Двое в штатском, также стоявшие в очереди, доставили его в Копетдагский РОВД, где он был подвешен за руки и жестоко избит.

Анекдотичный случай имел место в 1996 г. в г.Небитдаге. Сотрудник КНБ пытался задержать стоящего в очереди за продуктами пожилого ветерана за то, что на вопрос знакомого "Как дела?" он громко ответил: "Как у всех - на букву "х"!"² Это было расценено как клевета на государственный строй. Ветерану удалось избежать "профилактической беседы" остроумным замечанием, что под словом, начинающимся на букву "х", он имел в виду слово "хорошо".

Нарушение тайны телефонных разговоров и переписки

Согласно распространенному мнению, в Ашхабаде телефонные разговоры ведущих туркменских диссидентов, лидеров этнических и религиозных групп, некоторых журналистов и общественных деятелей постоянно контролируются властями. Аналогичному контролю подвергаются и почтовые отправления.

В апреле 1997 г. власти наглядно продемонстрировали ашхабадскому корреспонденту С.Овезбердыеву, что его телефон прослушивается КНБ

² Х - первая буква известного русского ругательства.

(подробнее см. раздел "Ограничения свободы печати, преследования журналистов").

Прослушивание телефонных разговоров осуществляется не только в отношении лиц, подозреваемых в совершении правонарушений, но в отношении гораздо более широкого круга граждан. Имеются многочисленные свидетельства того, что правоохранительные органы начиная с 1994 г. пытаются отслеживать телефонные разговоры (как междугородние, так и внутри города), участники которых высказывают критические замечания в адрес существующего в Туркменистане политического режима³. Туркменский диссидент, проживающий в Ашхабаде, сообщил авторам доклада весной 1997 г., что за истекший 1996 г. ему известны, по крайней мере, несколько случаев, когда участники подобных разговоров вызывались для "профилактической беседы" в КНБ.

Российский журналист Андрей Черемных пишет, что одна из жительниц г.Ашхабада "по секрету" рассказала ему о следующем случае: "Недавно с родственницей из Саратова по телефону разговаривала. Посетовала, что холодильник пустой. А через день из "органов" ко мне домой пришли: раскрыли холодильник и убедились, что действительно пустой. Благодаря им хоть зарплату вовремя получила"⁴.

В апреле 1998 г. после ареста лидера туркменской оппозиции Авды Кулиева власти отключили домашние телефоны у его родственников, проживающих в Ашхабаде, а попытки одного из них вскоре после ареста сообщить о происходящем в Москву с центрального переговорного пункта были блокированы правоохранительными органами.

По некоторым данным, с августа 1997 г. власти пытаются поставить под контроль и переписку по электронной почте. В стандартном соглашении о предоставлении доступа в сеть "Туркменистан-он-лайн", утвержденном 5 декабря 1997 г. Министерством связи Туркменистана, появился примечательный пункт о том, что государственная компания "Туркментелеком" и "ее партнеры имеют право отказать в пересылке или удалять любые материалы и информацию, полностью или частично, если они нарушают законодательство Туркменистана или могут нанести ущерб общественному порядку". Текст соглашения сопровождается примечанием: "Если Вы с чем-то не согласны, то Вы можете не пользоваться нашими услугами".

Таким образом, хотя ст.23 Конституции Туркменистана гарантирует право на защиту "от посягательств на тайну корреспонденции, телефонных и иных сообщений", это право во многих случаях остается лишь декларацией.

³ Один из туркменских политэмигрантов так описал случай, происшедший в мае 1994 г. Жительница Ашхабада была доставлена двумя агентами в штатском в административное здание на ул.Житникова, где ее завели в подвал и стали допрашивать по поводу "распространения ею злостных слухов против своей страны и великого вождя Туркменбаши". В качестве доказательства задержанной дали прослушать магнитофонную запись ее последних телефонных разговоров с соседями и подругами, в ходе которых они говорили о том, что народ нищенствует, и ругали президента за невыполненное обещание превратить Туркменистан во "второй Кувейт". Сотрудники спецслужбы угрожали женщине физической расправой над ней и ее детьми, обвиняли в пособничестве внешним и внутренним врагам туркменского народа. Перед освобождением ее заставили поклясться на "Коране", что она никогда больше не произнесет недоброго слова о президенте и о суверенном Туркменистане.

⁴ "Аргументы и факты", 1997, № 6, с.9.

Увольнения с работы

Увольнение с работы или угроза такого увольнения широко практикуется государственными органами Туркменистана как форма воздействия на нелояльных граждан. Угроза увольнения по политическим мотивам является для Туркменистана весьма серьезной: уволенный не может быть принят на работу в другое государственное учреждение без разрешения властей, а руководители частных фирм не без основания опасаются, что принятие на работу "подозрительного лица" может создать значительные проблемы для их бизнеса. Самостоятельное ведение бизнеса "нелояльными гражданами" практически невозможно из-за постоянного давления со стороны властей.

Большинство туркменских диссидентов потеряли работу еще до 1995 г., но и в последние три с половиной года имели место многочисленные случаи увольнений по политическим мотивам.

С начала 1995 г. не может трудоустроиться бывший депутат Верховного Совета Туркменистана Бегмамед Гельдымамедов. Гельдымамедов долгие годы работал директором автотранспортного предприятия в г.Небит-Даге. В конце 80-х - начале 90-х годов он, будучи депутатом, выступал с резкой критикой властей. В конце 1994 г. Гельдымамедов попытался вопреки желанию государственных органов выдвинуть свою кандидатуру в новый состав парламента. Кандидатура Гельдымамедова была зарегистрирована избирательной комиссией, но позднее регистрация была отменена. Спустя десять дней после отмены регистрации Гельдымамедова вызвал к себе министр автотранспорта Рахманов и объявил ему об увольнении с работы. В это время Гельдымамедов еще оставался депутатом Меджлиса, уволить которого по закону можно было только с согласия двух третей депутатов этого законодательного органа. Районный суд в г.Ашхабаде, куда Гельдымамедов подал жалобу, признал увольнение незаконным и восстановил его в должности с оплатой вынужденного прогула. Вскоре министр вновь издал приказ об увольнении. Пытаясь добиться его отмены, Гельдымамедов прошел все судебные инстанции Туркменистана, но на работе его так и не восстановили. С конца 1996 г. его заявление находится на рассмотрении в созданном туркменскими властями Национальном институте демократии и прав человека при Президенте Туркменистана. Местные наблюдатели полагают, что Гельдымамедов таким образом был наказан за критику властей, а также за то, что за последние годы не изменил свою критическую позицию в отношении правящего режима.

В октябре 1996 г. историк и журналист Марат Дурдыев был уволен с четырех мест работы за критические публикации о Туркменистане в российской газете "Правда" (см. раздел "Ограничения свободы печати, преследования журналистов"); известны случаи увольнения по религиозным мотивам и угрозы отчисления по тем же мотивам студентов вузов (см. раздел "Нарушения прав верующих") и др.

Поводом для увольнения иногда может быть просто публично сделанное критическое высказывание. Например, по данным Информационного бюллетеня Общества содействия соблюдению прав человека в Центральной Азии, 1997, №1-2, председатель Балканского веляятского совета профессиональных союзов Амангулы Маммедов "недавно был отправлен в

отставку" - после того, как на заседании Центрального совета профсоюзов Туркменистана в присутствии вице-премьера О.Айдогдыева заявил, что часть населения испытывает нехватку продуктов первой необходимости.

Увольнениям подвергаются не только заподозренные в политической нелояльности граждане, но нередко и их родственники.

В феврале 1996 г. после ареста в Ашхабаде подполковника милиции К.Аймамедова за критические высказывания в адрес президента Туркменистана его старший брат Сердар - прокурор Ахалского ваята - был понижен в должности и переведен на работу следователем в прокуратуру отдаленного Ташаузского ваята. Сестра Джерен - судья Ашхабадского этрапа - была уволена с работы. По некоторым данным, та же судьба постигла и другую сестру - Майю, работавшую на ответственной должности в Генеральной прокуратуре Туркменистана.

Осенью 1997 г. потеряли свои посты на государственной службе двое родственников бывшего вице-премьера Назара Суюнова - после того, как эмигрировавший в Россию сам бывший вице-премьер выступил с критикой политики президента Туркменистана в передачах туркменской службы Радио "Свобода".

Жена политического заключенного Х.Гараева - Байрамсолтан (Сона) Баллыева - в 1996-1997 гг. неоднократно пыталась устроиться на работу в государственные и коммерческие торговые организации в г.Мары. Однако когда руководители этих организаций узнавали, что она является женой политического заключенного, ей отказывали в приеме на работу.

Авторам доклада известны два случая, когда под давлением международной критики туркменские власти принимали решение о трудоустройстве лиц, ранее уволенных по политическим мотивам. Речь идет об историке Марате Дурдыеве и писателе Худайберды Халлы, в 1996 г. эмигрировавшем из страны. В обоих случаях диссидентам было предписано трудоустроиться в короткие сроки в конкретно названные государственные организации. Насколько известно, вопрос о трудоустройстве решался на уровне руководства КНБ Туркменистана.

Давление на родственников инакомыслящих

Родственные связи играют большое значение в сохраняющем черты традиционного туркменском обществе. Поэтому с точки зрения туркменских спецслужб давление на родственников диссидентов является одним из наиболее эффективных средств борьбы с инакомыслием.

Родственников указанных лиц вызывают в КНБ, где от них требуют прекращения "подрывной деятельности" их сородичей, открытого покаяния последних или их явки в правоохранительные органы. Обещания "мирного разрешения" конфликта (прекращение преследований, помощь в трудоустройстве и т.д.) чередуются с угрозами "покончить с диссидентом", если он не откажется от общения с "врагами государства" или от публичного выражения своих политических взглядов.

Родственные отношения с диссидентом нередко являются негласным основанием для увольнения с ответственных постов на государственной службе, проведения обысков и др.

К сожалению, большинство граждан Туркменистана, подвергшихся давлению по причине их родственных связей с инакомыслящими, опасаются, что в случае опубликования соответствующей информации они потеряют работу или будут подвергнуты репрессиям.

Проблемы, с которыми сталкиваются родственники диссидентов, наглядно иллюстрирует рассказ жены политического заключенного Х.Гараева - Байрамсолтан Баллыевой, до 1994 г. проживавшей в Москве:

"В начале ноября 1994 г., узнав об аресте мужа, я вернулась в Туркменистан...

На следующий день после свидания с мужем в здании КНБ два сотрудника этого ведомства силой проникли в квартиру моих ашхабадских родственников, где я жила, и произвели осмотр всех комнат. Я не оставляла своего адреса в КНБ, следовательно, можно предполагать, что за мной в эти дни была установлена слежка. Начальник следственного отдела КНБ Б.Отузов неоднократно отказывал мне в свиданиях с мужем, говоря, что я слишком много жалуясь в российское посольство...⁵

В течение нескольких месяцев до начала суда над Гараевым сотрудники КНБ многократно приходили ко мне на квартиру /в Ашхабаде/, требовали, чтобы я прекратила выступать в защиту мужа. Дважды - в феврале и июле 1995 г. - ими были проведены незаконные обыски. При этом сотрудники КНБ в грубой форме оскорбляли меня и говорили, что из-за связи моего мужа с оппозицией моя жизнь "будет еще хуже".

1 марта 1995 г. я участвовала в пресс-конференции в Москве, посвященной "делу Гараева и Аймурадова". После этого в день моего возвращения в Ашхабад Отузов вызвал меня в КНБ, и угрожал, что если я буду бороться за освобождение мужа, меня тоже посадят в тюрьму, а ребенка, рождения которого я ожидала в июне, заберут. Отузов сказал: "Тебе никто в мире не поможет, даже если за Гараева будет просить Ельцин".

Судебный процесс над моим мужем был закрытым, я и другие родственники не были допущены на процесс.

На четвертый день суда - 16 июня 1995 г. - у меня родился второй сын. Пока я в течение трех дней находилась в роддоме №2 г.Ашхабада, возле меня постоянно дежурили два вооруженных дубинками милиционера. Причину своего дежурства они объяснили тем, что я "передаю информацию" (?!). Их присутствие нервировало меня. Роды происходили трудно, после родов у меня не было молока. Однако медицинский персонал отказывал мне в предоставлении помощи, а на все вопросы сотрудники роддома отвечали: "Нечего было лезть в политику. Обращайся к Ниязову".

Телефоны моих родственников в Мары и Ашхабаде постоянно отключают. Мои поездки за пределы Туркменистана контролируются КНБ. Во время моего отсутствия сотрудники КНБ посещают родственников, выясняют у них, где я нахожусь и когда вернусь, просят передать, чтобы я прекратила жаловаться в правозащитные организации и "подумала о детях". В октябре 1997 г. сотрудник КНБ, назвавшийся Вера, посетил меня в г.Мары, и потребовал, чтобы я перестала "поднимать шум в Москве". Он сказал, что я "предаю Родину" и должна подумать о том, что "никуда не смогу устроить своих детей".

⁵ Х.Гараев является гражданином России.

В декабре 1997 г., когда я вернулась в Туркмению из Москвы, двое неизвестных встретили меня в ашхабадском аэропорту, пытались увезти в неизвестном направлении и расспрашивали о происшедшем в Москве правозащитном пикете перед зданием туркменского посольства..."

В начале мая 1995 г. вскоре после возвращения из Москвы в Ашхабад работниками МВД была задержана 27-летняя Гульнара Нурмурадова - старшая дочь известного туркменского поэта-политэмигранта Ш.Нурмурадова. В качестве основания задержания ей было названо то, что она ввезла в страну "запрещенные печатные издания" (?). В течение трех дней Г.Нурмурадову держали в камере предварительного заключения отделения милиции Азатлыкского (бывшего Советского) этрапа г.Ашхабада, где допрашивали о контактах отцам с другими туркменскими оппозиционерами. Во время допросов задержанная подвергалась издевательствам и избиениям со стороны сотрудников милиции (следы избиений сохранились даже после ее возвращения в Москву). Власти потребовали от Г.Нурмурадовой "убраться из Туркменистана" и передать отцу, чтобы он прекратил "нежелательные связи".

Дочь поэта вынуждена была выехать из страны.

Уголовные обвинения

Начиная с 1995 г. по крайней мере 32 человека были осуждены туркменскими судами по политическим мотивам, а еще 5 лицам были официально предъявлены политически мотивированные обвинения в совершении уголовных преступлений, которые по различным причинам не стали предметом судебного разбирательства.

На 1 января 1998 г. в местах лишения свободы в Туркменистане находились 10 политических заключенных. К 1 июня 1998 г. эта цифра сократилась до 4 человек⁶ - после того, как президент Сапармурат Ниязов в ходе официального визита в США в апреле 1997 г. объявил об освобождении большинства участников демонстрации 12 июля 1995 г. и содержавшегося в психбольнице диссидента Д.Ходжамухаммедова (см. раздел "Применение психиатрии в политических целях").

В принятом в июне 1997 г. новом Уголовном кодексе Туркменистана были не только воспроизведены почти все "политические статьи" прежнего УК, но и добавлены новые. Например, ст.176 ч.2 УК "оскорбление или клевета в отношении Президента Туркменистана", предусматривающая "лишение свободы сроком до пяти лет" (по этой статье гражданин может быть осужден за пересказ политического анекдота), или ст.278 ч.2 "блокирование транспортных коммуникаций группой лиц по предварительному сговору" (наиболее популярный способ протестов населения против нехватки продуктов питания) - наказывается лишением свободы сроком до трех лет.

По мнению авторов доклада, уголовное преследование инакомыслящих в Туркменистане до настоящего времени применялось в ограниченном масштабе (в сравнении, например, с соседним Узбекистаном). Политика туркменского руководства состоит в том, чтобы - из соображений международного плана - число политических заключенных не было слишком большим. В этой связи репрессивные органы предпочитают внесудебные формы давления на инакомыслящих.

⁶ М.Аймурадов, Х.Гараев, Г.Аннаниязов и К.Маммедназаров.

Насколько известно, решения о судьбе арестованных диссидентов, их наказании или освобождении из-под стражи, принимаются лично президентом Туркменистана.

Ниже приводится описание семи политически мотивированных уголовных дел, расследовавшихся КНБ и МВД Туркменистана в 1995-1998 гг. Дела журналистов С.Овезбердыева (1996 г.) и Е.Аннакурбанова (1997 г.) описаны нами в разделе "Ограничения свободы печати, преследования журналистов", а дело Д.Ходжамухаммедова - в разделе "Применение психиатрии в политических целях".

Дело Х.Гараева, М.Аймурадова и др. ("уголовное дело № 628")

Х.Гараев (этнический туркмен, имеющий российское гражданство)⁷ и М.Аймурадов (гражданин Туркменистана, проживавший в Москве)⁸ были задержаны в Ташкенте 28 октября 1994 г. и в тот же день самолетом вывезены в Ашхабад. 21 июня 1995 г. судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Туркменистана под председательством судьи Р.Н.Джепбарова признала Х.Гараева виновными по ст.15, 17, 64 ч.1 (соучастие в подготовке к совершению террористического акта в отношении высших должностных лиц Туркменистана), ст.70 (антигосударственная деятельность), ст.159 ч.2 (вымогательство, совершенное путем сговора группой лиц) и ст.17, 230 (соучастие в самоуправстве), а М.Аймурадова - виновным по ст.15, 17, 64 ч.1, 70 и ст. 209 ч.2 (побег из места содержания под стражей). Гараев и Аймурадов были приговорены соответственно к 12 и 15 годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима.

"Дело Гараева и Аймурадова" сразу привлекло внимание широкой общественности, поскольку это было первое масштабное политически мотивированное уголовное дело, сфабрикованное КНБ после получения Туркменистаном государственной независимости. В качестве возможных соучастников Гараева и Аймурадова в "деле №628" с первых дней фигурировали известные деятели туркменской оппозиции, проживавшие как внутри страны, так и за рубежом. Кроме того, туркменская оппозиция впервые была обвинена властями в попытке вооруженного захвата государственной власти.

Уголовное дело с самого начала было засекречено КНБ, тем не менее авторам доклада удалось собрать большой объем документов и информации по этому вопросу. Были изучены ходатайства, заявления и выступления на суде адвокатов обвиняемых, тексты постановления о предъявлении обвинения и приговора суда, некоторые официальные документы российских учреждений,

⁷ Гараев Хошалы Джораевич родился 20 июня 1962 года, туркмен, уроженец села Беспер Ходжамбасского района Чарджоуской области, образование - среднее, ранее не судимый. После демобилизации из рядов Советской Армии с 1983 г. проживал в г.Москве, работал сотрудником милиции Москворецкого района. С 1990 года занимался коммерческой деятельностью, на момент ареста являлся президентом фирмы "Бешир". На иждивении Гараева находилась большая жена с двумя детьми. Кроме того, гражданская жена Гараева имела пятимесячного сына и в июне 1995 г. должна была родить второго ребенка.

⁸ Аймурадов Мухамметгулы, 1946 года рождения, уроженец села Херрикала Ашхабадского района, образование - высшее, ранее не судимый, в 1989-1992 гг. работал управляющим Инженерного дорожного ремонтно-строительного треста в г.Ашхабаде, позднее переехал в Москву, где на момент ареста являлся генеральным директором Акционерного общества "Базальт".

материалы правозащитных организаций, а также выписки из томов уголовного дела, сделанные лицом, пожелавшим остаться неизвестным. Были подробно опрошены родственники обвиняемых, их адвокаты, политэмигранты А.Кулиев и М.Эсенов, являвшиеся по версии следствия инициаторами планов государственного переворота (часть этих материалов была опубликована на страницах бюллетеня "Центрально-Азиатские страницы. Информационная сводка по Туркменистану"). По мнению авторов доклада, хотя в событиях, предшествующих аресту Гараева и Аймурадова, остаются некоторые "белые пятна", их наличие не может существенным образом повлиять на анализ юридической обоснованности приговора и многочисленных процессуальных нарушений, допущенных КНБ Туркменистана в ходе расследования данного уголовного дела.

Незаконное задержание и выдача в Туркменистан

26 октября 1994 г. Гараев и Аймурадов вылетели в Ташкент, где остановились на квартире родственников Аймурадова по адресу массив "Чиланзар-3", д.29, кв.12. В ходе следствия и на суде обвиняемые заявили, что целью их поездки в Узбекистан была "закупка лука". Позднее политэмигрант М.Эсенов в открытом письме к одному из авторов доклада признал, что Ташкент использовался в качестве транзитного пункта и что Гараев и Аймурадов должны были далее выехать в Туркменистан для подготовки митинга оппозиции в Ашхабаде.

28 октября 1994 г. в Ташкенте на квартиру к Аймурадову и Гараеву пришли два милиционера и неизвестный человек в штатском, назвавшийся сотрудником СНБ Узбекистана, и предложили им пройти в отделение милиции для выяснения обстоятельств якобы имевшего место конфликта с таксистом⁹. По словам Гараева, в отделении на него и Аймурадова надели наручники и, затолкав в машину, повезли в аэропорт. Никто из сотрудников узбекских правоохранительных органов не представился и не объяснил причин происшедшего. На все вопросы Гараева был дан единственный ответ: "Узнаешь в Ашхабаде".

В тот же день Гараев и Аймурадов были доставлены самолетом в Ашхабад и помещены в следственный изолятор (СИЗО) КНБ Туркменистана.

По мнению адвокатов, на момент проведения операции по захвату Гараева и Аймурадова какие-либо правовые основания для их задержания и выдачи в Туркменистан отсутствовали.

Инкриминируемые им в качестве преступных действия были совершены Гараевым и Аймурадовым по месту их постоянного проживания на территории России, и их расследование относилось исключительно к юрисдикции российских властей. Более того, специально расследовав весной 1994 г. обвинение в вымогательстве, якобы совершенном в Москве российскими гражданами Х.Гараевым и А.Кулиевым, правоохранительные органы РФ не нашли в их действиях состава преступления (подробнее см. ниже).

Действия сотрудников узбекской и туркменской спецслужб также противоречили действующим в этих двух странах процессуальным нормам. Как выяснилось, уголовное дело по подготовке террористического акта было возбуждено КНБ Туркменистана лишь 1 ноября 1994 г., постановление об

⁹ Информация посольства РФ в Ашхабаде.

аресте Гараева по делу о вымогательстве подписано 5 ноября и т.д. - то есть уже после задержания Х.Гараева и М.Аймурадова в Ташкенте. С целью скрыть факты незаконного ареста указанных лиц на территории другого государства и последующей выдачи их в Туркменистан следственный отдел КНБ Туркменистана задним числом сфабриковал т.н. "протоколы задержания", согласно которым М.Аймурадов якобы был задержан туркменскими спецслужбами в Ашхабаде 1 ноября 1994 г., а Х.Гараев - 3 ноября.

Позднее заместитель начальника следственного отдела КНБ Туркменистана майор Бекмурад Отузов признал в интервью газете "Туркменская искра" от 3 января 1995 г., что Гараев и Аймурадов "были задержаны 28 октября в Ташкенте спецслужбами Узбекистана и переданы туркменским властям".

Это признание весьма важно по той причине, что узбекская сторона, по данным МИД РФ, даже в 1995 г. продолжала отрицать, что ее спецслужбы имели какое-либо отношение к проведенной акции.

Между тем в уголовном деле имеется письмо в Генеральную прокуратуру и СНБ Узбекистана, информирующее, что туркменскими правоохранительными органами "расследуется дело по факту вымогательства... в отношении Кулиева А., Гараева Х., Кулиева Ч., Эсенова Х. По нашим сведениям, 25-30 октября 1994 г. вышеперечисленные лица и Х.Сойинов будут в Узбекистане. Просим содействия в их задержании".

В указанном документе полностью игнорируется факт наличия у Х.Гараева и А.Кулиева российского гражданства и то, что они не находились в розыске на территории РФ. Как следует из текста письма, требование о выдаче М.Аймурадова вообще не направлялось туркменской стороной в СНБ Узбекистана, тем не менее он был подвергнут насильственному задержанию и выдан в Туркменистан.

По имеющимся данным, вопрос о выдаче Аймурадова и Гараева был решен в ходе телефонного разговора между руководителями органов государственной безопасности двух стран.

По мнению юристов, вышеописанные незаконные действия сотрудников спецслужб в г.Ташкенте могут быть квалифицированы по ст.137-1 п."в" (похищение человека, совершенное по предварительному сговору группой лиц) и ст.138 (насильственное незаконное лишение свободы) Уголовного кодекса Республики Узбекистан.

Участие Х.Гараева в "вымогательстве"

Вскоре после заключения под стражу 11 ноября 1994 г. Х.Гараеву было предъявлено обвинение по ст.159 ч.3 УК Туркменистана "вымогательство, совершенное организованной группой, путем угрозы убийством и нанесением тяжких телесных повреждений и принесением крупного ущерба".

Х.Гараев обвинялся в том, что 29 декабря 1993 г. по просьбе туркменского диссидента Авды Кулиева, проживающего в Москве, вместе с двумя другими лицами встретил в московском аэропорту "Домодедово" и "под угрозой насилия" привез на квартиру к Кулиеву гражданина Германии, этнического туркмена по происхождению Абдула Рашида Назара.

Как следует из материалов уголовного дела, 16 сентября 1992 г. А.Р.Назар, руководитель фирмы "Назар", и А.Кулиев заключили письменный договор (на туркменском языке), согласно которому Кулиев передавал Назару

40 тыс. долларов наличными, которые последний должен был вложить в совместный бизнес; прибыль, за вычетом документально подтвержденных затрат, должна была делиться пополам и соответствующая часть перечисляться на счет Кулиева, который Назар обещал открыть в одном из немецких банков. Устно было оговорено, что деньги должны быть возвращены Кулиеву по первому требованию.

Назар в течение длительного времени уклонялся от выполнения предусмотренных договором обязательств и не возвращал деньги, несмотря на то, что Кулиев обращался к нему с соответствующей просьбой "4-5 раз".

Узнав о приезде Назара в Москву, Кулиев попросил Х.Гараева встретить Назара в аэропорту и привезти к нему на квартиру. Вместе с Гараевым в аэропорт приехали еще двое его знакомых, один из которых Муса Муджиев - располагал легковой автомашиной, а другой - Гуванч Гараев - должен был "показать А.Р.Назара", которого Х.Гараев лично не знал.

На квартире Кулиева Назар пообещал отдать деньги в ближайшие дни. В качестве залога им были оставлены личные документы. Х.Гараев и другие лица в разговоре с Назаром участия не принимали.

Х.Гараев помог А.Р.Назару получить номер в гостинице "Минск".

7 января 1994 г. Назар возвратил деньги Кулиеву, о чем последним на тексте договора была сделана запись: "Я получил обратно свои 40 тыс. долларов США вместе с прибылью в сумме 62 тыс. долларов США"¹⁰. Передача денег происходила в гостиничном номере Назара. С Назаром разговаривали Авды Кулиев и его сын Мурад, а Х.Гараев и М.Муджиев по просьбе Кулиева находились в холле гостиницы, с целью страховки от возможных инцидентов при выносе полученной от Назара крупной суммы денег.

Находясь в России, А.Р.Назар не предъявлял каких-либо претензий А.Кулиеву и др. Однако в том же месяце, прилетев в Ашхабад, он, вероятно, не без подсказки сотрудников КНБ, заинтересованных в дискредитации оппозиции, написал заявление на имя председателя КНБ Туркменистана С.Сеидова, в котором утверждал, что подвергся вымогательству со стороны "группы преступников".

По заявлению А.Р.Назара КНБ Туркменистана возбудил уголовное дело. 21 января и 27 мая 1994 г. в Генеральную прокуратуру РФ были направлены письма с просьбой оказать содействие в расследовании уголовного дела по факту вымогательства у А.Р.Назара 50 тыс. долларов.

25 мая 1994 г. газета "Туркменская искра" под заголовком "Обыкновенная уголовщина" опубликовала заметку следующего содержания:

"Как сообщили корреспонденту Туркмен-Пресс в Комитете национальной безопасности Туркменистана, в настоящее время совместными усилиями Генеральной прокуратуры России и КНБ Туркменистана удалось установить группу лиц, которая в декабре 1993-го года насильственно захватила в аэропорту Домодедово пассажира рейса Ашгабат-Москва германского бизнесмена А.Р.Назара.

Сумев вырваться из рук захватившей его группы, этот германский гражданин обратился в КНБ Туркменистана и сообщил о том, что он был захвачен по прямому указанию Авды Кулиева, бывшего министра иностранных дел Туркменистана, который, сколотив преступную группу, применяет

¹⁰ 7 января 1994 г. Назар передал Кулиеву 50 тыс. долларов, а 12 тыс. долларов были возвращены Кулиеву несколькими месяцами ранее.

методы шантажа и угроз оружием для выбивания необходимых денежных средств.

А.Р.Назар, в частности, сообщил, что 28 декабря 1993 года, при очередной поездке в Германию, в аэропорту Домодедово его схватили трое неизвестных лиц, насильственно посадили в автомобиль марки "БМВ", увезли для разборки со "Стариком". "Стариком" оказался А.Кулиев, а разборка происходила у него дома. Под предлогом того, что свой бизнес в Туркменистане А.Р.Назар в свое время начал при его содействии, А.Кулиев с помощью своих подручных, отобрав паспорт и другие документы, стал требовать у него 50 000 долларов. Получив отказ, преступники насильно удерживали А.Р.Назара в Москве. При этом А.Кулиев предупредил о том, что ждать выплаты он готов, но если А.Р.Назар заявит о примененном против него насилии, в первую очередь в правоохранительные органы Туркменистана, то он будет жестоко наказан.

Несмотря на эти угрозы, германский гражданин, вырвавшись из-под ареста, попросил вмешательства компетентных органов.

В настоящее время возбуждено уголовное дело и проводится комплекс оперативных и следственных мероприятий, направленных на выявление дополнительной информации и показаний о функционировании этой криминальной группы. КНБ Туркменистана с помощью Генеральной прокуратуры России установил трех подручных Кулиева и сумел допросить их...

Разумеется, эти факты и появление лиц, претендующих на какие-то позиции с той лишь целью, чтобы отвлечь внимание от своей криминальной деятельности, говорят сами за себя".

Примечательно, что в заметке вообще не упоминается долг А.Р.Назара Кулиеву, а утверждения об "угрозах оружием" и "шантаже" не нашли подтверждения в ходе следствия.

С целью добиться выдачи "преступников" в Москве начиная, по крайней мере, с 23 мая 1994 г. постоянно находилась группа офицеров КНБ Туркменистана во главе с первым заместителем председателя КНБ М.Назаровым. 30 мая в Москву были командированы два сотрудника Генеральной прокуратуры Туркменистана (один из них - следователь Ровшен Орунбаев).

В начале июня 1994 г. прокурор-криминалист следственного управления Прокуратуры г.Москвы С.В.Фролов в присутствии представителей Генеральной прокуратуры Туркменистана допросил в качестве свидетелей А.Кулиева и Х.Гараева, а также 15 июня провел очную ставку между А.Р.Назаром и А.Кулиевым. Допросы осуществлялись по указанию Генерального прокурора РФ на основе отдельного поручения, поступившего из Генеральной прокуратуры Туркменистана. После завершения следственных мероприятий российская прокуратура отказала в возбуждении уголовного дела в отношении мнимых "вымогателей". Сергей Фролов от имени прокуратуры принес извинения А.Кулиеву.

Такой результат не устроил руководство КНБ Туркменистана, которое заявило, что правоохранительные органы этой страны сами доведут дело до конца.

При рассмотрении обвинения в вымогательстве Верховным Судом Туркменистана в июне 1995 г. в качестве доказательства вины Х.Гараева

фигурировали показания «потерпевшего» А.Р.Назара, двух свидетелей того, что Х.Гараев встретил германского бизнесмена в аэропорту "Домодедово", и двух других свидетелей, которым в январе 1994 г. А.Р.Назар говорил, что у него требуют возвращения большой суммы денег. Никто из свидетелей не подтвердил, что Х.Гараев совершал в отношении А.Р.Назара какие-либо насильственные действия, угрожал ему с целью получения денег или вообще обсуждал финансовые вопросы.

В качестве главной улики по эпизоду с вымогательством фигурировала расписка Кулиева в получении денег от А.Р.Назара. То, что Кулиеву была возвращена сумма большая, чем он отдал А.Р.Назару, судом квалифицировалось как получение у бизнесмена путем угроз (вымогательства) со стороны группы лиц по предварительному сговору лишних 22 тыс. долларов. В приговоре, однако, не содержится никакого обоснования того, что избыточная сумма не может рассматриваться как доля А.Кулиева в общей прибыли, на которую он имеет право согласно договору с А.Р.Назаром. Сам А.Р.Назар в ходе очной ставки с Кулиевым заявил, что финансовых документов об использовании полученных от А.Кулиева денег не имеет. По его словам, "внесенные А.Кулиевым 40 000 долларов оборачивались в общей массе денег моей фирмы и выделить из них какие-либо обороты невозможно".

По информации адвоката Х.Гараева, несмотря на признание следствием А.Р.Назара "потерпевшим", которому нанесен "крупный материальный ущерб", германский бизнесмен давал путаные показания, а позднее заявил, что не предъявляет никому моральных или материальных претензий, и даже отказался знакомиться с материалами уголовного дела¹¹.

В целом ситуацию, когда расследование по факту "вымогательства", совершенного в России российскими гражданами в отношении гражданина Германии, проводили правоохранительные органы Туркменистана, трудно характеризовать иначе, чем юридический нонсенс.

Несмотря на все вышесказанное, Верховный Суд Туркменистана признал Х.Гараева виновным в вымогательстве, переквалифицировав обвинение с ч.3 ст.159 УК Туркменистана, предусматривающей наличие организованной преступной группы, на ч.2 той же статьи УК (вымогательство, совершенное путем сговора группой лиц), и добавив ст.17, 230 (соучастие в самоуправстве) - по участию Гараева в возвращении первоначального долга А.Р.Назара А.Кулиеву. Требования о выдаче других лиц, участвовавших в совершении этого "преступления", после вынесения приговора Х.Гараеву правоохранительными органами Туркменистана в РФ не направлялись.

Обвинения в подготовке террористического акта и антигосударственной деятельности.

1 ноября 1994 г. одновременно с возбуждением КНБ уголовного дела № 628 М.Аймурадову было предъявлено обвинение по ст.15, 64 ч.1 УК Туркменистана¹² в подготовке террористического акта в отношении высших

¹¹ Ходатайство адвоката М.С.Мельниковского от 15.04.1995.

¹² Ст.64 ч.1 "Террористический акт": "Убийство государственного или общественного деятеля, представителя власти, совершенное в связи с его государственной или общественной деятельностью, с целью подрыва или ослабления конституционного строя наказывается лишением свободы на срок от 10 до 15 лет с конфискацией имущества или без конфискации и ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки или смертной казнью с конфискацией

должностных лиц Туркменистана, включая президента этой страны. Позднее те же действия были дополнительно квалифицированы по ст.70 УК (антигосударственная деятельность). Аналогичное обвинение Х.Гараеву было предъявлено лишь 11 апреля 1995 г., однако уже начиная со 2 ноября 1994 г. он интенсивно допрашивался по указанному делу, с ним были проведены несколько очных ставок лиц, выступающих в качестве свидетелей обвинения.

По официальной версии, уголовное дело было возбуждено на основе заявлений в КНБ граждан Туркменистана Ю.Кулиева (от 29 октября 1994 г.), М.Джумагулыева и А.Худайбердыева, которые сообщили, что проживавшие в Москве туркменские оппозиционеры и их сторонники планируют совершение террористического акта в отношении Президента Туркменистана.

В действительности официальное расследование органами КНБ проводилось по крайней мере с 10 октября 1994 г.

В уголовном деле № 628 имеется письмо на имя председателя КНБ от 10 октября 1994 г. следующего содержания: "8 октября 1994 г. неизвестным лицом в посольство Туркменистана в РФ доставлен пакет без указания на нем адресов получателя и отправителя. При вскрытии пакета было обнаружено три листа рукописного текста. Содержание написанного, на мой взгляд, затрагивает интересы национальной безопасности Туркменистана".

"Три листа рукописного текста" представляли собой письмо без подписи на туркменском языке, написанное ашхабадским журналистом Юсупом Кулиевым и адресованное политэмигранту Халмураду (Мураду) Эсенову, в то время проживавшему в Москве.

Ниже приводится русский перевод указанного письма (текст публикуется впервые):

"Здравствуй, Мурад!

Мурад, прочитай внимательно, если помнишь информацию по нашему варианту, вот детали по нему: Точка, о которой я рассказал друзьям на расстоянии 300-400 метров, где можно спрятаться, теперь - проблема. Возьми на заметку. Там возле гор создали замаскированный пункт для скрытого наблюдения. Один - на высоте, второй - снизу, там же проходит проволочное ограждение и там недавно установили сигнализацию. На вышеупомянутых пунктах ночью дежурят 4 пограничника с собаками. Караул меняется каждые 4 часа. Когда приближаются наши друзья к этой точке, пограничники замечают и сообщают вниз.

Поэтому у нас есть вариант:

1. Надо нашим друзьям или подкупить начальника заставы, или сделать, чтобы он работал на нас, чтобы наши спокойно подошли к этой точке.

2. Информация о погранзаставе. Число пограничников - 60. Все туркмены. 5 офицеров, 4 из них - русские. Начальник заставы - русский офицер Запорожец Андрей. Имеются 3 БМП. Надо договориться с этим Андреем или с начальником комендатуры. Комендатура находится между Багиром и Яшбашем. Начальник - майор Башкатов. Лучшее будет, если договориться с этим Андреем.

Мурад, теперь подумай, если мы даже будем стоять на этом варианте,

имущества или без конфискации".

надо добиться через русских, чтобы начальник заставы работал на нас. Если мы это не сможем, то не получится скрытно взять "его". Если мы вернемся к старому варианту, то это очень опасно, потому что 30 охранников, 60 солдат, 3 БМП - большая сила. Поэтому надо работать по вышеописанному варианту.

Прочти это письмо старшему. Если надо будет, я в середине октября приеду к Вам, потому что надо обсудить последние обстоятельства. Об этом поговорим позже. Еще об одном. Ты подумай об электронной связи, это нам очень нужно.

Мурад, подумайте все вместе о вышеуказанном и в ближайшее время сообщите мне письменно.

Если придет доверенное лицо, через него передайте мне. Остальные работы идут нормально, ребята передают привет. До свидания, жду ответа".

Далее во второй части письма содержались короткие информационные сообщения, которые отправитель просил использовать в передачах туркменской службы Радио "Свобода" и в оппозиционном журнале "Туркмен или".

Письмо было передано в Москву Х.Эсенову через одного из граждан Туркменистана 3 октября 1994 г. На следующий день Х.Эсенов, по его словам, выйдя из дома, подвергся нападению со стороны группы неизвестных лиц, в результате чего дипломат с письмом и другими материалами политического характера был похищен¹³ и вскоре оказался в КНБ Туркменистана.

19 октября 1994 г. экспертиза установила, что текст письма написан Ю.Кулиевым, который на следующий день был доставлен в КНБ и вскоре начал сотрудничать со следствием¹⁴. В обмен на необходимые показания КНБ отказался от предъявления Ю.Кулиеву уголовных обвинений и даже попытался представить дело так, будто последний добровольно обратился в КНБ с заявлением о преступных намерениях лидеров оппозиции.

Ю.Кулиев в ходе следствия неоднократно заявлял, что собрал и передал в Москву данные о системе охраны резиденции президента Туркменистана в пос. Фирюза по просьбе Х.Эсенова (последний отрицает, что давал такое задание).

Письмо Ю.Кулиева оказалось единственным вещественным доказательством существования "террористических планов" оппозиции, полученным КНБ.

Все участники событий того времени высказывают уверенность, что история с письмом Ю.Кулиева является провокацией КНБ, который, предположительно, был в курсе планов политических противников С.Ниязова, по крайней мере, с сентября 1994 г.¹⁵ Обсуждение противоречивых версий,

¹³ "Комсомольская правда" 6.10.1994; "Сегодня" 7.10.1994.

¹⁴ По информации "Human Rights Watch", Ю.Кулиев с 20 октября по 6 ноября 1994 г. находился в СИЗО КНБ, позднее - под домашним арестом. В октябре 1994 г. его на два дня помещали в психиатрическую больницу, где вводили неизвестные медикаментозные препараты. В период нахождения под стражей Ю.Кулиев также подвергался запугиваниям и избиениям.

¹⁵ Согласно интервью следователя КНБ Б.Отузова агентству "Туркмен-пресс", "еще за два месяца" до задержания Гараева и Аймурадова "КНБ Туркменистана располагало данными о противозаконной деятельности заговорщиков, их целях и намерениях". "Уже в сентябре в органы Комитета национальной безопасности обратились некоторые из завербованных ими /подследственными/ людей с сообщениями о готовящемся террористическом акте" ("Туркменская искра" 3.01.1995). Последнее сообщение хорошо согласуется с информацией,

выдвигаемых в этой связи различными лицами, выходит за рамки настоящего доклада.

Адвокаты Аймурадова, выступая на суде, обратили внимание на то, что органы КНБ не предприняли никаких шагов "по проверке сведений, изложенных в письме Ю.Кулиева, и источников их получения".

Предположение о провокации представляется достаточно убедительным, особенно если иметь в виду, что похищение письма произошло вскоре после того, как 23 сентября 1994 г. президент Туркменистана на заседании правительства призвал правоохранительные органы предпринять действия "в интересах нейтрализации деятельности изменников Родины", проживающих за рубежом. 14 октября 1994 г. российская газета "Известия" сообщила, что "на только что состоявшемся заседании Кабинета Министров" Сапармурат Ниязов дал указание Генеральной прокуратуре обратиться с требованием к российским правоохранительным органам о выдаче в Туркменистан А.Кулиева, Х.Союнова и "прислуживающих им" Х.Гараева и Чары Кулиева, совершивших "тяжкие уголовные преступления" и "находящихся в розыске". При этом, как уже отмечалось, уголовное дело в отношении указанных лиц было возбуждено лишь 1 ноября - через две с половиной недели после цитируемого выше выступления президента.

Как сообщили авторам доклада политэмигранты А.Кулиев и Х.Эсенов, игравшие ключевую роль в деятельности зарегистрированного в Москве Фонда "Туркменистан", являвшегося в 1993-1994 гг. своеобразным центром туркменской оппозиции, с начала августа 1994 г. ими и их сторонниками в России и Туркменистане интенсивно обсуждалась идея проведения массового многодневного митинга в г.Ашхабаде с требованием отставки президента страны и проведения свободных выборов (продление президентских полномочий Ниязова до 2002 г. путем референдума, проведенного в январе 1994 г., оппозиционеры считали противоречащим Конституции Туркменистана).

По данным авторов доклада, в ходе имевших место дискуссий отдельные лица высказывали мнение о неизбежности в условиях диктаторского режима насильственных действий, предлагая, чтобы еще до начала митинга глава государства и министр внутренних дел были задержаны некими "вооруженными группами", а их охрана в случае сопротивления "нейтрализована". Однако большинство оппозиционеров возражало против этих планов, никакие практические шаги в этом отношении не предпринимались. Позднее из-за неподготовленности митинга и возникших разногласий среди его организаторов начало выступления неоднократно переносилось (последняя назначенная дата - 30 октября) и в итоге было отложено на неопределенный срок.

С учетом вышесказанного, рассмотрим вопрос о степени обоснованности вины Х.Гараева и М.Аймурадова в подготовке террористического акта по материалам следствия и обвинительного приговора, вынесенного Верховным Судом Туркменистана.

Согласно тексту приговора, Гараев должен был лично участвовать в осуществлении террористического акта против президента и руководителей силовых ведомств Туркменистана и по поручению Кулиева, Эсенова и Союнова пытался подобрать для этой цели физически подготовленных молодых людей.

полученной авторами доклада, о том, что через два-три дня после возвращения из Москвы одноклассники Х.Гараева - М.Джумагулыев и А.Худайбердыев были опрошены работниками КНБ и под диктовку последних сделали необходимые КНБ письменные заявления.

Два одноклассника Х.Гараева из Туркменистана - Мурадгельды Джумагулыев и Атамурад Худайбердыев - дали показания, что в сентябре 1994 г. они по приглашению Гараева приехали на неделю в Москву. Гараев сообщил им, что связан с туркменской оппозицией, возглавляемой А.Кулиевым, и в один из дней познакомил с Х.Эсеновым. В ходе их единственной 20-минутной беседы (возле кинотеатра "Россия") Эсенов коротко расспросил о ситуации в Туркменистане, сказал собеседникам, что оппозиция планирует захватить резиденцию Ниязова в Фирюзе, и предложил им участвовать в государственном перевороте. Гараев, подтвердив на суде содержание беседы с Эсеновым, заявил, что слова последнего вызвали у него удивление и он не придал им значения. Согласно показаниям Джумагулыева М., "в конце разговора мне показалось, что Эсенов понял, что мы ему не доверяем". Больше вопрос о "террористическом акте" не обсуждался.

По информации автора доклада, заявления М.Джумагулыева (дата неизвестна) и А.Худайбердыева (от 13 октября 1994 г.) в КНБ, ставшие основанием для возбуждения уголовного дела, были написаны под диктовку работников этого ведомства, имевших агентурную информацию о встрече указанных лиц с Эсеновым.

В судебном приговоре утверждается, что Гараев рассказывал М.Джумагулыеву и А.Худайбердыеву о планах оппозиции провести государственный переворот у себя на квартире еще до беседы с Эсеновым. Однако имеющиеся показания по этому вопросу носят путаный характер, содержат фантастические детали (например, якобы со слов Гараева утверждается, что оппозиция уже закупила и спрятала оружие, включая... два бронетранспортера) и в целом вызывают серьезные сомнения.

Доказательства вины М.Аймурадова основаны, главным образом, на показаниях Ю.Кулиева, двух наркоторговцев, бежавших вместе с Аймурадовым из СИЗО КНБ (см. ниже), и бывшего мужа его сестры Ата Оразова, в доме у которого беглецы скрывались некоторое время.

Суть показаний Ю.Кулиева состоит в том, что 8 сентября 1994 г. он, находясь в Москве, дважды видел М.Аймурадова: днем тот зашел в кафе, где свидетель находился в обществе А.Кулиева, Х.Эсенова и Х.Союнова, и, переговорив с А.Кулиевым, уехал; а вечером М.Аймурадов на 20 минут заехал на квартиру к Кулиеву, где вышеназванные лица продолжали обсуждение своих политических планов, выпил кофе и о чем-то переговорил с А.Кулиевым. В обсуждении политических вопросов М.Аймурадов, по признанию Ю.Кулиева, не участвовал, хотя "мог слышать содержание беседы". В октябре 1994 г. Ю.Кулиев разговаривал с находившимся в Ташкенте М.Аймурадовым по телефону, номер которого ему дал Х.Эсенов. На основе вышесказанного в заявлении Ю.Кулиева в КНБ от 29 октября 1994 г. М.Аймурадов называется среди других лидеров оппозиции, якобы участвовавших в подготовке террористического акта.

Арслан Реджепов и Мурад Пирджанов, использовавшиеся в СИЗО КНБ на хозяйственных работах, и ранее судимый Ата Оразов в ходе следствия показали, что после совершения побега из СИЗО КНБ (подробнее см. ниже) 8 февраля 1995 г. за ужином в доме Оразова Аймурадов якобы рассказал им, что оппозиция готовится насильственно устранить президента Туркменистана в ближайшие 5-6 месяцев. Для этого рассматриваются два варианта: вооруженное выступление 500-600 чел. (оружие уже закупается и хранится в Лебапском

веляте) и использование наемного убийцы, для чего необходим 1 млн. долларов (вопрос прорабатывается Эсеновым и Кулиевым).

На суде Реджепов и Пирджанов, осужденные Верховным Судом Туркменистана 26 мая 1995 г. на длительные сроки лишения свободы, полностью отказались от всех показаний в отношении М.Аймурадова, данных в ходе следствия, и заявили, что о подготовке оппозицией террористического акта Аймурадов им ничего не говорил, они оговорили Аймурадова, поскольку следователь КНБ обещал им за дачу необходимых показаний значительно сократить срок заключения, а Реджепова обещал оставить на хозяйственных работах в СИЗО КНБ и "еще до побега (!) давал /ему/ читать материалы секретного дела в отношении Аймурадова". Реджепов и Пирджанов настаивали на своих новых показаниях, несмотря на угрозы прокурора привлечь их к уголовной ответственности за дачу ложных показаний на предварительном следствии. Верховный Суд Туркменистана, однако, проигнорировал заявление вышеназванных свидетелей.

Что касается Ата Оразова, то, согласно показаниям на суде Реджепова и Пирджанова, именно этот человек в присутствии М.Аймурадова выразил желание совершить убийство Туркменбаши - из-за незаконного, по его мнению, осуждения двух его сыновей. Сам Ата Оразов в 1984 г. был осужден за нанесение тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего. Согласно неподтвержденной информации, полученной авторами доклада, А.Оразов дал согласие сотрудничать со следствием после обещания работников КНБ облегчить приговор его сыну. В любом случае Оразов также не сообщил каких-либо конкретных сведений о причастности Аймурадова к подготовке террористического акта.

В приговоре Верховного Суда Туркменистана также утверждается, что Гараев и Аймурадов в октябре 1994 г. приехали в Ташкент для закупки оружия с целью его использования для совершения террористического акта. По данным авторов доклада, впервые версия о том, что указанные лица планировали закупить и провезти из Ташкента в Ашхабад стрелковое оружие для покушения на высших должностных лиц Туркменистана, была высказана председателем КНБ С.Сеидовым одному из российских журналистов в начале ноября 1994 г.

На суде единственным "доказательством" намерения подсудимых закупить оружие явились весьма сомнительные в плане достоверности свидетельские показания сокамерника М.Аймурадова четырежды судимого рецидивиста Э.П.Краснова, который отсутствовал на судебном заседании "по болезни" и с которым, согласно показаниям свидетелей, у Аймурадова были неприязненные личные отношения.

Как видно из этого краткого обзора, почти вся доказательная база обвинения Х.Гараева и М.Аймурадова в подготовке террористического акта строится на устных показаниях туркменских граждан, находящихся в зависимости от следственных органов и в большинстве случаев не являвшихся непосредственными свидетелями совершения "преступных действий". По мнению авторов доклада, конкретная вина обвиняемых материалами дела доказана не была, а их причастность к оппозиции не может служить основанием для привлечения к уголовной ответственности.

Большинство собранных в "деле №628" свидетельских показаний не имеют прямого отношения к действиям Х.Гараева и М.Аймурадова и свидетельствуют (в случае их достоверности) лишь о том, что политэмигранты

Эсенов и Союнов заявляли в Москве о намерении осуществить в Туркменистане государственный переворот, в том числе с использованием вооруженных групп задержать нескольких руководителей государства. В то же время следствием не было найдено никаких доказательств того, что такие группы были созданы или реально создавались, не было обнаружено и оружие, якобы уже закупленное оппозицией. Не соответствовало действительности и утверждение Х.Эсенова в разговоре с одноклассниками Х.Гараева, что сторонники оппозиции уже осуществили видеосъемку резиденции президента с целью подготовки ее захвата.

Информация, содержащаяся в письме Ю.Кулиева, по непонятным причинам не была подвергнута проверке в ходе следствия, поэтому письмо в соответствии с процессуальными нормами не могло использоваться в качестве вещественного доказательства, равно как и составленное неизвестным лицом и приобщенное к делу "Обращение оппозиции", декларирующее переход власти в Туркменистане к Временному совету. В любом случае оба этих документа не имели отношения к осужденным Гараеву и Аймурадову.

В свете вышесказанного авторам доклада представляется достаточно обоснованной позиция адвокатов Х.Гараева и М.Аймурадова, потребовавших оправдания подсудимых и освобождения их из-под стражи.

"Соучастники"

"Дело №628" задумывалось КНБ Туркменистана как масштабное уголовное дело, направленное на дискредитацию политических противников режима Ниязова. В конце октября - начале ноября 1994 г. несколько проживающих в Ашхабаде, Мары и Чарджоу активистов оппозиции и связанных с ними лиц были задержаны или вызывались на "беседы" в КНБ. Сопредседатель оппозиционного движения "Агзыбирлик" Худайберды Халлыев провел в СИЗО КНБ три дня (с 1 по 3 ноября 1994 г.). Допросы задержанного вел лично председатель КНБ Туркменистана С.Сеидов. По данным КНБ, на совещаниях оппозиции в Москве о Халлыеве якобы говорили как о человеке, у которого "можно оставить оружие", необходимое для совершения террористического акта.

Однако никаких доказательств причастности Халлыева к терроризму и подготовке государственного переворота обнаружено не было, и он был освобожден. По данным авторов доклада, члены движения "Агзыбирлик" вообще не участвовали в подготовке антиправительственной демонстрации в Ашхабаде, поскольку руководители этого движения в середине августа 1994 г. пришли к мнению, что Х.Эсенов является "provokatorom", с которым не следует вести какие-либо дела.

В г.Мары за попытку размножения оппозиционного журнала "Туркмен или", издававшегося в Москве, сотрудниками КНБ был задержан Акмухаммед Зарипов, брат проживающего в Москве туркменского художника-диссидента Аннамухаммеда Зарипова. С 1 по 3 ноября 1994 г. он содержался в СИЗО г.Мары. Позднее Зарипов был освобожден под подписку о невыезде, и налоговые органы начали проверку его коммерческой деятельности.

16 ноября 1994 г. было вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемых по ст.15, 64 УК Туркменистана проживающих в Москве Х.Эсенова и Х.Союнова. В постановлении указывалось, что Эсенов и Союнов "вступили в преступный сговор" с А.Кулиевым и М.Аймурадовым и "склонили"

к участию в реализации своих преступных планов Ю.Кулиева, Х.Гараева, М.Джумагулыева и А.Худайбердыева.

18 ноября 1994 г. исполняющему обязанности Генерального прокурора РФ А.Ильюшенко туркменскими правоохранительными органами было направлено письмо о возбуждении "уголовного дела № 628" в отношении Х.Эсенова и Х.Союнова "по заявлениям граждан Кулиева Ю., Худайбердыева А., Джумакулиева М., а также Гараева Х."

Помимо заявлений о подготовке оппозицией террористического акта, в письме утверждалось, что М.Аймурадов и А.Кулиев присвоили 302 тыс. долларов государственных средств¹⁶. 23 ноября 1994 г. информация о присвоении М.Аймурадовым 300 тыс. долларов была, с ссылкой на туркменского вице-преьера Бориса Шихмурадова, опубликована российской "Литературной газетой".

В действительности, уголовное дело по поводу якобы имевшего места хищения государственных средств правоохранительными органами Туркменистана не возбуждалось, М.Аймурадов или другие лица по этому вопросу не допрашивались.

По сообщению представителя Генеральной прокуратуры РФ, Х.Союнов также обвинялся туркменской стороной в сексуальных домогательствах к своей секретарше во время работы заместителем главы администрации г.Кизыл-Арвата в 1992 г.¹⁷

Генеральная прокуратура Туркменистана ходатайствовала о выдаче Х.Эсенова и Х.Союнова. 24 и 25 ноября 1994 г. указанные лица были задержаны в Москве сотрудниками ФСК РФ и помещены в ИВС по адресу ул.Петровка, д.38. Вскоре после задержания они подали заявления на имя президента РФ Б.Н.Ельцина о предоставлении им политического убежища.

Задержание туркменских диссидентов в Москве вызвало бурные протесты общественности. В заявлении Фонда защиты гласности отмечалось, что согласно ст.63 Конституции РФ "в Российской Федерации не допускается выдача другим государствам лиц, преследуемым за политические убеждения". Российские власти критиковались за отсутствие гласности в этом деле, соучастие в преследовании туркменских диссидентов и недопущение к задержанным адвокатов (в течение двух недель). Кроме того, как выяснилось, конвенция "О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам", на которую ссылалась Генеральная прокуратура РФ в обосновании своих действий, была ратифицирована Россией лишь 10 декабря 1994 г., т.е. на момент задержания не имела законной силы.

В итоге после предъявления 14 декабря 1994 г. обвинения в подготовке террористического акта и проведения ряда следственных действий Генеральная прокуратура РФ отказала в выдаче Х.Эсенова и Х.Союнова в Туркменистан, 21 декабря 1994 г. они были освобождены. Одновременно 20 декабря Генеральная прокуратура РФ возбудила уголовное дело №238701 в отношении А.Кулиева, Х.Сойинова и М.Эсенова по признакам состава преступления,

¹⁶ Согласно тексту письма, М.Аймурадов в декабре 1992 г. заключил контракт с Министерством сельского хозяйства Туркменистана на приобретение нефти для этой страны с перечислением московской фирме "Нафтасиб" 2 млрд. руб. Нефть поставлена не была, деньги в апреле 1994 г. были частично возвращены, однако 302 тыс. долларов были присвоены Аймурадовым и Кулиевым.

¹⁷ "Независимая газета" 3.12.1994.

предусмотренного ст.ст.15, 102 п.п. "в", "з", "н" УК РСФСР (приготовление к совершению умышленного убийства при отягчающих обстоятельствах). Расследование проводилось следователем по особо важным делам отдела по расследованию бандитизма и убийств прокуратуры г.Москвы А.А.Григорьевым.

Вскоре после освобождения Эсенова и Союнова министр иностранных дел Туркменистана Б.Шихмурадов заявил, что туркменские власти намерены повторно обратиться к России с требованием о выдаче "преступников". Тем не менее, хотя заместитель председателя КНБ Туркменистана М.Назаров и заместитель начальника следственного отдела КНБ Б.Отузов в общей сложности почти два месяца находились в столице России, они не смогли представить доказательств подготовки руководителями туркменской оппозиции "умышленного убийства" руководителей этой страны. Поэтому "постановлением от 20 февраля 1995 г. данное уголовное дело было прекращено в соответствии с п.2 ст.5 УПК РСФСР (за отсутствием в деянии состава преступления)"¹⁸. В тот же день Эсенов и Союнов выехали Швецию, власти которой еще 28 декабря 1994 г. предоставили им политическое убежище¹⁹.

К концу декабря 1994 г. руководство КНБ Туркменистана, уже получившее из рук президента страны награды и звания за успешную ликвидацию "оппозиционного террористического подполья", пришло к выводу о слабости имеющейся доказательной базы и о необходимости ускорить расследование "уголовного дела №628", которое вел зам. начальника следственного отдела КНБ майор Б.Отузов. 30 декабря 1994 г. объединенным приказом Генеральной прокуратуры и КНБ Туркменистана была создана следственная группа в составе следователей Отузова, Кичикова, Гытлыева. Кроме того, в нарушение процессуальных норм отдельные допросы проводились другими следователями - Байлыевым, Бычковым, Реджеповым, Шириевым и др. Расследование велось не только в Туркменистане и России, но и в Узбекистане (допросы в Ташкенте в январе-феврале 1995 г.). Однако несмотря на масштабные усилия следственных органов, необходимые доказательства по делу получены не были.

Более того, встал вопрос о возможном освобождении арестованного в Туркменистане М.Аймурадова, в отношении которого отсутствовали какие-либо конкретные сведения о его причастности к подготовке террористического акта (кроме мало о чем говорящих показаний Ю.Кулиева, изложенных нами выше).

В сложившейся ситуации Х.Гараев, ранее рассматривавшийся КНБ Туркменистана в качестве одного из важных свидетелей обвинения, был срочно переведен в разряд "террористов". В начале января 1995 г. Б.Отузов в интервью газете «Туркменская искра» заявил, что дело "вымогателя" Гараева и дела в отношении оппозиционеров о подготовке террористического акта - "звенья одной цепи, и они должны быть объединены"²⁰.

¹⁸ Письмо Прокуратуры г.Москвы № 19-71-94 от 22.03.1995.

¹⁹ 30 ноября 1995 г. правительство Швеции приняло решение (Ju 95/4480) отклонить требование властей Туркменистана о выдаче им Эсенова и Союнова, обвиняемых в подготовке террористического акта против высшего руководства Туркменистана.

²⁰ "Туркменская искра" 3.01.1995.

Побег из СИЗО КНБ.

8 января 1995 г. М.Аймурадов, а также содержащиеся в СИЗО КНБ уголовники А.Реджепов и М.Пирджанов совершили групповой побег.

По материалам дела можно составить следующую картину побега:

8 февраля ближе к вечеру А.Реджепов подошел к камере М.Аймурадова и сказал, что сегодня можно уйти, так как сокамерник Аймурадова Краснов находится на свидании с женой. В 21 час Реджепов открыл ключом дверь камеры №3. Он и Аймурадов вышли в коридор. Реджепов попросил подождать 1-2 минуты, сам ненадолго отлучился. Затем Реджепов открыл ключами, которые взял в дежурной комнате, решетчатую металлическую дверь с замком, ведущую из коридора на лестницу, и двери во двор СИЗО (две деревянные двери и между ними металлическая решетчатая дверь с замками). Здесь к ним присоединился заключенный М.Пирджанов. Все трое прошли через внутренний двор СИЗО, окруженный 8-метровым забором и проволокой под напряжением 220 вольт. Выход из внутреннего двора СИЗО был открыт, беглецы вышли через калитку во двор второго большого здания, где с помощью двух барабанов с кабелем перелезли через забор и оказались во дворе жилого дома...

Успешный побег трех подследственных был первым побегом, совершенным из СИЗО КНБ Туркменистана за все время его существования.

14 февраля 1995 г. московские адвокаты М.Аймурадова распространили заявление, в котором высказали предположение, что побег М.Аймурадова, срок содержания под стражей которого истекал 1 марта и причастность которого к совершению преступления следствием доказана не была, следует расценивать "как спланированную акцию, выгодную лишь для организации дальнейшей физической расправы с ним". Многие работники правоохранительных органов Туркменистана до сих пор оценивают побег как "оперативную комбинацию КНБ", высказывая различные мнения о ее конечной цели²¹.

По официальным данным, 16 февраля 1995 г. бывший муж сестры М.Аймурадова Ата Оразов, к которому беглецы повторно обратились за помощью, донес на них в КНБ, и на следующий день они были задержаны на чердаке дома А.Оразова. Сам Оразов 18 февраля в сопровождении следователя КНБ Б.Отузова вылетел в Москву с целью обманным путем получить 20 тыс. долларов у жены М.Аймурадова - якобы для организации тайного вывоза ее мужа в автофургоне в Казахстан.

При задержании сотрудники КНБ Хожамкули Расулов и другие схватили не оказывавшего сопротивления М.Аймурадова и выбросили его на улицу через чердачное окно. При падении с высоты более трех метров Аймурадов получил сильные ушибы тела, вывихи и закрытые переломы левого плеча и правой ноги²². В течение двух суток подследственный находился в СИЗО без пищи и воды. 20 февраля 1995 г. по настоянию врачей, опасавшихся за жизнь М.Аймурадова, он был направлен в стационар «воинской части 2523», и 21 февраля прооперирован.

²¹ В пользу этой версии говорит и то, что сотрудники КНБ посещали квартиры бывших сослуживцев М.Аймурадова Евгении Стариковой и Байрамгельды Веллекова почти сразу по прибытии туда беглецов, но комнаты не осматривали, а лишь предупреждали хозяев об ответственности за укрытие бежавших.

²² Сотрудник КНБ Х.Расулов позднее дал показания, что Аймурадов якобы сам "споткнулся и упал", спускаясь с лестницы. Других членов группы захвата, поднимавшихся на чердак, Расулов "не смог вспомнить".

После задержания М.Аймурадова ему было предъявлено обвинение по ст.209 ч.2 (побег из места заключения по предварительному сговору группой лиц), что давало законные основания для дальнейшего содержания под стражей. Кроме того под диктовку следствия были сфабрикованы ложные показания А.Оразова (протокол допроса от 17 февраля 1995 г.) и участников побега А.Реджепова и М.Пирджанова (протоколы от 20 февраля), легшие в основу обвинения М.Аймурадова в причастности к подготовке террористического акта (подробнее см. выше). 19 февраля 1995 г. органами КНБ были арестованы бывшие сослуживцы М.Аймурадова - Е.В.Старикова и Б.Веллеков, которым предъявили обвинение по ст.214 ч.1 (укрытие бежавших из места заключения) УК Туркменистана.

Следствие и суд

По мнению авторов доклада, в ходе расследования следователями КНБ были допущены многочисленные процессуальные нарушения, а законные права заключенных не были обеспечены в должной мере. Например, Х.Гараев в течение нескольких месяцев не имел возможности встретиться с адвокатом, а когда гражданская жена Х.Гараева во время свидания в ноябре 1994 г. напомнила мужу о его правах как подследственного и как российского гражданина, следователь КНБ Б.Отузов немедленно прервал встречу и в течение двух месяцев отказывался разрешить дальнейшие свидания.

После публикации в "Известиях" в мае 1995 г. заметки о предстоящем суде, написанной одним из авторов доклада, МИД РФ стал проявлять обеспокоенность возможным осуждением по сфабрикованным обвинениям на длительный срок Х.Гараева, являвшегося российским гражданином. Когда все возможности посольства были исчерпаны, была подготовлена личная нота министра иностранных дел РФ А.Козырева. Нота, однако, не была вручена адресату, поскольку глава внешнеполитического ведомства Туркменистана Б.Шихмурадов лично заверил посла РФ В.Черепова в том, что Гараев по завершении процесса будет передан России в соответствии с двусторонним договором "О передаче для отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы", подписанным в Москве 18 мая 1995 г.

Суд проходил с 12 по 21 июня 1995 г. в помещении Азатлыкского этрапского суда г.Ашхабада. Заседания суда, как и расследование, носили закрытый характер, с адвокатов были взяты подписки о неразглашении тайны следствия. Гараев и Аймурадов отказались признать себя виновными и на суде придерживались версии о том, что они вообще не занимались оппозиционной политической деятельностью. По словам адвокатов, большинство свидетелей, чьи показания фигурировали в уголовном деле, на процессе отсутствовали (некоторые из них вдруг "заболели", другие, проживавшие вне Туркменистана, якобы "не смогли приехать в Ашхабад"). Имеются неподтвержденные данные, что текст приговора, согласованный с высшим руководством страны, был готов еще до начала рассмотрения дела в суде.

О приговоре, вынесенном М.Аймурадову и Х.Гараеву, - см. выше, Е.Старикова и Б.Веллеков были приговорены каждый к двум годам лишения свободы в колонии общего режима²³.

10 августа 1995 г. после отклонения кассационной жалобы Президиумом

²³ По данным правозащитных организаций, к началу 1996 г. Е.Старикова и Б.Веллеков были освобождены по амнистии.

Верховного Суда Туркменистана приговор вступил в законную силу.

После суда: нарушения прав заключенных

Вскоре после завершения судебного процесса Гараев и Аймурадов были переведены из СИЗО КНБ в СИЗО-1 МВД Туркменистана.

9 августа 1995 г. Генеральная прокуратура Туркменистана в ответ на запрос о передаче Х.Гараева для отбытия наказания в России, поступивший из Генеральной прокуратуры РФ, сообщила, что передача не может быть осуществлена до вступления приговора в силу и что соглашение между РФ и Туркменистаном о передаче осужденных для отбытия наказания на Родине от 18 мая 1995 г. еще не ратифицировано.

16 сентября 1995 г. Гараев и Аймурадов были этапированы из СИЗО-1 в ИТК-8 строгого режима в г.Чарджоу. Сразу по прибытии в ИТК-8 оба заключенных по указанию руководства ИТК были помещены на 15 суток в штрафной изолятор (ШИЗО) - якобы за отказ "войти в зону". По истечении этого срока их вызвал заместитель начальника ИТК Рустамов и предложил написать заявление с просьбой о "добровольном переводе" на тюремный режим (в крытую тюрьму). Когда Гараев стал возражать, ссылаясь на приговор суда, Рустамов заявил: "Хошалы, у нас практикуется подбросить в карман марихуану, и ты получишь 257-ю статью /за хранение наркотиков/. Или будем бить тебя до тех пор, пока сам не скажешь "Да"²⁴.

Аймурадов и Гараев написали требуемые заявления.

Гараев до января 1996 г. содержался в ИТК-8 в одиночной камере (была ли подобная мера применена к Аймурадову, авторам доклада уточнить не удалось). Жена Аймурадова так описывает состояние мужа в этот период: "В Чарджоу мне удалось увидеть его буквально на 10 минут. Это было что-то страшное, весь в язвах, истощен до неузнаваемости... Все тело было покрыто язвами: ноги, руки, лицо".

Х.Гараеву после суда было разрешено лишь одно свидание с женой. В период нахождения в ИТК-8 его родственники восемь раз обращались к администрации ИТК с просьбой предоставить свидание, но каждый раз получали отказ. Когда сам Гараев написал заявление с просьбой разрешить свидание на имя начальника ИТК, последний заявил: "Предателям Родины свидания не дают". С отказами в предоставлении свиданий и передаче продуктовых посылок сталкивались и родственники Аймурадова.

В письме Генеральной прокуратуры Туркменистана от 28 ноября 1995 г. утверждалось, что "отказ в приеме передачи связан с тем, что осужденному после вступления приговора в законную силу передача и посылка положена по отбытию половины срока наказания, определенного судом".

После суда туркменские власти отказывали во встрече с осужденным Х.Гараевым и работникам посольства РФ, которые дважды - 30 июня и 23 октября 1995 г. - обращались по этому поводу в МИД Туркменистана. 25 октября 1995 г. из МИД Туркменистана был "получен неожиданный ответ, что поскольку в материалах дела Гараева не имеется подтверждения его российского гражданства, встреча не может быть разрешена" (ранее российское гражданство Гараева туркменскими властями не оспаривалось)²⁵.

Письма Гараева, направляемые официальным путем, изымались и не

²⁴ Информация из письма Х.Гараева послу РФ в Туркменистане от 10 января 1996 г.

²⁵ Из документа посольства РФ в Туркменистане.

доходили до адресатов.

В начале января 1996 г. Гараев и Аймурадов были этапированы в СИЗО-1 в г.Ашхабаде, а до конца того же месяца - в тюрьму в г.Туркменбаши (Красноводске), где они содержатся до настоящего времени. По некоторым данным, перевод на тюремный режим сроком на три года был оформлен решением суда от 6 января 1996 г. - в качестве наказания за "невыполнение распоряжений администрации ИТК".

После перевода на тюремный режим начиная с апреля 1996 г. были официально разрешены свидания с родственниками (раз в полгода) и продовольственные передачи (один раз в год).

Вопрос о выдаче Гараева и Аймурадова в Россию рассматривается начиная с лета 1995 г. Какие-либо формальные препятствия для этого в настоящее время отсутствуют. Ратификация соответствующего договора была завершена 29 декабря 1995 г. С 1995 г. имеются заявления обоих заключенных о желании отбывать наказание в стране, где они постоянно проживают. 16 октября 1995 г. Генеральная прокуратура РФ направила повторное требование о выдаче Гараева как российского гражданина для отбытия наказания в России, а 4 марта 1996 г. аналогичное требование было направлено в отношении М.Аймурадова²⁶.

Однако, несмотря на соблюдение всех необходимых юридических формальностей, туркменская сторона под разными предлогами затягивает передачу России указанных политзаключенных.

8 мая 1996 г. президент Туркменистана отклонил прошение М.Аймурадова о помиловании.

В начале 1998 г. об освобождении Гараева и Аймурадова просили американские власти, однако эта просьба также была отклонена. За последние годы в защиту Х.Гараева и М.Аймурадова международные правозащитные организации направили туркменским властям десятки писем, которые по-прежнему остаются без ответа.

Вызывает опасение состояние здоровья обоих заключенных. Например, у Х.Гараева с октября 1997 г. неоднократно отмечались сердечные приступы, однако администрация тюрьмы вопреки рекомендациям врачей отказывается этапировать заключенного в "больничную зону".

По данным авторов доклада, у родственников заключенных работники правоохранительных органов Туркменистана неоднократно вымогали деньги.

15 апреля 1998 г. свидание гражданской жены Х.Гараева Б.Баллыевой с мужем было прервано заместителем начальника тюрьмы, который сообщил, что ему звонили из МВД Туркменистана и предупредили, что Баллыева приехала к мужу не для свидания, а "для передачи информации" (?). Поэтому в дальнейшем, поскольку ее брак с Гараевым не зарегистрирован, свидания ей предоставляться не будут. Причина такого решения, предположительно, состояла в том, что день свидания по случайности совпал со днем предполагаемого вылета из Москвы в Ашхабад туркменского диссидента Авды Кулиева, что вызвало у туркменских властей неадекватную реакцию.

Как образно выразился один из работников правоохранительных органов

²⁶ Хотя Аймурадов не является гражданином РФ, ст.1 российско-туркменского договора "О передаче для отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы" предусматривает возможность выдачи лиц, имеющих постоянное место жительства на территории России, независимо от их гражданства.

Туркменистана, "их посадил в тюрьму Президент, он единственный и может что-то изменить в их судьбе".

Дело участников демонстрации 12 июля 1995 г.

Политическая демонстрация 12 июля 1995 г. в Ашхабаде была единственной акцией такого рода со времени получения Туркменистаном государственной независимости. Все наблюдатели характеризуют ее как беспрецедентное событие в политической жизни этой страны.

В демонстрации на разных этапах участвовало несколько тысяч человек. Однако к центру города удалось прорваться лишь 150-200 чел. Демонстранты несли транспаранты с требованиями отставки президента и правительства, свободы слова и проведения демократических выборов. Из легковых машин, разъезжавших по городу, разбрасывались листовки на туркменском и русском языках с аналогичными призывами, а также с обращением к европейскому населению выступить против правительства вместе с туркменами.

Подробное описание хода демонстрации опубликовано авторами доклада в бюллетене "Центрально-Азиатские страницы. Информационная сводка по Туркменистану" № 2, 3, 5.

По официальной версии, оглашенной 13 июля 1995 г. через местные СМИ, в демонстрации участвовало около 100 "нигде не работающих молодых людей", большая часть которых находилась в состоянии наркотического или алкогольного опьянения и из хулиганских побуждений вышла на улицы города. "Эти действия" были организованы "группой лиц, пытающихся уклониться от уголовной ответственности за распространение и употребление наркотиков".

По данным авторов доклада, около 200 участников демонстрации были задержаны милицией. Многие из них в ходе допросов подвергались жестоким избиениям (очевидцы сообщают об очевидных следах побоев на теле освобожденных).

18 июля 1995 г. двадцатилетний участник демонстрации из с.Кеши (пригород Ашхабада) Суханберды Ишанов уже находясь на свободе, покончил жизнь самоубийством (повесился). Ишанов был одним из трех демонстрантов, видеозапись допросов которых была передана по местному телевидению. По свидетельству родственников, на его теле были заметны многочисленные кровоподтеки, явившиеся следствием избиений и пыток в МВД.

К вечеру 13 июля 1995 г. из числа задержанных были отфильтрованы 15-20 человек, признанных организаторами или активными участниками демонстрации, в отношении которых были возбуждены уголовные дела. Еще несколько человек были арестованы позднее, причем в ряде случаев с целью добиться явки подозреваемых работники правоохранительных органов угрожали арестовать их родственников²⁷. Что касается остальных участников демонстрации, то, выступая 16 июля по национальному телевидению, президент Сапармурат Ниязов заявил, что все они будут оштрафованы на 4 тыс. манат каждый (средняя зарплата в Туркменистане составляла в то время около 2000 манат).

Большинство арестованных демонстрантов содержались в СИЗО № 1

²⁷ Имеются неподтвержденные сообщения, что с целью оказания давления на подозреваемых несколько родственников демонстрантов были задержаны в ходе следствия. В одном случае сотрудники милиции угрожали изнасиловать невесту подозреваемого, если он не сдастся властям.

МВД Туркменистана, а четверо "главных организаторов" (Г.Аннаниязов, Х.Амандурдыев, журналисты М.Муратлиев и Е.Аннакурбанов) - в СИЗО КНБ. Позднее Х.Амандурдыев был переведен в СИЗО МВД. По имеющимся данным, Г.Аннаниязов в ходе следствия подвергался "зверским избиениям". Х.Амандурдыева и некоторых других арестованных с целью добиться от них нужных показаний не кормили в течение 15 дней, давали только воду и сигареты.

4 января 1996 г. Верховный Суд Туркменистана вынес приговор 25 участникам и организаторам демонстрации 12 июля 1995 г.²⁸ Г.Аннаниязов, признанный организатором демонстрации, был приговорен по обвинению в совершении различных преступлений к 15 годам лишения свободы, Ч.Гуров - к 10 годам, остальные обвиняемые, участвовавшие, по мнению суда, в "хулиганских действиях", получили от 2 до 5 лет лишения свободы (подробнее см. Приложение 1).

Ниже кратко излагается содержание обвинительной части приговора, копия которого была получена авторами доклада²⁹:

Житель села Кеши Аннаниязов, проживая с 11 марта по 4 мая 1995 г. в Москве в доме у Ш.Нурмурадова³⁰, при посредстве последнего встретился с А.Кулиевым³¹, и они договорились организовать в Ашхабаде политическую демонстрацию, именуемую в судебных документах "преступными хулиганскими действиями". Во время этой встречи Кулиев и Нурмурадов пообещали, что, если демонстрация будет организована и продолжится два дня, они приедут в Ашхабад и поддержат выступление. Аннаниязову было обещано, что соответствующие затраты Кулиев и Нурмурадов возьмут на себя. После этого Аннаниязов вылетел в Актау, а оттуда 5 мая прилетел в Ашхабад.

В начале июля 1995 г. Г.Аннаниязов собрал в своем доме в с.Кеши жителей Ахалского веляята, обвиняемых по делу Х.Амандурдыева (кличка Аждар), Ан.Амандурдыева, Ч.Гурова, К.Мамметназарова, К.Назарова, Б.Сахетгельдиева, М.Мыратлиева, Е.Аннакурбанова, А.Аннагулыева, М.Непесова, М.Атаева, братьев А. и Б.Ташиевых, Т.Байрамдурдыева, А.Курбангельдиева, а также Ш.Айдогдыева, Б.Аширова и Ч.Амандурдыева, и они предварительно договорились о проведении демонстрации в Ашхабаде.

Г.Аннаниязов, чтобы оплатить тиражирование и распространение листовок, призывающих к демонстрации, собрать людей, обеспечить их питание, проезд из других районов в Ашхабад, продал свою машину "Опель" за 150 тыс. манатов, а также использовал для этих целей 50 тыс. манатов и 500 долларов США, полученные от директора фирмы "Гызыл-аяк" Б.Ходжаева, и 500 долларов своего брата Даулета Аннаниязова.

По поручению Г.Аннаниязова 6-7 июля 1995 г. Х.Амандурдыев, К.Мамметназаров, Ч.Гуров и А.Нурлыев³² на машине Гурова "ВАЗ-2107" в городах Ашхабаде и Теджене, пос.Яшлык, Ашхабадском, Бабадайханском и

²⁸ Приговор был вынесен в отношении 27 лиц, 25 из которых имели непосредственное отношение к демонстрации 12 июля, а двое обвинялись лишь в совершении незаконных валютных операций при покупке и продаже автомобиля у организатора демонстрации.

²⁹ Текст приговора (на туркменском языке) по неофициальным каналам был доставлен в Москву в начале февраля 1996 г.

³⁰ Ширали Нурмурадов - известный туркменский поэт-диссидент.

³¹ Авды Кулиев - лидер туркменской оппозиции, бывший министр иностранных дел Туркменистана.

Бахарденском этрапах призывали людей к участию в демонстрации.

Вечером 9 июля 1995 г. Г.Аннаниязов уговорил журналистов М.Муратлиева и Е.Аннакурбанова, с которыми познакомился 5-6 июля, совместно написать листовки с призывом к демонстрации³³. 10 июля текст листовок был передан К.Назаровым Б.Сахатгельдиеву, который через А.Хасанова с помощью работника расположенной в пос.Арзув (на окраине Аишабада) типографии института "Агропромпроект" Д.Колаковского 10-11 июля 1995 г. организовал размножение 8000 экземпляров листовок.

Житель с.Кеши М.Атаев 10 июля 1995 г. через Х.Амандурдыева получил 20 тыс. манатов для того, чтобы организовать участие в демонстрации сельской молодежи. Атаев собрал участников демонстрации в своем доме, накормил их и 11 июля направил на базу "Главтехснаба", откуда они позднее вышли для участия в демонстрации.

По поручению Г.Аннаниязова К.Маметназаров передал 28 тыс. манатов Б.Ташлиеву, чтобы он организовал приезд участников демонстрации из Тедженского и Бабадайханского этрапов. Ташлиев, выехав в эти этрапы вместе с А.Курбангельдиевым и своим братом, организовал участие в демонстрации 13 человек.

Также по поручению Г.Аннаниязова 3-5 июля 1995 г. Х.Амандурдыев встретился в Москве с А.Кулиевым и Ш.Нурмурадовым и сообщил им о ходе подготовки к демонстрации в Аишабаде. Кулиев и Нурмурадов, назначив время проведения демонстрации на 12 июля, дали слово, что будут в ней участвовать³⁴. Кулиев сказал, что все должно проходить организованно, не должно быть случаев хулиганства, демонстранты не должны брать с собой камни, палки и ножи.

Организаторы демонстрации, а также около 100 чел. вечером 9 июля 1995 г. собрались в доме Ч.Гурова в пос.Шор города Аишабада. Перед собравшимися выступили М.Муратлиев и Е.Аннакурбанов и призвали их к участию в демонстрации 12 июля 1995 г. После этого Ч.Гуров при участии неустановленных следствием лиц дал собравшимся курить опиум.

Г.Аннаниязов в ночь на 12 июля с помощью организаторов демонстрации А.Аннагулыева, М.Непесова, М.Атаева, Т.Байрамдурдыева, М.Муратлиева, Ч.Гурова и других, ранее указанных лиц, распространили заранее отпечатанные листовки в г.Аишабаде, Аишабадском и Геоктепинском этрапах.

Вечером 11 июля 1995 г. Г.Аннаниязов и другие вышеуказанные лица собрали около 200 чел. на территории базы "Главтехснаба" на ул.Северная для проведения демонстрации. Там же собравшимся показали видеозаписи выступлений (чтение стихов) Ширали Нурмурадова, были распространены листовки, изготовлены транспаранты.

12 июля 1995 г. Г.Аннаниязов при участии Х.Амандурдыева, Ч.Гурова,

³² Абдурахман Нурлыев позднее стал главным свидетелем обвинения. Он не был привлечен к уголовной ответственности - несмотря на то, что начиная с 6 июля активно участвовал в подготовке демонстрации и 12 июля шел в ее первых рядах.

³³ Муратлиев, посетив собрание 9 июля 1995 г. в доме Ч.Гурова, заявил, что, по его мнению, выступление не подготовлено, но если собравшиеся все же хотят выйти на митинг, он готов написать или отредактировать текст листовки.

³⁴ По словам Кулиева, точная дата демонстрации в ходе этой встречи не называлась. Г.Аннаниязов сказал, что все произойдет "в ближайшие дни". Кулиев подтвердил свое обещание приехать в Аишабад, если демонстранты продержатся на улице 2-3 дня.

Чарымырата, Ам. и Ан.Амандурдыевых, К.Мамметназарова, М.Атаева, Т.Байрамдурдыева, Б.Ташлиева, Ш.Айдогдыева, А.Аннагулыева, Ю.Аннамамедова, Я.Курбанмырадова, А.Геленова, М. и Т.Овезгельдиевых, Ш.Атаева, А.Аманова руководил примерно с 7 до 12 часов действиями 200-250 демонстрантов, которые в г.Ашхабаде на улицах Дружбы народов, Андалипа, проспекте Махтумкули "грубо нарушали общественный порядок, совершали преступные хулиганские действия, не подчиняясь правоохранительным органам, которые требовали прекращения этих действий, вызвали остановку движения транспорта и нарушили покой людей".

Далее в приговоре описываются другие преступные действия обвиняемых.

Г.Аннаниязов обвиняется в незаконных валютных операциях, выразившихся в продаже за 600 долларов США автомобиля "Тойота" и покупке за 200 долларов и 800 тыс. российских рублей автомобиля "Опель" весной 1994 г. Обе сделки были совершены им с жителями с.Кеши, в котором проживал Г.Аннаниязов. Кроме того, в мае-июле 1995 г. он в нарушение закона продал 2600 долларов США за 780 тыс. манатов.

Г.Аннаниязов обвиняется также в нанесении 31 мая 1994 г. легких телесных повреждений жительнице с.Кеши по имени Амантач и в хранении наркотиков (10 июля 1994 г. 1,6 г опиума было изъято в доме Г.Аннаниязова в с.Кеши; 18 июля 1995 г. 1,9 г опиума изъято на квартире в Ашхабаде, где он временно проживал).

Также, согласно приговору, 31 октября 1994 г. Г.Аннаниязов вместе с К.Назаровым, Ч.Амандурдыевым и неустановленным следствием Хожан-ага пришли на одну из квартир в Ашхабаде для выяснения отношений с неким Я.Емудовым. В ходе разборки возникла драка, во время которой Г.Аннаниязов выстрелил в "противников", как утверждает суд, "в целях намеренного убийства". Пуля попала в некоего Ш.Аннаниязова и "нанесла повреждения его жизненно важным органам". Однако желание "убийцы" "не было исполнено по независящим от него обстоятельствам".

Г.Аннаниязов обвиняется также в незаконном хранении и ношении обреза, купленного им в мае 1994 г. у неустановленного лица.

После инцидента 31 октября 1994 г. Г.Аннаниязов передал обрез на временное хранение К.Назарову, который 20 июня 1995 г. временно передал его Б.Сахетгельдиеву. В июле 1995 г. обрез был изъят работниками милиции. Назаров и Сахетгельдиев обвиняются в незаконном хранении оружия.

Ам.Амандурдыев обвиняется в хранении 1,4 г наркотиков (опиума), изъятых у него дома 12 июля 1995 г.

Жители с.Кеши А.Аннамуратов и Р.Курбанмаммедов, участвовавшие в сделках с Г.Аннаниязовым по покупке и продаже автомобилей "Тойота" и "Опель" (см. выше), привлекаются к ответственности за незаконные валютные операции.

При анализе приговора прежде всего обращает на себя внимание квалификация Верховным Судом Туркменистана участия в подготовке и проведении демонстрации как "соучастие в хулиганстве".

В действительности, какие-либо данные о том, что демонстранты совершали хулиганские действия, в приговоре и иных доступных авторам материалах полностью отсутствуют. Более того, при обсуждении планов проведения демонстрации как в Москве, так и в Ашхабаде ее организаторы

специально подчеркивали, что речь идет исключительно о мирной политической манифестации, участники которой не должны использовать силу и иметь при себе какое-либо оружие; заявлялось, что во время демонстрации необходимо соблюдать порядок, исключить употребление наркотиков и спиртных напитков.

С точки зрения действовавших в Туркменистане правовых норм участники несанкционированной демонстрации совершили не уголовное преступление, а лишь административное правонарушение, наказываемое денежным штрафом или административным арестом на непродолжительный срок.

Между тем Верховный Суд Туркменистана в качестве "хулиганства" неправомерно квалифицировал даже размножение листовок или передачу руководителю демонстрации аппарата сотовой связи.

Другим юридическим казусом является квалификация действий Ч.Гурова, который предоставил свой дом в пригороде Ашхабада для проведения собрания организаторов демонстрации, по ст.259-3 УК Туркменистана ("организация притона для потребления наркотиков"). В приговоре утверждается, что участники собрания вместе с пищей коллективно потребляли наркотики. По мнению авторов доклада, это утверждение не нашло подтверждения в ходе судебного разбирательства, тем не менее было включено в обвинительную часть приговора. В любом случае квалификация действий Ч.Гурова как "организация наркопритона" представляется неправомерной.

В ходе судебного разбирательства были фактически опровергнуты сделанные ранее заявления официальных лиц о том, что перед началом демонстрации большинство ее участников потребляли наркотики и спиртные напитки³⁵ и что сама демонстрация была организована наркоторговцами, недовольными действиями правоохранительных органов. Несмотря на это, высшие должностные лица Туркменистана даже в 1997 г. продолжали утверждать, что политическую демонстрацию 12 июля 1995 г. организовали наркодельцы³⁶.

Суд над демонстрантами носил закрытый характер, никакой информации о процессе в туркменских СМИ не публиковалось. Тем не менее события июля 1995 г. вызвали значительный международный резонанс. На имя президента Туркменистана поступили десятки писем правозащитных организаций. Под воздействием международной критики Сапармурат Ниязов принял решение об освобождении большинства осужденных демонстрантов. Спустя 9 дней после вынесения приговора 19 из 27 осужденных Верховным Судом Туркменистана

³⁵ Агентство "Туркмен-пресс" в июле 1995 г. распространило официальную информацию, согласно которой из числа задержанных и прошедших медицинское освидетельствование демонстрантов 22 чел. были в нетрезвом состоянии, а 54 чел. (включая пятерых подростков) - в разной степени наркотического опьянения.

³⁶ Например, президент Туркменистана Сапармурат Ниязов, выступая 14 февраля 1997 г. перед представителями туркменской творческой интеллигенции, следующим образом описал события 12 июля 1995 года: "В июле... около ста молодых ребят, одурманенных терьяком, вывели на улицы... Выведа молодежь на улицы, наркодельцы задалась целью внести смуту среди людей, тем самым открыть путь беззаконию. А некоторым захотелось покричать - вот, мол, люди вышли на улицы, это, мол, и есть демократия. Но в одном они просчитались: некоторые из юнцов стали просто напросто засыпать по дороге, поскольку алкогольный и наркотический допинг уже потерял свою силу... Предшественник нынешнего американского посла, посмотрев на этих ребят, ушел, поняв, что все это - плохая инсценировка, что среди "демонстрантов" нет и быть не может идейных борцов за демократию".

были помилованы или освобождены по амнистии.

Расследование дел в отношении нескольких демонстрантов (точное число неизвестно)³⁷ было выделено в отдельное производство и продолжалось после завершения процесса. В феврале 1996 г. был арестован и позднее осужден участник демонстрации Чарымурад Амандурдыев, на которого был объявлен розыск.

Борьба правозащитных организаций за освобождение восьми остававшихся в заключении демонстрантов, чьи имена стали известны на Западе (т.н. "ашхабадская восьмерка")³⁸, продолжалась в течение двух лет.

В феврале 1997 г. в правозащитные организации поступила неподтвержденная информация о том, что администрация тюрьмы г.Туркменбаши подстрекает уголовников к убийству Г.Аннаниязова с целью "наказать его и заставить замолчать". "Международная Амнистия" выпустила специальное обращение по этому поводу.

В конце 1997 г. авторы доклада получили сообщение, согласно которому по крайней мере четверо осужденных демонстрантов регулярно подвергаются жестоким избиениям в местах заключения. Сотрудники ОМОН МВД Туркменистана специально приезжали в тюрьму г.Туркменбаши для избиения Г.Аннаниязова, Ч.Гурова и Х.Амандурдыева. Постоянно подвергался избиениям и К.Назаров. В зимнее время пол в камере Х.Амандурдыева работники тюремной охраны специально поливали водой. Все это привело к резкому ухудшению здоровья заключенных. Однако когда врачи подготовили документы на перевод больного туберкулезом Г.Аннаниязова в тюремную больницу в г.Мары, министр внутренних дел Туркменистана Касымов отказался подписать необходимые бумаги, заявив: "Если в стране произойдет переворот, Аннаниязов будет министром внутренних дел и всех нас расстреляет".

МВД Туркменистана также отказалось освободить (перевести на поселение) Аманмурата Амандурдыева, формально подпадающего под амнистию.

В январе 1998 г. стало известно о гибели в тюрьме в г.Туркменбаши Ч.Гурова. Сотрудники МВД выбили ему один глаз и после этого забили до смерти. Тело Ч.Гурова, погибшего 6 или 7 января, было продано родственникам тюремной охраной примерно за 300 долларов и предано земле 10 января. Убийство политического заключенного вызвало новую волну протестов за рубежом.

В апреле 1998 г. президент Туркменистана в ходе официального визита в США объявил об освобождении всех осужденных за участие в демонстрации, кроме ее организатора Гулгельды Аннаниязова, отбывающего наказание в тюрьме в г.Туркменбаши³⁹.

В мае 1998 г. представителю "Human Rights Watch", посетившему

³⁷ В приговоре Верховного Суда Туркменистана от 4 января 1996 г. упомянуты Чарымурад Амандурдыев, Шохрат Айдогдыев, Шатлык Атаев, Бешим Аширов, Даулет Аннаниязов, А.Хасанов, причастные к организации или проведению демонстрации, но не участвующие в судебном заседании.

³⁸ Это - Г.Аннаниязов, Ч.Гуров, К.Назаров, Б.Ходжаев, Б.Сахетгельдиев и три брата Амандурдыевы - Аманмурад, Худайберды и Чарымурад. Позднее выяснилось, что Б.Ходжаев и Б.Сахетгельдиев были освобождены в 1996-1997 гг. Однако до апреля 1998 г. правозащитные организации не имели информации об их освобождении.

³⁹ С августа 1997 г. три брата Амандурдыевых и К.Назаров находились в ИТК усиленного режима в г.Байрам-Али.

Ашхабад, стало известно, что в заключении находится еще один участник демонстрации - Курбанмурат Маммедназаров. В марте 1998 г., находясь в заключении, он был осужден еще на 3 года лишения свободы. Ранее правозащитные организации ошибочно полагали, что Маммедназаров был освобожден в начале 1996 г.

Дело Ширали Нурмурадова

21 сентября 1995 г. в 16 час. 30 мин. сотрудниками ОМОНа в городе Мытищи Московской области (Россия) в квартире по адресу: ул.Трудовая, д.12, кв.61 было обнаружено (согласно различным следственным документам) от 250 до 500 г. опия. Проживавший в квартире туркменский диссидент, поэт Ширали Нурмурадов, 1945 года рождения, был задержан. В тот же день следственным отделением ОВД г.Мытищи в отношении Нурмурадова было возбуждено уголовное дело № 60433 по ст.224 ч.3 УК РСФСР (незаконное хранение наркотиков).

Согласно показаниям Нурмурадова, опий, найденный в квартире, принадлежал гражданину Туркменистана Нурмураду Атабаеву. Нурмурадов познакомился с Атабаевым летом 1995 г., когда тот, приехав в Москву, зашел в ПЕН-центр и, представившись знакомым друзей поэта, много рассказывал о ситуации в Туркменистане. 20 сентября 1995 г. Атабаев вновь пришел в ПЕН-центр, сообщив, что только что приехал из Туркменистана со свежими новостями. На следующий день утром он позвонил Нурмурадову и попросил о срочной встрече вне стен ПЕН-центра, так как "привез с Родины очень важные сведения, которые необходимо срочно передать в эфир через Радио "Свобода". Встреча была назначена на квартире Нурмурадова в Мытищах 21 сентября, причем Атабаев настаивал на конкретном времени - с 16 до 17 часов.

К дому, где жил поэт, Атабаев подъехал на автомобиле "ВАЗ-2109" (номер неизвестен). Придя в квартиру, гость попросил хозяина помочь ему приготовить "напиток", который, как оказалось впоследствии, был "опиатом". Как только "напиток" был приготовлен, Атабаев, сославшись на то, что хочет купить водку, вышел "на минуту". 27-летнюю дочь Ширали Гульнару, которую отец попросил проводить гостя, тот с улицы вернул обратно.

Примерно через 15 минут в квартиру ворвались не менее 12 бойцов ОМОНа. Нурмурадов и его дочь были избиты, а позднее доставлены в ОВД г.Мытищи. На кухне был найден пакет с опиум-сырцом.

Гульнара была отпущена в тот же вечер, а Нурмурадов - только через неделю - 28 сентября под залог в 10 млн. рублей (деньги были собраны Русским ПЕН-центром).

Находясь под следствием, поэт узнал, что операция по его задержанию была проведена по представлению Генеральной прокуратуры Туркменистана. Согласно версии туркменских правоохранительных органов, 13 сентября 1995 г. в аэропорту Ашхабада был задержан прилетевший из Москвы Н.Атабаев, при досмотре которого были найдены 4000 долларов. На вопрос о происхождении денег задержанный сообщил, что он привез в Москву наркотики и продал их Ширали Нурмурадову. По факту продажи наркотиков правоохранительными органами Туркменистана было возбуждено уголовное дело.

Через несколько дней к следователю прокуратуры Мытищинского района Алексею Григорьевичу Смолянинову прибыла группа оперативных работников КНБ Туркменистана, сопровождаемая сотрудником ФСК России.

Они предъявили письмо Генеральной прокуратуры Туркменистана в Генеральную прокуратуру России, в котором указывалось, что Атабаев 13 сентября 1995 г. был арестован в Ашхабаде после прилета из Москвы и дал показания относительно причастности Нурмурадова к контрабанде наркотиков. Туркменская сторона ходатайствовала о выдаче Нурмурадова, а его показания о том, что арестованный в Ашхабаде Атабаев 20-21 сентября находился в Москве, сотрудники КНБ оценили как ложные, преследующие целью уклониться от уголовной ответственности.

Адвокату подследственного К.Нерсисяну удалось найти свидетеля встречи Нурмурадова с Атабаевым в ПЕН-центре 20 сентября и таким образом опровергнуть версию КНБ Туркменистана. Проведенная в ходе следствия экспертиза также показала, что на пакете с наркотиками отсутствуют отпечатки пальцев Нурмурадова.

В защиту поэта выступили Фонд защиты гласности, Русский ПЕН-центр, правозащитные организации и СМИ. Президент Гильдии российских адвокатов Гасан Мирзоев выделил деньги на защиту арестованного. Благодаря вмешательству общественных организаций 28 сентября 1995 г. Нурмурадов, одновременно с предъявлением обвинения, был отпущен под залог, а 16 октября дело против него было прекращено "за недоказанностью".

Освобожденный из под стражи Нурмурадов в начале октября 1995 г. с диагнозом "двустороннее воспаление легких" был помещен в больницу на Каширском шоссе в специальную палату, находящуюся в ведении Литературного фонда РФ. Адвокат Карен Нерсисян характеризует его состояние в этот период как прединфарктное.

Тем временем КНБ Туркменистана, стремясь добиться выдачи Нурмурадова, выдвинул новую версию, согласно которой Атабаев был арестован в Ашхабаде уже после встречи с Нурмурадовым в Мытищах. В Москву с целью вывоза поэта в Ашхабад прибыла группа сотрудников КНБ Туркменистана в составе 5 человек. В распоряжение группы была предоставлена машина туркменского посольства. По неподтвержденным данным, для вывоза Нурмурадова из России предполагалось использовать военно-транспортный самолет, находившийся в эти дни на авиабазе Чкаловская (под Москвой).

22 октября 1995 г. в больницу к Нурмурадову неожиданно прибыли следователь Мытищинского ОВД Наталья Викторовна Кожевникова, представитель Мытищинской районной прокуратуры, заместитель начальника следственного отдела КНБ Туркменистана Бекмурад Отузов и первый секретарь посольства Туркменистана в РФ Рахмангулы Аллаков, в действительности являвшийся резидентом КНБ в Москве. Прибывшие потребовали, чтобы Нурмурадов выехал с ними в Мытищи для проведения очной ставки с Атабаевым. Нурмурадов отказался от участия в следственных действиях до окончания лечения и заперся в соседней палате, успев сообщить о происходящем адвокату К.Нерсисяну и генеральному директору Русского ПЕН-центра А.Ткаченко. Последние стали немедленно звонить в Генеральную прокуратуру РФ. Когда К.Нерсисян спустя короткое время приехал в больницу, никого из "посетителей" Нурмурадова там уже не было.

После происшедшего Нурмурадов боялся ночевать в больнице, приезжая на ночь в офис Русского ПЕН-центра.

В связи с угрозой выдачи в Туркменистан по сфабрикованному

уголовному делу друзья помогли поэту получить шведскую визу, разрешающую пребывание в стране в течение шести месяцев, купили билет на самолет, и 26 октября 1995 г. Нурмурадов вылетел в Стокгольм. Официально в документах Русского ПЕН-центра его отъезд обосновывался медицинскими причинами.

30 октября 1995 г. Генеральная прокуратура РФ, вероятно, по требованию туркменской стороны вынесла решение о возобновлении уголовного дела №60433. В постановлении указывалось, в частности, на необходимость проведения очной ставки Нурмурадова и Атабаева "для устранения противоречий". В связи с неявкой Нурмурадова в следственные органы 24 декабря 1995 г. Мытищинский ОВД объявил его розыск. Между тем 6 декабря 1995 г. шведские власти предоставили Нурмурадову политическое убежище.

Дочь Нурмурадова - Гульнара - 10 января 1996 г. прибыла в Швецию через Латвию и позднее также получила политическое убежище. По словам Гульнары, вечером 21 сентября 1995 г., когда она возвращалась из милиции домой, во дворе дома она заметила припаркованную машину "ВАЗ-2109" белого цвета, в которой находились 4-5 мужчин, среди которых Гульнара опознала Атабаева. Опасаясь, что ее могут похитить с целью оказать давление на ее отца, Гульнара не пошла ночевать в квартиру. Вскоре друзья Нурмурадова помогли ей выехать в Минск.

По мнению авторов доклада, провокация против Ширали Нурмурадова была организована КНБ Туркменистана в связи с его активной ролью в организации антиправительственной демонстрации в Ашхабаде 12 июля 1995 г. Решение о проведении операции с целью добиться выдачи Нурмурадова в Туркменистан было принято после того, как КНБ Туркменистана стало известно о выдаче поэту в сентябре 1995 г. МИД РФ заграничного паспорта. Нурмурадов готовился выехать в Швецию для чтения лекций и получения литературной премии им. Курта Тухольского, присужденной ему Шведским ПЕН-клубом 7 июня 1995 г.

Дело Какабая Аймамедова и Ильдара Губаева⁴⁰

22 февраля 1996 г. в Ашхабаде сотрудниками КНБ был арестован подполковник милиции, начальник штаба милицейского училища Какабай Аймамедов, 1956 года рождения. Причиной ареста послужили критические замечания в адрес президента Туркменистана и его политики, сделанные им в частном разговоре с двумя другими лицами, с которыми он пошел в сауну. В сауне и в салоне автомобиля по дороге домой Аймамедов, в частности, сказал, что народу живется тяжело и что, по его мнению, в 1997 г. надо провести новые президентские выборы⁴¹.

Предположительно, в тот же день был арестован и второй участник

⁴⁰ Различные источники дают сходные описания этого дела, однако имеются разночтения в именах участников событий. В некоторых публикациях утверждается, что имя Аймамедова не Какабай, а Ата. Фамилия и имя второго арестованного были сообщены авторам доклада одним из жителей г.Ашхабада, подтвердить эту информацию из других источников не удалось. В анонимном тексте, имеющемся в архиве "Human Rights Watch", утверждается, что фамилия второго осужденного Досджанов, и что он на момент ареста являлся преподавателем Высшей школы милиции в Ашхабаде. В большинстве сообщений, однако, второй арестованный фигурирует просто как "молодой дагестанец" без указания фамилии.

⁴¹ Информационный бюллетень Общества содействия соблюдению прав человека в Центральной Азии, 1996, № 5.

разговора дагестанец Ильдар Губаев.

В марте 1996 г. Аймамедов и Губаев были осуждены по ст.236 (хулиганство) УК Туркменистана и приговорены, соответственно, к 4,5 и 3 годам лишения свободы⁴². В качестве доказательства вины фигурировали магнитофонная запись разговора и свидетельские показания третьего собеседника, бывшего работника правоохранительных органов Байрама Дурдыева.

Брат и две сестры Какабая Аймамедова, работавшие в правоохранительных органах, были уволены или понижены в должности.

Информация о деле Аймамедова - выходца из семьи известных юристов - получила широкую огласку. Возможно, под воздействием международной критики 8 мая 1996 г. президент Туркменистана подписал указ о помиловании Аймамедова, и 11 мая он вышел на свободу. Примерно в то же время (возможно, одновременно с Аймамедовым) был помилован и Губаев.

Дело Дурдымухаммеда Нуралиева

В феврале 1996 г. в Ашхабаде был арестован 60-летний профессор, доктор филологических наук Дурдымухаммед Нуралиев. Спустя два-три месяца он был осужден по ст.174 ч.2 (взятка) УК Туркменистана и приговорен к 5 годам лишения свободы. Известный ученый был обвинен в получении взятки от своего ученика Нурджана Аманнепесова. По информации, полученной туркменскими политэмигрантами, в действительности имела место провокация со стороны правоохранительных органов. Аманнепесов, позвонив Нуралиеву из здания УВД г.Ашхабада по просьбе работников милиции, предложил находившемуся в стесненных материальных условиях профессору деньги взаймы. В момент получения денег (60 тыс. манатов) на улице у Русского базара Нуралиев был задержан.

По неофициальным данным, причиной ареста стал отказ ученого участвовать в написании "научно-литературного труда", возвеличивающего президента Туркменистана, и неоднократные критические высказывания в разговорах с коллегами о политике главы государства (в частности, он сравнивал распространенный в Туркменистане официальный лозунг "Народ, Родина, Туркменбаши" с аналогичным лозунгом "Фюрер, Родина, народ" в гитлеровской Германии).

Дело Д.Нуралиева приобрело международную известность. 13 августа 1996 г. указом президента Туркменистана он был помилован и освобожден из заключения.

Дело Назара Суюнова

Назар Тойлиевич Суюнов, 1936 года рождения, до июля 1994 г. являлся заместителем председателя Кабинета Министров, министром нефти и газа Туркменистана. С мая 1995 г. постоянно проживает в России. После эмиграции четыре раза посещал Туркменистан, последний раз в августе 1997 г.

Начиная с 1994 г. сотрудники КНБ Туркменистана неоднократно предупреждали Суюнова, чтобы он не участвовал в деятельности оппозиции и не критиковал политику президента. После отъезда в Москву бывшего вице-премьера ему регулярно звонил и даже дважды "навещал" заместитель

⁴² В первых сообщениях утверждалось, что Губаев был подвергнут лишь денежному штрафу.

председателя КНБ Туркменистана (ныне - председатель) Мухаммед Назаров, предупреждавший, чтобы Н.Суюнов "никакой информации о Туркменистане не давал" и не контактировал с политэмигрантами.

В начале сентября 1997 г. Суюнов после нескольких лет молчания впервые выступил с критикой президента по Радио "Свобода". Это выступление, прозвучавшее в эфире почти одновременно с интервью лидера туркменской оппозиции Авды Кулиевым, вызвало крайнее раздражение президента Туркменистана. Тем не менее в конце октября 1997 г. бывший туркменский вице-премьер в течение 10 дней находился в Праге, где дал серию интервью, в которых объявил о своем участии в оппозиции. Кроме того, 22 октября 1997 г. российская "Литературная газета" напечатала общее интервью Н.Суюнова и А.Кулиева.

Реакция туркменских властей не заставила себя ждать. 3 ноября 1997 г. газета "Нейтральный Туркменистан" под заголовком "Жажда мести или тоска по креслу?" опубликовала пространную статью, начинающуюся с констатации того, что Суюнов "недавно... облил грязью Туркменское государство, выражая недовольство событиями (?) в стране". Далее Н.Суюнов обвинялся в заключении в первой половине 90-х годов невыгодных для страны контрактов, развале нефтяной отрасли, назначении на ответственные посты родственников и др. Автор статьи в форме предположения писал, что бывший вице-премьер имеет "чемоданы, набитые "зелеными" (т.е. долларами), и выражал надежду, что Суюнову, который "в настоящее время разыскивается следственными органами", "не помогут никакие уловки" и его настигнет "карающая сила Закона".

В открытом письме, переданном авторам доклада, и в ходе личной беседы Суюнов, подробно анализируя выдвинутые в статье обвинения, утверждал, что большинство перечисленных в статье фактов не имеют к нему никакого отношения, поскольку в подписании названных контрактов он не участвовал, упомянутое в качестве его родственника лицо в действительности таковым не является и т.д. Рассмотрение этих вопросов выходит за рамки настоящего доклада. Авторы считают возможным ограничиться констатацией очевидной связи между критическими выступлениями Назара Суюнова по Радио "Свобода" и объявлением о его розыске КНБ Туркменистана.

4 ноября 1997 г. по указанию председателя КНБ М.Назарова из Ашхабада в Москву срочно прилетел дальний родственник Н.Суюнова, бывший первый заместитель министра внутренних дел Туркменистана К.Р.Тачмамедов. Тачмамедову было поручено встретиться с Суюновым и предупредить, что в случае продолжения критических выступлений против бывшего вице-преьера "будут приняты адекватные меры". Поскольку туркменская служба Радио "Свобода" продолжала передавать запись пространного интервью с Суюновым, 17-18 ноября 1997 г. в Москву с целью доставки Суюнова в Туркменистан прибыли председатель КНБ Туркменистана М.Назаров, первый заместитель Генерального прокурора Туркменистана и два других высокопоставленных сотрудника правоохранительных органов.

По запросу туркменских официальных лиц 25 ноября 1997 г. около 14 часов в Москве возле дома, где проживал Суюнов (ул.Тверская-Ямская, дом 26), пятеро сотрудников ФСБ России задержали бывшего туркменского вице-преьера, доставили в здание ФСБ на Лубянке, где предъявили документ о его розыске правоохранительными органами Туркменистана в качестве

обвиняемого по уголовному делу. В ходе пятичасового допроса работники ФСБ сообщили, что президент Туркменистана Сапармурат Ниязов лично звонил Генеральному прокурору РФ Скуратову с просьбой оказать содействие органам КНБ в задержании Суюнова и в выдаче его в Туркменистан.

Суть обвинения, предъявленного Н.Суюнову, состояла в том, что он в 1993 г. якобы дал разрешение фирме "Вестрос" во главе с российским гражданином С.Григоряном, осужденным в 1997 г. в Туркменистане за хозяйственные преступления (подробнее о деле Григоряна см. раздел "Произвол правоохранительных органов"), не выплачивать 3 млн. 143 тыс. долларов, причитающиеся туркменским государственным организациям за отгруженные нефтепродукты, тем самым злоупотребив служебным положением. В качестве единственного доказательства фигурировали устные показания одного из бывших должностных лиц туркменской нефтегазовой отрасли. Суюнов виновным себя не признал и заявил, что вообще никакого отношения к указанному контракту не имел.

По завершении допроса он был освобожден ФСБ России, а Генеральной прокуратуре Туркменистана в его выдаче было отказано из-за отсутствия достаточных оснований. После допроса в ФСБ Суюнов временно прекратил публичные политические выступления с критикой туркменских властей, требование о его выдаче в Туркменистан КНБ этой страны более не возобновлялось.

Дело Авды Кулиева

В апреле 1998 г. бывший министр иностранных дел Туркменистана, известный туркменский диссидент Авды Кулиев⁴³ объявил, что намерен приехать из России в Ашхабад.

14 апреля, выступая на пресс-конференции в Москве, экс-министр так изложил цели своей поездки:

"Во-первых, я хочу лично ответить на разного рода обвинения, выдвигаемые в мой адрес туркменскими властями. Задета моя честь. На протяжении пяти лет про меня говорили и писали, что я "враг народа", террорист, вымогатель, расхититель, агент иностранных спецслужб и т.д. Но если я действительно в чем-то виноват, почему Туркменистан до сих пор не потребовал у России моей выдачи? Во-вторых, я хочу встретиться с президентом и обсудить с ним некоторые политические вопросы, в частности возможность возобновления в стране открытой оппозиционной и правозащитной деятельности..."

В целях гарантии личной безопасности время поездки планировалось таким образом, чтобы А.Кулиев прилетел в Туркменистан за несколько дней до начала первого официального визита президента этой страны в США.

Получив информацию о прилете Кулиева, туркменские власти предприняли значительные усилия, чтобы не допустить его приезда в Ашхабад (подробнее см. Приложение 2).

⁴³ Кулиев Авды Овезович родился 30 июля 1936 г. в г.Ашхабаде, туркмен, с 1960 г. на работе за рубежом (в арабских странах). Профессиональный дипломат. С мая 1990 г. по июль 1992 г. - министр иностранных дел Туркменистана, член Президентского Совета. В 1993 г. объявил о переходе в оппозицию к С.Ниязову. С 1993 г. президент Фонда "Туркменистан" (г.Москва). С июля 1995 г. по сентябрь 1997 г. - штатный работник туркменской службы Радио "Свобода" (Прага, Чехия). С сентября 1997 г. проживает в Москве.

Вечером 17 апреля 1998 г. Авды Кулиев и его супруга Татьяна были задержаны в Ашхабадском международном аэропорту и в сопровождении оперативных работников на двух машинах доставлены в здание КНБ Туркменистана (одновременно родственникам А.Кулиева было заявлено, что КНБ информацией об А.Кулиеве не располагает).

Начальник следственного отдела КНБ Б.Отузов сообщил Кулиеву, что к нему "есть вопросы" как к свидетелю по уголовному делу о демонстрации 12 июля 1995 г., и пообещал после окончания допроса лично отвезти его домой к родственникам. По словам А.Кулиева, в предъявленных ему для ознакомления показаниях организатора демонстрации Г.Аннаниязова было "много неправды". Кулиев ответил на интересующие Отузова вопросы, в частности, заявил, что отказался возглавить демонстрацию, поскольку подозревал, что имеет дело с провокацией КНБ. В то же время он подтвердил, что обсуждал с Ш.Нурмурадовым и Г.Аннаниязовым предложение о проведении политической демонстрации, давал советы о необходимости соблюдать порядок и избегать насильственных инцидентов. Г.Аннаниязов сказал Кулиеву, что представляет некую тайную молодежную организацию, включающую 40 групп по 30 человек каждая... По просьбе Отузова в конце протокола Кулиев собственноручно изложил цели своего приезда в Ашхабад.

Ночью после завершения допроса Отузов был вызван к председателю КНБ Туркменистана М.Назарову, который, по некоторым данным, доложил о результатах допроса главе государства, вылетавшему в 6 часов утра в США. Итогом ночных разговоров высших должностных лиц Туркменистана стало решение об аресте А.Кулиева.

Тем временем в другом кабинете следователь КНБ Ишанкулиева по указанию Б.Отузова допрашивала Татьяну Кулиеву о содержании бесед ее мужа с политэмигрантами Эсеновым и Союновым, обвиняемыми в "терроризме" и "антигосударственной деятельности" (см. выше). Татьяна заявила, что не знает туркменского языка, поэтому о содержании бесед ничего сообщить не может.

Утром в субботу 18 апреля Авды Кулиеву было объявлено решение о его аресте. Б.Отузов отказался выполнить просьбу задержанного вызвать представителя российского посольства (Кулиев является гражданином РФ) и сказал, что после завершения визита Ниязова в США президент, возможно, встретится с экс-министром. Кулиев был помещен в пустую камеру СИЗО КНБ, куда через два часа был переведен 35-летний азербайджанец, находящийся под следствием.

Татьяна Кулиева около полудня была приглашена "на беседу" к председателю КНБ М.Назарову. Ей сообщили о содержании обвинения, которое будет предъявлено ее мужу: соучастие в вымогательстве, антигосударственной деятельности, подготовке террористического акта в 1994 г. и организации "хулиганской демонстрации" в Ашхабаде в июле 1995 г. Эти старые уголовные дела (о них см. выше), по словам Назарова, были вновь открыты "по показаниям Х.Гараева и Г.Аннаниязова".

Председатель КНБ заявил, что Кулиева КНБ "ловило" четыре года, после чего долго разглагольствовал об особом туркменском пути к демократии и об отсутствии поддержки оппозиции среди населения. Он также "посоветовал" Татьяне Кулиевой не поднимать шум и не обращаться за помощью в иностранные посольства, поскольку "может быть, все обойдется".

После продолжавшейся 2,5 часа беседы с М.Назаровым Т.Кулиева была

освобождена. За ней была установлена открытая слежка.

На следующий день информацию об аресте А.Кулиева передали ведущие информационные агентства мира. Эти сообщения вызвали бурную реакцию в США. Один американский правозащитник охарактеризовал действия Ниязова "как плевок в лицо Соединенным Штатам". Дипломатическую ноту протеста направило туркменским властям российское посольство.

Пытаясь улучшить свой имидж в глазах американцев, Ниязов 20 апреля публично заявил, что ничего не знал об аресте в Ашхабаде и в тот же день дал указание председателю КНБ срочно освободить арестованного диссидента. Около 22 часов Кулиева вызвали к Б.Отузову, который дал подписать обвинительное заключение, подписку о невыезде и подписку о неразглашении тайны следствия. Примечательно, что в обвинительном заключении перечислялись номера статей по старому УК, действие которого было прекращено еще 1 января 1998 г. Впрочем, на такого рода "формальности" в КНБ Туркменистана внимания не обращали. Отузов сообщил, что на следующий день Кулиев должен явиться в КНБ для допроса.

Арест и последующее освобождение Кулиева вызвали внутри Туркменистана значительный общественный резонанс. Основным источником информации для населения стали передачи туркменской службы Радио "Свобода", которая 20 и 21 апреля уделяла делу А.Кулиева более двух третей эфирного времени. Начиная с вечера понедельника 20 апреля в течение суток более 1500 человек посетили дом экс-министра, чтобы выразить ему моральную поддержку. Пытаясь ограничить поток посетителей, 21 апреля власти оцепили квартал силами МВД, пропуская внутрь по паспортам только жителей оцепленного района.

В тот же день около 15 часов в КНБ была проведена очная ставка А.Кулиева и Г.Аннаниязова. Их показания практически совпали. Встреча с лидером осужденных демонстрантов произвела на Кулиева "ужасное впечатление":

"Без слез на него невозможно было смотреть. Три года назад Гулгельды был атлетический, здоровый, красивый парень. Сейчас он выглядел 50-летним стариком, который с трудом ходит, с трудом разговаривает, может умереть через два-три месяца. Он держался мужественно и просил меня: "Помогите мне умереть на свободе".

Кулиев также дал письменные ответы на шесть вопросов, заданные Б.Отузовым.

Вскоре после возвращения А.Кулиева из КНБ, его посетили два российских дипломата (консул и советник посольства РФ в Туркменистане). Ссылаясь на указание из Москвы, они потребовали, чтобы Кулиев в течение двух суток принял решение о выезде из страны, в противном случае "посольство РФ не сможет взять на себя ответственность за Ваше дальнейшее пребывание в Туркмении". Когда Кулиев напомнил о данной им следователю КНБ подписке о невыезде, российские дипломаты сказали, что все "организационные вопросы" ими будут решены. Позднее российские дипломаты подтвердили одному из авторов доклада, что предложение о выезде "подследственного А.Кулиева в РФ" было инициировано туркменской стороной, опасавшейся международных осложнений, а, возможно, и внутренней дестабилизации.

Дипломаты купили супругам Кулиевым авиабилеты в Москву на 22 апреля 1998 г. При посадке на рейс Кулиевы, в сопровождении сотрудников

российского посольства, прошли паспортный и таможенный контроль и, ожидая рейса, пили чай в зале "VIP". При этом российский консул Степанов еще раз уточнил у находившегося в аэропорту офицера КНБ, гарантирует ли он "нормальный вылет" супругов, и получил положительный ответ.

После отъезда Кулиева, туркменские власти, ранее проявлявшие осторожность и сдержанность в оценках, перешли к весьма резким заявлениям. По сообщению туркменской службы Радио "Свобода" президент Туркмении заявил в Вашингтоне, что Кулиев является "террористом", связанным с подпольными структурами российских спецслужб (!) и уголовным миром. Сапармурат Ниязов назвал Кулиева "преступником", который нарушает Конституцию Туркмении.

2 мая 1998 г. председатель КНБ Туркменистана М.Назаров, выступая по национальному телевидению, заявил, что Кулиев тайно бежал из Ашхабада, нарушив подписку о невыезде. Аналогичные выступления в начале июня были сделаны в телевизионных выступлениях Генерального прокурора и министра внутренних дел Туркменистана.

Туркменские власти также пока не возвратили заграничный российский паспорт А.Кулиева, изъятый при аресте.

Преследования политэмигрантов

КНБ Туркменистана пытается оказывать давление не только на инакомыслящих внутри страны, но и на политических эмигрантов, выступающих с критикой диктаторского режима Туркменбаши.

Туркменские диссиденты стали покидать свою страну из-за преследований по политическим мотивам начиная с 1993 г., первоначально переселяясь в столицу России.

По данным эмигрантских источников, в 1993-1994 гг. "работу" с диссидентами проводил лично посол Туркменистана в РФ Ниязклыч Нурклычев. Однако уже в октябре 1993 г. при туркменском посольстве в Москве была образована резидентура КНБ Туркменистана во главе с кадровым работником органов государственной безопасности полковником КНБ Рахмангулы Аллаковым, действовавшим под "крышей" секретаря, а позднее - первого секретаря посольства Туркменистана в РФ. В 1994 г. в составе резидентуры было уже четверо сотрудников. О специфической направленности работы резидентуры свидетельствует тот факт, что ее глава в советское время работал по линии печально известного 5-го Управления КГБ СССР, специализировавшегося на борьбе с инакомыслием.

В "актив" Аллакова политэмигранты относят организацию агентурной разработки проживающих в Москве туркменских диссидентов, эпизодической слежки за ними, установление их домашних адресов и круга общения; досрочный отзыв в декабре 1993 г. туркменских слушателей Дипломатической Академии МИД РФ, подозреваемых в связях с бывшим министром иностранных дел Туркменистана А.Кулиевым; попытки угрозами заставить писателя-диссидента А.Вельсапара в январе 1994 г. вернуться в Туркменистан; организацию нападения на Х.Эсенова и похищение у него письма Ю.Кулиева в октябре 1994 г.; установку подслушивающего устройства в телефонном кабеле, ведущем в квартиру А.Кулиева (подслушивающее устройство было обнаружено

телефонным мастером в декабре 1994 г.); участие в организации провокации против поэта-диссидента Ш.Нурмурадова в сентябре-октябре 1995 г. и др.

Из-за того, что ведение агентурной работы (в классической форме) на территории других стран СНГ запрещено соответствующими договоренностями спецслужб этих стран, КНБ Туркменистана нередко использует различные обходные пути. Например, в качестве "негласных помощников" КНБ при проведении отдельных "спецмероприятий" были задействованы лица с московской пропиской, имеющие финансовые или иные интересы в Туркменистане, а также граждане Туркменистана, временно приезжающие в Москву.

31 мая 1996 г. знакомый А.Кулиева, бывший работник МИД СССР Шодмон Ниязатов, по происхождению - этнический таджик, ныне возглавляющий частную фирму в Москве, имеющую контракт с правительством Туркменистана на строительство терминала в Сарахсе, встретился с экс-министром и передал ему, что президент Туркменистана готов простить оппозиционера и даже сделать его "вторым человеком" в стране, если Кулиев покается и выступит по ТВ с признанием своих "ошибок". Ниязатов советовал Кулиеву просить о встрече с президентом Туркменистана, уверяя, что тот его примет.

Ниязатов заявил, что имеет полномочия на проведение этого разговора, сказав, что в случае отказа Кулиев рискует получить "6 граммов" (т.е. пулю). Позднее А.Кулиеву стало известно, что за несколько дней до встречи Ниязатов специально приезжал в Прагу, где расспрашивал о нем сотрудников туркменской службы Радио "Свобода", называя себя представителем президента РФ.

В октябре 1996 г. проживающему в Москве Оразмухамеду Иклымову (дяде Сапармурата Иклымова, арестованного в Турции по требованию туркменских властей) неожиданно позвонил Какаджан Бердыев, сын бывшего заместителя председателя КГБ Туркменистана, работающий в московской фирме "Лидер", имеющей деловые интересы в Туркменистане. Бердыев потребовал от О.Иклымова явиться в туркменское посольство для беседы с послом Н.Нурклычевым и офицером КНБ Р.Аллаковым и совместно с ними написать опровержение статьи В.Пономарева в "Независимой газете" о деятельности туркменских спецслужб против граждан РФ. Прозвучали завуалированные угрозы, что в случае отказа от сотрудничества "будет хуже". Отказ О.Иклымова и его заявление, что он будет вынужден обратиться к средствам массовой информации, вынудили Бердыева прекратить разговор...

В ноябре 1996 г. Р.Аллаков вернулся в Туркменистан, где был назначен заместителем председателя КНБ. За "успехи в работе" он был награжден правительственной наградой, а в феврале 1997 г. ему было присвоено звание генерал-майора.

Новым резидентом КНБ Туркменистана в Москве стал Сердар Аннаев, унаследовавший кабинет и дипломатическую "крышу" своего предшественника (р.т.202-18-61, д.т.291-13-56). По данным авторов доклада, до назначения в Москву Аннаев работал в Ашхабаде, где прославился как борец с инакомыслием среди работников сферы искусства.

В ночь с 22 на 23 февраля 1997 г. в общежитии Российской Академии наук (ул.Островитянова, дом 33а) было совершено загадочное нападение на докторанта Института этнологии и антропологии АН РФ, связанного с

оппозиционными кругами гражданина Туркменистана Мухамедгельды Бердыева. Около часа ночи, когда Бердыев возвращался в свою комнату, двое неизвестных без каких-либо объяснений свалили его на пол профессиональным ударом и подвергли жестокому избиению. Бердыев был госпитализирован с тяжелыми травмами, включая перелом правой руки, и находился в травматологическом отделении больницы на ул.Вавилова до 20 марта.

Сразу после публикации об инциденте в "Независимой газете" 27 февраля 1997 г., в которой была высказана версия о причастности к происшедшему туркменских спецслужб, Бердыева в больнице неожиданно посетил С.Аннаев, который, выразив соболезнования, стал расспрашивать о родственниках, круге общения в Москве, знакомых туркменах и т.д. Свой визит Аннаев, представившийся как сотрудник посольства, объяснил специальным поручением из МИД Туркменистана, который якобы "осаждают" родственники Бердыева, требуя информации о состоянии здоровья пострадавшего и т.д. По словам М.Бердыева, это объяснение не соответствовало действительности.

В октябре 1997 г. житель Ашхабада, просивший не называть его имени, сообщил, что во время празднования в Москве в начале сентября "дней города" Аннаев проводил "беседы" с прибывшими на праздник гражданами Туркменистана, предлагая им помочь КНБ в работе против политэмигрантов. Туркменский диссидент Авды Кулиев рассказал, что вскоре после возвращения из Чехии осенью 1997 г. к нему домой звонили и изъявляли желание встретиться некоторые бывшие знакомые, которые не могли объяснить, каким образом у них оказался его домашний телефон.

В середине ноября 1997 г. в течение нескольких дней некий Аман А., представившийся как адвокат из Ашхабада, бывший работник Генеральной прокуратуры, неоднократно звонил на квартиру проживающего в Москве издателя оппозиционного журнала "Туркмен или" Джумамурата Киясова и требовал личной встречи. Он не смог объяснить, откуда знает телефон и имя хозяйки квартиры. В ходе телефонного разговора с Киясовым Аман приглашал последнего приехать в Туркменистан, говоря, что имеется возможность пересмотреть дело племянника Д.Киясова, осужденного в 1995 г. по обвинению в соучастии в убийстве турецкого бизнесмена (убийство произошло в ашхабадской квартире, в которой формально прописан Д.Киясов). Аман оставил свои телефоны и выразил желание добровольно пересылать Киясову информацию правозащитного характера. В те же дни неизвестные лица трижды звонили в двери квартиры, где проживал Д.Киясов (один раз в 1 час 20 мин. ночи), и заявляли хозяйке, что они знают, что здесь останавливаются приезжие, даже якобы ночевали здесь один раз, просили разрешения войти и т.д. Под окнами квартиры той же ночью до утра стояла неизвестная машина.

По времени вся эта подозрительная активность точно совпала со сроками пребывания в Москве группы офицеров КНБ во главе с М.Назаровым, прилетевших по делу Н.Суюнова. Позднее стало известно, что арестованный 30 октября 1997 г. в Ашхабаде журналист Евшан Аннакурбанов в начале ноября допрашивался в КНБ о содержании телефонных разговоров с Д.Киясовым, причем в ходе допроса ему была предъявлена справка с телефонной станции с указанием телефонных номеров, с которыми велись междугородние переговоры.

В апреле 1998 г. сотрудники московской резидентуры КНБ принимали активное участие в попытках сорвать вылет А.Кулиева в Ашхабад (см.

Приложение 2), некоторые из них были прямо опознаны пассажирами в аэропорту "Домодедово".

Хотя прямая причастность туркменских спецслужб к описанным выше и некоторым другим инцидентам, имевшим место в Москве в 1993-1998 гг., формально не может быть доказана, по мнению авторов доклада, можно почти с уверенностью говорить о наличии "туркменского следа" в большинстве подобных случаев.

Помимо мероприятий по линии резидентуры КНБ, распространенной формой давления на политэмигрантов являются "беседы" с их родственниками, проживающими в Туркменистане.

В октябре 1997 г. сотрудники КНБ, прийдя в дом к родственникам диссидента Мухамедгельды Бердыева в г.Байрам-Али, подробно опрашивали его бабушку, мать, сноху и брата о знакомых М.Бердыева в Туркменистане и России. Были записаны паспортные и иные личные данные о всех родственниках - вплоть до номеров школ, в которых учатся дети, и названия колодца в пустыне Каракум, где пасет овец брат политэмигранта Мухамедназар. Родственникам пригрозили, сказав, что "будет очень плохо, если Мухамедгельды не прекратит выступать и действовать против президента Ниязова".

20 декабря 1997 г. житель Ашхабада Быгшы Иклымов был приглашен к начальнику следственного отдела КНБ Туркменистана Б.Отузову. В ходе "беседы" в здании КНБ Отузов попросил Б.Иклымова передать его младшему брату Оразмухамеду Иклымову, проживающему в Москве, чтобы он прекратил свои выступления по Радио "Свобода", в которых "обливает грязью" туркменское правительство и народ. В противном случае туркменские власти, располагая соответствующими возможностями, "заткнут ему рот очень надолго". Отузов заявил, что если Б.Иклымов "дорожит жизнью и здоровьем своего брата", ему следует поторопиться выполнить это поручение. По его словам, "адрес и телефон Оразмухамеда Иклымова КНБ известны", но, уважая "туркменскую этику", работники КНБ в начале (!) хотят действовать цивилизованно, через родственников.

В конце мая - начале июня 1997 г. Б.Отузов и председатель КНБ М.Назаров уже проводили аналогичную беседу с Б.Иклымовым, касавшуюся выступлений по Радио "Свобода" другого его родственника Сапармурата Иклымова, получившего политическое убежище в Швеции...

Завершая раздел, нельзя не отметить, что на фоне многочисленных фактов незаконных в отношении инакомыслящих и нарушения их гражданских прав как совершенно фантастическое воспринимается положение Закона "Об органах национальной безопасности Туркменистана", принятого в апреле 1993 г., о возможности обжалования действий сотрудников КНБ в судебном порядке.

Весьма далека от действительности и ст.5 указанного Закона:

"Органы национальной безопасности осуществляют свою деятельность при строгом соблюдении прав и свобод граждан... Органы национальной безопасности обязаны по требованию граждан давать разъяснения по поводу ограничения ими его прав и свобод. По требованию гражданина такое разъяснение дается в письменном виде".

По мнению авторов доклада, применительно к Туркменистану в целом

можно говорить об атмосфере страха перед возможными репрессиями по политическим мотивам, сознательно насаждаемой КНБ - как внутри страны, так и среди настоящих и бывших граждан Туркменистана, проживающих за рубежом. Вероятно, по мнению туркменских властей, именно страх является лучшим лекарством от возможных проявлений инакомыслия.

Нарушения права на свободное волеизъявление

Конституция Туркменистана (ст.29) декларирует право граждан "участвовать в управлении делами общества и государства как непосредственно, так и через своих законно избранных представителей". Однако, по мнению авторов доклада, выборы, проводившиеся в Туркменистане со времени получения этой страной государственной независимости, никогда не были свободными.

При выборах президента Туркменистана, избравшегося путем прямого всеобщего голосования 27 октября 1990 г. и 21 июня 1992 г., отсутствовали альтернативные кандидаты. Объявленные результаты голосования, согласно которым в поддержку бывшего коммунистического лидера С.Ниязова высказались, соответственно, 98,3% и 99,5% от числа проголосовавших избирателей, представляются неправдоподобно высокими и наводят на мысль о вероятной фальсификации.

После того, как летом 1993 г. туркменская оппозиция заявила о своем желании участвовать в будущих президентских выборах в июне 1997 г., 28 декабря 1993 г. высший представительный орган власти Туркменистана Халк маслахаты (Народное собрание) принял решение о проведении референдума по продлению президентских полномочий на второй пятилетний срок без проведения очередных выборов. Это беспрецедентное решение обосновывалось "интересами сохранения политической стабильности в обществе и политического курса государства".

Хотя ст.16 Закона Туркменистана "О референдуме" устанавливает срок подготовки к референдуму не менее двух месяцев, референдум о продлении президентских полномочий был проведен уже 15 января 1994 г. Согласно официальным данным, за продление полномочий С.Ниязова до 2002 г. якобы высказалось 99,99% избирателей, принявших участие в голосовании (против проголосовали лишь 212 жителей г.Ашхабада).

С осени 1994 г. различные официальные инстанции и организации в Туркменистане неоднократно высказывались за пожизненное закрепление за С.Ниязовым полномочий главы государства. По мнению авторов доклада, подобные предложения весьма далеки от действительных настроений значительной части избирателей.

Выборы "халк векиллери" (народных представителей) и депутатов Меджлиса (парламента), проведенные, соответственно, в 1992 и 1994 гг., также были практически безальтернативными⁴⁴ и проходили под полным контролем властей.

Депутат Верховного Совета (с 1992 г. - Меджлиса) Туркменистана Бегмамед Гельдымамедов, выступавший с критикой властей, при выборах в новый состав Меджлиса в конце 1994 г. попытался в соответствии с законом выдвинуть свою кандидатуру на собрании жителей пос.Джебел под г.Небитдаг. По указанию главы администрации Балканского велаята Р.Пуханова дирекция местной школы вопреки предварительной договоренности отказалась предоставить зал для проведения собрания, а милиция требовала от избирателей разойтись, так как "дети жалуются, что взрослые мешают им заниматься". В

⁴⁴ Например, при выборах 50 депутатов Меджлиса лишь в одном округе были официально зарегистрированы два кандидата.

создавшейся ситуации Гельдымамедов предложил избирателям провести собрание в 50 метрах от школы прямо посреди улицы. Перед собравшимися выступили 14 человек, было собрано 240 подписей за выдвижение кандидатуры Гельдымамедова для участия в выборах в депутаты Меджлиса (по закону необходимо участие в собрании по выдвижению кандидата не менее 200 избирателей).

Вскоре после завершения собрания к месту событий подъехали руководители УВД и УКНБ Балканского вelayта и хяким г.Небитдага Караев. Их сопровождал человек с видеокамерой. После видеосъемки небольшой группы оставшихся людей, прибывшие, угрожая отказом в регистрации, предложили "вновь посчитать голоса". Гельдымамедов отказался сделать это, продемонстрировав заполненные подписные листы.

В течение нескольких дней после сдачи подписных листов окружная избирательная комиссия отказывалась выдать Гельдымамедову регистрационное свидетельство. Депутат послал телеграммы президенту и спикеру парламента с просьбой собрать внеочередную сессию Меджлиса для обсуждения этой проблемы. На следующий день после визита председателя Меджлиса С.Мурадова в Балканский вelayт Гельдымамедов получил удостоверение кандидата в депутаты. Решение о его регистрации было напечатано в областной газете.

В тот же день Р.Пуханов собрал руководителей нескольких государственных предприятий, на которых работали жители поселка Джебел, и потребовал, чтобы они добились от подчиненных отказа от подписей. Руководители объехали дома своих подчиненных и собрали несколько десятков объяснительных типа: "Я не участвовал в собрании, а только шел по улице", "Я подписал, не подумав" и т.д.

На основании этих заявлений окружная избирательная комиссия аннулировала решение о регистрации кандидатуры Гельдымамедова. Попытки обжалования в вelayтскую и центральную избирательные комиссии не дали результатов. Заместитель председателя Центризбиркома Александр Додонов сказал Гельдымамедову: "Ты умный парень, все понимаешь, твои заявления мы проверять не будем".

Позиция официального Ашхабада по вопросу о парламентских выборах и необходимости политического плюрализма, декларируемая внутри страны, разительно отличается от заявлений, рассчитанных на внешнюю аудиторию.

Например, в статье "Колесо истории нельзя повернуть вспять" ("Нейтральный Туркменистан" 8.04.1996) сотрудники пресс-службы Президента Туркменистана Баллыев и Какабаев пишут, что при выборах в прежний Верховный Совет Туркменистана, проходивших на альтернативной основе, кандидаты "не брезговали ничем: создавали группировки, повсеместно собирали подписи, находили издательства, готовые, естественно, небезвозмездно печатать красочные биографии с фотографиями". Такие действия в ходе выборной кампании авторами статьи решительно осуждаются. Как недопустимые характеризуются ими и стремления депутатов "принимать решения, противоречащие политике... своего государства, преследовать цели одной или нескольких депутатских фракций". "В Меджлисе Туркменистана /в отличие от прежнего Верховного Совета/ ситуация иная: нет конфликтов, лоббирования" чьих-либо интересов. "Народ независимого Туркменистана верил свою судьбу не отдельным партиям, а лишь одному человеку,

избранному им - Сапармурату Туркменбаши".

Характер взаимоотношений президента и т.н. "народных избранников" наглядно иллюстрирует следующий случай. В сентябре 1996 г. при открытии заседания Народного Совета (членами которого являются все депутаты Меджлиса и все первые руководители исполнительных органов власти) в г.Байрам-Али Ниязов прервал на середине традиционное чтение собравшимися государственной клятвы на верность Отечеству и Президенту, поскольку ему показалось, что присутствующие произносят клятву недостаточно громко. Он заставил участников заседания произнести слова клятвы еще раз громким голосом, и все депутаты послушно выполнили это требование.

В апреле 1998 г. очередные выборы "халк векиллери" по указанию президента страны были проведены на альтернативной основе. В округах были зарегистрированы по два кандидата. Однако в четырех случаях, когда избиратели пытались выдвинуть независимых от властей кандидатов (в поселках Джебел, Гасан-Кули и Кизыл-Атрек Балканского веляята и в Байрамалийском этрапе Марыйского веляята), последние не были зарегистрированы под надуманными предложениями.

Авторы доклада располагают копией заявления избирателей Байрамалийского этрапа. Согласно этому документу, 5 марта 1998 г. с разрешения хякима этрапа было проведено собрание избирателей по выдвижению кандидатов в "халк векиллери". За день до проведения собрания заместитель хякима этрапа Назарли Шахбердиев без объяснения причин пытался добиться отмены собрания. После проведения голосования по трем кандидатурам М.Акмурадова, набравшая наименьшее число голосов, обвинила организаторов собрания в неправильном подсчете голосов и вместе со своими сторонниками и Н.Шахбердиевым покинула зал.

После ухода сторонников Акмурадовой были проведены перерегистрация участников и повторное голосование. Один кандидат взял самоотвод, а оставшийся в списке Абдырахман Байрамов получил 172 голоса из 232 голосов участников собрания. В тот же день протокол собрания был сдан в окружную избирательную комиссию. Однако 9 марта 1998 г. сторонники М.Акмурадовой провели новое собрание с участием 79 чел. (по закону требуется не менее 200 участников), утвердили ее кандидатуру и "отменили" результаты собрания 5 марта. После этого представитель окружной избирательной комиссии заявил, что никто из двух кандидатов не будет зарегистрирован. Жалобы, поданные сторонниками А.Байрамова - вплоть до Центральной избирательной комиссии, - остались без ответа. В заявлении упоминается о задержании членов инициативной группы Байрамова сотрудниками милиции, однако подробности инцидента неизвестны.

В пос.Джебел члены инициативной группы по выдвижению Б.Гельдымамедова, в очередной раз попытавшегося зарегистрировать свою кандидатуру для участия в выборах, по неподтвержденным данным, также были задержаны сотрудниками милиции, а самого кандидата власти угрожали посадить за решетку по обвинению в "разжигании межнациональной розни".

В апреле 1998 г. президент Туркменистана С.Ниязов, находясь с официальным визитом в США, пообещал американским властям, что выборы в Меджлис в 1999 г. и президентские выборы в 2002 г. будут "свободными и

честными"⁴⁵. По мнению авторов доклада, в настоящее время нет никаких признаков того, что туркменское руководство готово пойти на серьезную демократизацию политической системы - в соответствии с данными обещаниями.

⁴⁵ "Независимая газета". "Содружество НГ", 1998, № 5, с.6.

Ограничения свободы печати, преследования журналистов

СМИ Туркменистана

С 1994 г. все СМИ Туркменистана являются государственными⁴⁶. Издательская деятельность также полностью монополизирована государством. С июля 1996 г. единственным учредителем всех газет (даже региональных) является лично президент страны Сапармурат Ниязов.

Знакомство с туркменской периодикой оставляет у зарубежного читателя удручающее впечатление. Значительная часть публикуемых материалов посвящена описанию "достижений" страны экономического и социального плана, не менее блестящим планам на будущее, официальной хронике и безудержным восхвалениям главы государства. "Внешний мир" на страницах туркменских СМИ выглядит как карикатура на реальность.

Все материалы национальных СМИ официально проходят предварительную цензуру. По словам одного из редакторов, газетам запрещено публиковать критические материалы (даже по незначительным поводам), если только эта критика не санкционирована пресс-службой президента или узким кругом лиц из высшего руководства страны. Официальная хроника также является прерогативой не редакций, а правительственного агентства "Туркмен-пресс" и пресс-службы президента, перепечатками материалов которых заполняются первые и частично вторые полосы всех туркменских газет.

Некоторые редакции один-два раза в год решаются по собственной инициативе поместить статьи с элементами критики в отношении проблем местного коммунального хозяйства. Авторы этих статей обычно подчеркивают, что все указанные в публикации "недостатки" носят временный характер и в самом ближайшем будущем будут благополучно "преодолены" благодаря усилиям государственных органов.

Не менее блекло выглядят передачи двух каналов национального телевидения.

Работник туркменской телерадиокомпании, просивший не называть его имени, сообщил авторам доклада, что в 1995-1997 гг. на телевидении были отменены все выходившие прежде тематические программы ("Здоровье", "Добрый вечер, Ашхабад!" и др.). В 1995 г. пресс-секретарь президента К.Баллыев потребовал, чтобы на ТВ была прекращена подготовка передач, приуроченных к юбилеям различных известных людей (ученых, деятелей искусств, медиков и т.д.), поскольку телевидение, по его мнению, должно пропагандировать лишь деяния президента страны. Требование К.Баллыева было выполнено.

В настоящее время эфирное время заполняют в основном общественно-политические программы, призванные показать любовь народа к главе государства. Обычно эти программы включают интервью с жителями страны и уличные съемки, концентрирующиеся на портретах и статуях Сердара (Вождя), демонстрируемые под монотонную музыку. Все передачи многократно в

⁴⁶ Формально лицензия на право издания последней частной газеты "Туркменистан сегодня" была аннулирована в августе 1996 г.

течение дня перемежаются сюжетом группового исполнения детьми разных национальностей т.н. "национальной клятвы" на верность Родине и Президенту.

Программы новостей заполнены исключительно официальной хроникой. Репортажи о визитах Туркменбаши в регионы занимают порой 2-3 часа и повторяются по несколько раз в полном объеме. За это пресс-секретарь президента К.Баллыев и лица из его ближайшего окружения до мая 1997 г. получали ежемесячно по несколько миллионов манатов - как соавторы "общественно-политических программ особой важности".

Следствием отсутствия свободы туркменских СМИ и обнищания населения стало быстрое сокращение читательской и теле- аудиторий.

Резко упали тиражи печатных изданий, возросла убыточность СМИ. Власти стали принимать многочисленные решения о закрытии (слиянии) печатных изданий и о сокращении их штатов. Были закрыты все молодежные и многие ведомственные издания⁴⁷. К 1995 гг. были ликвидированы все районные газеты (кроме одной, выходящей на казахском языке).

В августе 1997 г. были объединены редакции велаятских (областных) газет, выходившие на русском и туркменском языках (для Ташаузского велаята - также на узбекском языке), и двух городских газет в Ашхабаде. Объединение редакций привело к увольнениям десятков журналистов, прежде всего - женщин, без возможности трудоустроиться по специальности. В г.Ташаузе из 90 человек, работавших в трех редакциях, в объединенной остались 50. Все 4 женщины-журналистки были уволены, в объединенной газете их не взяли даже на техническую работу. Одновременно со слиянием региональных газет произошло непропорционально резкое сокращение объема материалов, публикуемых ими на русском и узбекском языках. В Ташаузе, где раньше выходили три газеты на русском, туркменском и узбекском языках объемом по четыре полосы каждая, в объединенной восьмистраничной газете материалы на русском и узбекском языках занимают теперь (в сумме) две полосы. В Небитдаге на русском языке выходит лишь одна из восьми полос объединенного издания.

Заметное сокращение штатов имеет место и на телевидении. Многие тележурналисты вынуждены были искать новую работу после закрытия на ТВ в 1995-1996 гг. тематических программ. Перевод с мая 1997 г. на новую систему оплаты труда творческих работников ТВ (отмена гонораров и др.) также привел к уходу многих тележурналистов с государственного телевидения. С 1 января 1998 г. была расформирована русская редакция ТВ, почти все журналисты уволены, три человека переведены на технические должности. Теперь на русском языке по местному телевидению можно увидеть лишь 10-минутные новости, передаваемые один раз в сутки.

По мнению авторов доклада, политика туркменских властей, проводимая в отношении национальных СМИ в 1994-1997 гг., фактически привела к их деградации и массовому уходу из журналистики десятков профессионалов. Многие граждане Туркменистана, с которыми беседовали авторы доклада, заявляли, что в последние годы они почти полностью игнорируют национальные СМИ, отдавая предпочтение российским СМИ (телевидение и газеты) или передачам туркменской службы Радио "Свобода".

⁴⁷ Например, с 1 июля 1996 г. перестали выходить три учительских журнала - "Халыпа", "Туркменский язык и литература" и "Мир языков" ("Правда" 17.09.1996).

Цензура

Официально контроль за деятельностью СМИ осуществляет Комитет по охране государственных тайн в печати и других средствах информации, действующий при Кабинете Министров Туркменистана (далее - Комитет).

Председателем Комитета является шестидесятилетний Какабай Атаев. Бывший кадровый работник аппарата компартии, с 1974 г. он в течение 14 лет работал заведующим отделом пропаганды и агитации Ашхабадского обкома компартии. В 1988 г. был назначен руководителем "цензурного ведомства" - Главлита СССР (филиала союзно-республиканского Главного управления по охране государственных тайн в печати и других средствах массовой информации при Совете Министров СССР), преобразованного в феврале 1991 г. в Комитет по охране государственных тайн в печати и других средствах массовой информации при правительстве Туркменской ССР.

Ведомство, возглавляемое Атаевым, занимает несколько комнат в здании Министерства сельского хозяйства Туркменистана (напротив Академии наук). В нем работают 15 "творческих" работников, не считая технического персонала.

Один из бывших главных редакторов сообщил авторам доклада, что предварительная цензура не осуществлялась в 1989-1991 гг., но вновь возобновилась в первой половине 1992 г. - после обретения Туркменистаном независимости.

Представители Комитета постоянно присутствуют на телевидении и в Доме печати. По структуре и методам работы Комитет практически ничем не отличается от аналогичных учреждений советского периода. Сотрудники Комитета осуществляют предварительную цензуру всей периодической и непериодической печатной продукции, сценариев теле- и радиопередач до их выхода в эфир. Действует свод правил и инструкций, устанавливающих перечень тем, цифр и имен, запрещенных к упоминанию в СМИ.

Один из туркменских журналистов так описал процесс цензурирования материала. После окончания работы над газетной полосой она, набранная в гранках в двух экземплярах, передается в специальную комнату Дома печати, где находятся сотрудники Комитета (3-4 человека). В случае, если у них появляются какие-нибудь замечания, они вызывают ответственного секретаря газеты или выпускающего номера и показывают, где и что надо заменить или убрать.

По окончании работы над полосой цензоры ставят на нее свой штамп. Один экземпляр возвращается обратно в редакцию, другой остается у цензоров, чтобы на следующий день они смогли проверить, вся ли их правка учтена. После внесения цензурных изменений полоса передается в печать, повторно цензорами гранки уже не проверяются.

Помимо упомянутого Комитета, жесткую идеологическую цензуру СМИ осуществляют пресс-служба президента Туркменистана, а также отдел культуры и искусства, отдел по делам печати и издательств, сектор СМИ и политико-воспитательной работы Кабинета Министров Туркменистана, находящиеся в непосредственном ведении заместителя председателя Кабинета Министров Оразгельды Айдогдыева, курирующего вопросы литературы, искусства, культуры, СМИ и идеологии.

На регулярных совещаниях руководителей СМИ и издательств пресс-секретарь президента К.Баллыев или вице-премьер "по идеологии"

О.Айдогдыев проводят жесткий инструктаж относительно того, что можно, а чего нельзя публиковать или передавать в эфир. Попытка неподчинения со стороны редакторов означает их немедленное увольнение.

В тех случаях, когда обычные средства контроля кажутся недостаточными, предпринимаются дополнительные меры. Так, от той или иной редакции время от времени требуют предъявления всего редакционного портфеля планируемых к публикации материалов для изучения в соответствующем отделе Кабинета Министров. Подобные меры неоднократно применялись, например, к редакциям газеты "Туркменская искра" (ныне - "Нейтральный Туркменистан") и общественно-политического журнала "Дияр". В отношении журнала "Дияр", который возглавляет бывший председатель Союза писателей Туркменистана, бывший секретарь по идеологии ЦК компартии Туркмении (до 1990 г.) Худайберды Дурдыев, введена дополнительная мера контроля. После жесткой критики, которой редактор подвергся со стороны президента Ниязова, Дурдыев стал т.н. "исполнительным редактором", а главным редактором назначен (по совместительству) вице-премьер О.Айдогдыев⁴⁸.

Некоторые ашхабадские журналисты утверждают, что существует и находится во всех редакциях туркменских СМИ обновляющийся список фамилий более 60 проживающих в стране туркменских журналистов и писателей, чьи имена запрещено упоминать в печати (таких всего пять человек) или работы которых публикуются ограниченно (не чаще 1-2 раз в год). К сожалению, копию списка авторам доклада получить не удалось.

Известны, по крайней мере, два случая, когда цензурные запреты были инициированы лично главой государства.

В сентябре 1996 г. в Ашхабаде было широко объявлено о предстоящей в дни празднования независимости премьере фильма режиссера Мурада Алиева "Дети землетрясения". В фильме показана судьба маленького мальчика, потерявшего во время землетрясения 1948 г. мать и братьев (прообразом главного героя является нынешний президент Туркменистана). Однако в назначенное время фильм на экранах телевизоров не появился. По информации авторов доклада, при предварительной демонстрации фильма главе государства последний молча встал и ушел с середины просмотра. Официально было заявлено, что тема фильма не соответствует задачам праздника, неофициально режиссеру сообщили, что Ниязов был разгневан "чрезмерно интернациональным" видом Ашхабада 40-х годов (туркменское население которого составляло заметное меньшинство). После этого лента в течение нескольких месяцев срочно перемонтировалась, многие эпизоды - переснимались, чтобы успеть к следующему празднику - 19 февраля - Дню государственного флага, отмечаемого также как день рождения президента Ниязова.

В декабре 1996 г. был отправлен в отставку заместитель председателя национальной телерадиокомпании Туркменистана Абдылла Якубов, обвиненный в том, что санкционировал показ по телевидению детективного фильма "Возбуждено дело" режиссера Сапармухаммеда Джаллыева. Содержание детектива вызвало недовольство президента Туркменистана, заявившего в узком кругу, что фильм рассказывает о преступлениях мафии,

⁴⁸ "Центрально-Азиатские страницы. Информационная сводка по Туркменистану № 3" (октябрь 1995 г. - январь 1996 г.).

которой, в действительности, "давно уже нет в Туркменистане". Фильм был запрещен для дальнейшей демонстрации.

Интересно, что с конца 1996 г. после того, как многие официальные выступления Сапармурата Ниязова по вопросам внутренней политики приобрели ярко выраженный критический характер, была резко ограничена прямая трансляция речей президента, а также публикация в газетах стенограмм большинства его выступлений. Очевидно, глава государства посчитал, что широкое воспроизведение его критических высказываний с перечислением конкретных фактов злоупотреблений со стороны высокопоставленных чиновников могут вызвать в обществе "ненужный резонанс" и подорвать стабильность в стране.

Хотя сотрудники СМИ Туркменистана ранее неоднократно подвергались проверкам на предмет политической лояльности, в 1995-1996 гг. двое местных журналистов были уволены, предположительно, по политическим мотивам.

Литературный сотрудник журнала "Дияр" (Наследие) Аширкули Байриев, в годы "перестройки" в течение шести месяцев возглавлявший редакцию газеты "Эдебият ве сунгат" (Литература и искусство), был уволен 30 января 1996 г. "за несоответствие служебному положению" после его отказа днем раньше по требованию главного редактора написать заявление об уходе "по собственному желанию".

В декабре 1995 г. "по собственному желанию" вынужден был уйти из редакции корреспондент газеты "Туркменская искра" Олег Фадеев, проработавший в газете около 20 лет.

Руководители обоих изданий заявили увольняемым, что не имеют претензий к их работе и выполняют указание "сверху". Предположительно, Байриев был "наказан" за критические высказывания в адрес президента, а Фадеев - за активное участие в деятельности незарегистрированной "Русской общины Туркменистана".

Иностранные СМИ

30 октября 1993 г. Постановлением Президента Туркменистана № 1536 были утверждены "Основные правила, регулирующие профессиональную деятельность корреспондентов (журналистов) средств массовой информации иностранных государств на территории Туркменистана" (далее - "Основные правила"), действующие по настоящее время.

Уже в первом пункте "Основных правил" содержится положение, противоречащее действующим международным соглашениям и грубо нарушающее права журналистов. Согласно указанному пункту, не только журналистская деятельность, но и *пребывание* иностранного корреспондента (журналиста) на территории Туркменистана "разрешается только на основе постоянной или временной аккредитации при Министерстве иностранных дел Туркменистана".

17 апреля 1998 г. один из авторов доклада (Виталий Пономарев) был сразу по прибытии в Ашхабад задержан сотрудниками КНБ и на следующий день незаконно депортирован из страны. По словам офицеров КНБ, причиной депортации являлись "отсутствие аккредитации" журналиста и его критические статьи о Туркменистане в российской прессе. Когда В.Пономарев заявил, что прилетел как частное лицо, ему ответили, что "журналист не может быть

частным лицом", "он всегда на работе", поскольку, даже беседуя со знакомыми, получает новую информацию, которую в дальнейшем может использовать для публикации (подробнее о депортации см. ниже).

Та же извращенная и дискриминационная в отношении журналистов логика заложена в других пунктах "Основных правил". Например, п.28 "О передвижении иностранных корреспондентов (журналистов) по территории Туркменистана" предписывает журналистам совершать поездки по стране исключительно "в порядке, установленном для сотрудников дипломатических представительств соответствующих стран" с обязательной "нотификацией поездок" "через отдел информации Министерства иностранных дел Туркменистана".

На практике требования, предъявляемые туркменскими властями к аккредитованным журналистам, далеко выходят за рамки "Основных правил". По мнению корреспондентов российских СМИ, туркменские власти осуществляют тщательный контроль за содержанием публикаций о Туркменистане за рубежом. Критические материалы (вопреки "Основным правилам") фактически могут стать основанием для отказа в аккредитации или лишения аккредитации, без которой невозможно официальное ведение журналистской деятельности.

В ноябре 1993 г. - сразу после принятия "Основных правил" группа *собственных корреспондентов*⁴⁹ российских газет в Туркменистане ("Комсомольская правда", "Труд", "Известия", "Гудок") официально обратилась в МИД Туркменистана с просьбой об аккредитации. Хотя "Основные правила" предусматривали решение вопроса об аккредитации "в сроки, не превышающие двух месяцев", спустя 4 месяца ни один из корреспондентов аккредитацию не получил. При этом в МИДе Туркменистана им сообщили, что "списки с вашими фамилиями прошли у нас без возражений, но, видимо, возражения возникли в отделе печати Кабинета Министров, куда они отправлены для согласования"⁵⁰.

Примерно в то же время вице-премьер О.Айдогдыев, курирующий СМИ, заявил корреспондентам "Труда" Михаилу Переплеснину и "Комсомольской правды" Александру Бушеву, что если они не изменят критический тон своих публикаций, то не будут аккредитованы. Корреспонденту "Гудка" Владимиру Вейсу за одну из его статей угрожали выселить из корпункта. Более "непослушного" Владимира Кулешова из "Известий" Айдогдыев решил вообще убрать из страны, рекомендовав в письме тогдашнему главному редактору "Известий" использовать в качестве ашхабадского собкора главного редактора "Туркменской искры" Балкана Гафурова ("Известия" с возмущением отказались от этого предложения).

Позднее М.Переплеснину и В.Вейсу были выданы аккредитационные удостоверения, и их корреспонденции стали выдерживаться в лояльном тоне. А.Бушев и В.Кулешов даже в 1995 г. еще не получили ответа на просьбу об аккредитации и под давлением властей вскоре вынуждены были покинуть

⁴⁹ "Собственным корреспондентом" (или "собкором"), согласно терминологии советского времени, являлся журналист одного из "центральных" СМИ, постоянно проживавший в административном центре той или иной области или союзной республики. "Специальным корреспондентом" назывался представитель СМИ, прибывший в регион с конкретным разовым журналистским заданием. В силу традиции эти специфические термины ("собкор" и "спецкор") нередко используются в российских СМИ и в настоящее время.

⁵⁰ "Известия" 4.03.1994.

страну. За критические материалы о Туркменистане в 1996 г. был лишен аккредитации собкор туркменской службы Радио "Свобода" С.Овезбердыев. Временно приостанавливалась аккредитация у собкора Общественного российского телевидения (ОРТ) по Туркменистану К.Бабаева (1996 г.) и стрингера агентства "Рейтер" М.Гурта (1997 г.). Путем жесткого давления власти добились прекращения журналистской деятельности действовавших без аккредитации М.Дурдыева (1996 г., российская газета "Правда") и Е.Аннакурбанова (1997 г., туркменская служба Радио "Свобода"), а постоянный автор "Независимой газеты" В.Пономарев, проживающий в Москве, в апреле 1998 г. был незаконно депортирован из Туркменистана (подробнее об инцидентах с отдельными журналистами см. ниже).

По данным Общества содействия соблюдению прав человека в Центральной Азии⁵¹, во второй половине 1996 г. посольство Туркменистана в РФ длительное время под различными предлогами отказывало в визе радиокорреспонденту ABC (Australian Broadcasting Corporation) Майклу Бриссендену, аккредитованному в Москве, планировавшему посетить Туркменистан для подготовки серии радиорепортажей об этой стране.

По оценке авторов доклада, вследствие установленных властями многочисленных ограничений на журналистскую деятельность в последние годы представительство иностранных СМИ в Туркменистане не только не расширялось, но, напротив, произошло заметное сокращение сети действующих корреспондентских пунктов.

В настоящее время в Туркменистане на постоянной основе действуют корреспондентские пункты, в основном, российских газет и информационных агентств. В 1995-1996 гг. корреспондентские пункты таких российских изданий как "Известия", "Комсомольская правда" и "Культура" были закрыты, причем в первых двух случаях можно говорить о вынужденном прекращении работы вследствие беспрецедентного давления на корреспондентов со стороны властей.

Деятельность оставшихся корпунктов российских СМИ была во многом поставлена под контроль туркменскими властями.

В отдельных случаях российские корреспонденты согласились выступать фактически в качестве рупора МИД Туркменистана, получая прямые задания о содержании и сроках публикаций от главы министерства Бориса Шихмурадова (Михаил Переплеснин и Григорий Колодин из "Независимой газеты")⁵².

Корреспондентом агентства ИТАР-ТАСС по Туркменистану стала Людмила Глазовская, одновременно являющаяся... директором туркменского государственного информационного агентства "Туркмен-пресс".

На особом положении находится и корреспондент "Делового мира". В 1995 г. это российское издание при поддержке туркменского правительства выпустило две специальные вкладки, посвященные радужным перспективам развития экономики страны, и продолжает регулярно помещать аналогичные материалы на своих страницах.

⁵¹ Информационный бюллетень Общества содействия соблюдению прав человека в Центральной Азии, 1996, № 11-12.

⁵² Указанные авторы обычно публикуют в "Независимой газете" совместные корреспонденции под псевдонимами, соответственно, "Владимир Михайлов" и "Георгий Смольников". Колодин - бывший собкор "Сельской жизни" и "Независимой газеты" - с августа 1996 г. является пресс-секретарем посольства Туркменистана в РФ. Переплеснин - бывший собкор "Труда" - в настоящее время представляет в Ашхабаде "Российскую газету" и "Независимую газету".

Прочие собкоры российских СМИ либо отошли от активной работы, либо подвергаются неприкрытому давлению и жесткой цензуре.

СМИ других стран СНГ в настоящее время не имеют постоянных корпунктов в Ашхабаде и не публикуют регулярной информации о событиях в этой стране. Единственным исключением является небольшое кыргызстанское агентство "Вечерний Бишкек", ашхабадский представитель которого вынужден действовать втайне от властей, скрывая свое имя⁵³.

Из СМИ стран, не входящих в СНГ, в Туркменистане имеет официальное представительство лишь турецкая правоцентристская газета "Заман". Несколько граждан Туркменистана работают стрингерами различных зарубежных СМИ ("Рейтер", Би-Би-Си и др.).

В октябре 1995 г. в Ашхабаде был открыт корпункт туркменской службы Радио "Свобода". Ашхабадский корреспондент РС Сапармурат Овезбердыев передавал, в основном, официальные новости. Тем не менее в ноябре 1996 г. он был лишен аккредитации за один из критических материалов. С тех пор корпункт туркменской службы РС не имеет какого-либо официального статуса, о чем власти периодически напоминают корреспонденту.

По сообщению аккредитованных в Туркменистане российских журналистов, контроль за деятельностью корреспондентов зарубежных СМИ осуществляет вице-премьер О.Айдогдыев. В случае появления критических материалов в зарубежных (чаще всего - российских) СМИ собкор или стрингер, как правило, приглашается на беседу к Айдогдыеву, где ему достаточно жестко указывается на "неправильность его подхода" к освещению ситуации в Туркменистане. Иногда для "вызова" к Айдогдыеву достаточно 1-2 критических фраз, допущенных в репортаже.

Для собкоров российской прессы, проявляющих лояльность к существующему режиму, предоставляются определенные льготы и поощрения: возможность бесплатного пользования государственными дачами в летний период, право поездок вместе с президентом по стране и за рубеж (за счет государственных средств) и др. Бывший корреспондент "Независимой газеты" Г.Колодин, например, за публикацию многочисленных корреспонденций о Туркменистане, выражающих точку зрения правительства этой страны, получил высокооплачиваемую должность секретаря посольства Туркменистана в РФ; кроме того, как утверждают его коллеги, при содействии МИД Туркменистана он "обменял" свою квартиру в Ашхабаде на квартиру в Подмоскowie⁵⁴.

В случае нежелания собкора подчиняться предъявляемым требованиям против него могут быть приняты различные меры воздействия: блокирование телефона и иных средств связи, ограничение доступа на официальные мероприятия и пресс-конференции, вызовы в правоохранительные органы, угроза опечатавания корпункта, лишение аккредитации и др. Почти все аккредитованные в Туркменистане представители зарубежных СМИ являются гражданами этой страны, что открывает дополнительные возможности воздействия на них со стороны властей.

В 1995-1998 гг. несколько российских журналистов, пользуясь возможностями безвизового режима въезда в страну для жителей стран СНГ,

⁵³ Материалы этого агентства, действующего с января 1996 г., иногда перепечатываются российскими СМИ (например, газетами "Сегодня" и "Известия").

⁵⁴ О запретах на продажу жилья в Туркменистане см. раздел "Нарушение прав этнических меньшинств".

приезжали в Туркменистан для сбора информации без уведомления туркменских властей. Во всех известных авторам доклада случаях КНБ Туркменистана пытались отслеживать передвижения и контакты указанных лиц.

В апреле 1995 г. один из авторов доклада (В.Пономарев) встретился с несколькими жителями г.Ашхабада с целью подготовки статьи для газеты "Известия". Позднее стало известно, что поздно вечером 21 апреля 1995 г. через 15 минут после завершения беседы В.Пономарева с женой одного из политических заключенных Байрамсолтан (Соней) Баллыевой на квартиру к последней прибыли два неизвестных человека в штатском (один из них представился как Караджаев), которые, назвавшись "друзьями Пономарева из МИД Туркменистана", пытались выяснить, куда уехал журналист и каковы его дальнейшие планы. В те же дни председатель "Русской общины Туркменистана" Анатолий Фомин был неожиданно вызван к председателю КНБ Сеидову, который задавал ему аналогичные вопросы.

За корреспондентом газеты "Не дай бог" А.Колесниковым, прилетевшим на несколько дней в Ашхабад в мае 1996 г., была установлена слежка. При отлете в Москву журналиста, помимо обычного таможенного досмотра, заставили раздеться и пройти тщательный личный досмотр. Один из тех, кто проводил досмотр, спросил: "Ну что, всю информацию собрал? Все записал?", из чего А.Колесников сделал вывод, что в течение всей поездки он находился под наблюдением туркменских спецслужб⁵⁵.

Распространение информации зарубежных СМИ

Альтернативная информация о положении в стране и мире доступна гражданам Туркменистана в основном через электронные СМИ (телевидение и радио).

В Ашхабаде принимаются передачи четырех телевизионных каналов: двух туркменских (с 7 до 24 часов), турецкого (с 17 до 21 часа) и российского ОРТ (с 6 до 22 часов). По одному из туркменских каналов ТВ передают в записи (с российского канала РТР) сериал "Санта-Барбара" и отдельные сюжеты информационной программы "Вести" (последние - с опозданием более чем на сутки). Многие граждане Туркменистана стремятся установить дома спутниковую антенну, чтобы расширить число принимаемых телеканалов, однако стоимость установки такой антенны многократно превосходит размеры средней зарплаты.

В Туркменистане также существует возможность ежедневно по радиорелейной линии слушать программы российской радиостанции "Маяк" (19,5 часов в сутки).

Большинство граждан Туркменистана, с которыми беседовали авторы доклада (как туркмены, так и русские), сообщили, что предпочитают смотреть передачи ОРТ и почти не включают национальные или турецкий каналы. Власти, как кажется, не проявляют заметного беспокойства по этому поводу, тем более, что материалы из Туркменистана появляются на ОРТ или в программах "Маяка" крайне редко и обычно носят официозный характер. До осени 1996 г. в Туркменистане во время трансляции по национальному каналу

⁵⁵ "Не дай бог" 25.05.1996.

выступлений президента страны передачи ОРТ обычно прерывались, однако сейчас подобная практика прекращена.

Для туркменского населения *основным* источником альтернативной информации о ситуации *в стране* являются передачи туркменской службы Радио "Свобода" (ежедневная часовая передача на туркменском языке, ретранслируемая 4 раза в день). Как убедились авторы доклада в ходе поездок по Туркменистану, "Свободу" туркменское население, испытывающее тотальный информационный голод, слушает повсеместно, даже в отдаленной сельской местности. О новостях, переданных по "Свободе", постоянные слушатели радиостанции регулярно рассказывают своим друзьям и знакомым. Иногда устраивается коллективное прослушивание передач с последующим обсуждением острых материалов, критикующих туркменские власти.

В то же время авторам доклада нередко приходилось слышать мнение, что руководство туркменской службы РС проявляет непоследовательность в определении своей информационной политики: периоды резкой критики правящего в Туркменистане режима сменяются месяцами, когда критические материалы не допускаются в эфир, авторам, известным своей критической позицией, предлагается готовить комментарии на международные темы и т.д.

Комитет национальной безопасности Туркменистана осуществляет тотальный мониторинг программ туркменской службы РС. На штатных и нештатных корреспондентов службы заводятся досье и оказывается давление, нередко имеющее целью добиться прекращения их журналистской деятельности (см., например, ниже описание инцидента с Е.Аннакурбановым). Сотрудники КНБ также пытаются определить фамилии авторов материалов, передаваемых по РС под псевдонимами, с целью последующего воздействия на них.

По крайней мере, в одном случае можно почти с уверенностью говорить о связи между передачей материалов на РС и последующим жестоким избиением автора материалов "неизвестными лицами".

10 августа 1995 г. в Ашхабаде было совершено нападение на писателя и диссидента Худайберды Халлыева. Трое неизвестных напали на Халлыева на улице, силой втокнули в легковую машину и вывезли за город, в пустынную местность в районе пос.Анау (10 км восточнее Ашхабада). Там Халлыев был жестоко избит и оставлен без сознания. Спустя несколько часов, придя в себя, пострадавший смог выбраться на шоссе, где был подобран случайно проезжавшей машиной. Халлыев получил сотрясение мозга и многочисленные мелкие травмы. Предполагают, что писатель "был наказан" КНБ за передачу на Радио "Свобода" подробной информации об антиправительственной демонстрации 12 июля 1995 г. и последующих репрессиях властей.

Давлению со стороны властей подвергаются не только журналисты, но лица, сотрудничающие с зарубежными СМИ. Например, после выступления в конце августа 1997 г. по туркменской службе Радио "Свобода" бывшего туркменского вице-премьера А.Чарыева, он был приглашен "на беседу" к председателю КНБ Туркменистана, который угрожал ему "несчастьем с детьми", если его критические выступления по радио продолжатся (подробнее см. раздел "Преследования по политическим мотивам"). Вскоре в одной из местных газетных публикаций появилось вскользь сделанное замечание о том, что А.Чарыев в прошлом был причастен к коррупции.

В отличие от электронных СМИ, доступ жителей Туркменистана к печатным периодическим изданиям других государств, прежде всего России, крайне затруднен.

Российские издания можно получить только по подписке. С учетом крайне низкого уровня заработной платы многие граждане Туркменистана не имеют возможности выписывать российскую прессу в индивидуальном порядке.

Однако даже при наличии денежных средств большинство потенциальных подписчиков каждый раз сталкивается с различными ограничениями, в результате которых спрос на российские издания удовлетворяется лишь в незначительной мере.

Например, в начале октября 1996 г. по личному распоряжению заместителя председателя Кабинета Министров Туркменистана О.Айдогдыева была полностью запрещена подписка на российские периодические издания для частных лиц и негосударственных организаций. Небольшое число подписчиков успело оформить подписку в первые 7-10 дней после начала подписной кампании 25 сентября. Первоначально власти заявили, что вернут деньги всем, кто успел выписать российские газеты, но позднее разрешили (в порядке исключения) доставлять российские издания этой группе подписчиков.

Индивидуальным лицам разрешена подписка лишь на ограниченное число изданий. В 1997-1998 гг. в российских почтовых каталогах, лежащих в почтовых отделениях г.Ашхабада, большая часть изданий была вычеркнута, подписка проводилась лишь на несколько газет ("Труд", "Известия", "Комсомольская правда" и "Аргументы и факты") и в ограниченные сроки.

Государственные организации могут выписывать российские издания (за рубли) лишь по специальному разрешению казначейства.

Основные российские периодические издания не поступают даже в Национальную библиотеку Туркменистана. При этом власти ссылаются на сложность финансового положения страны и неконвертируемость маната. Однако, по мнению местных наблюдателей, дело не в конвертируемости национальной валюты, а в критике российскими СМИ проводимых в Туркменистане политических и экономических реформ⁵⁶.

Запрещен ввоз в страну т.н. "эротических" журналов. В бюллетене "Витамин Ы"⁵⁷, издающемся экологическим клубом в г.Ташаузе, приводится цитата из служебного письма Генерального директора Госкомпании "Туркменпочта" Р.Б.Керкавова, адресованного директорам веляятских предприятий почтовой связи: *"С 21 апреля 1997 г. открыть подписку для предприятий, организаций, учреждений на 2 полугодие 1997 г. на издания Российской Федерации и государств СНГ, издания которых входят в каталог агентства "Роспечать", издательства "Известия", агентства "Подписки и розницы", кроме эротических изданий ("СПИД-Инфо", "Пикант-ревью", "Мистер Икс", "Мисс икс", "Бульвар крутой эротики", "Искушение", "Флирт" и т.д.)"*.

Это - всего лишь один из документов, которые официально не публикуются, но реально регулируют проведение подписки в Туркменистане.

По данным авторов доклада, несмотря на наличие многочисленных узбекской и казахской диаспор, газеты и журналы на узбекском и казахском

⁵⁶ "Вечерний Бишкек" 4.04.1997.

⁵⁷ "Витамин Ы", 1997, № 2.

языке, издаваемые в соседних странах, выписать в Туркменистане практически невозможно⁵⁸.

Государственные органы Туркменистана внимательно следят за появлением критических материалов об этой стране в ведущих российских изданиях. Известны случаи, когда туркменские официальные лица пытались добиться от редакций российских газет недопущения к печати отдельных материалов или их "корректировки" (вплоть до личной просьбы главы государства к главному редактору соответствующего издания).

Если критический материал все же появляется на страницах российских СМИ, туркменская сторона немедленно реагирует, в частности, усилением мер таможенного контроля в отношении ввозимых в страну печатных изданий (российские газеты неоднократно изымались таможей в Ашхабадском международном аэропорту)⁵⁹. Одновременно в ведущих туркменских газетах появляются ответные материалы местных публицистов, выдержанные в "разгромных тонах" сталинского времени.

1 и 7 июня 1995 г. газета "Известия" под заголовком "Просто Азия" опубликовала выдержанный в сатирических тонах репортаж трех журналистов о поездке по Туркменистану. В последующие дни сотрудники КНБ Туркменистана объехали всех подписчиков "Известий" в этой стране и изымали "запрещенные номера" газеты. Те, кто заявлял, что требуемые номера ими потеряны, вынуждены были давать расписку, что не будут распространять указанный "клеветнический" репортаж среди своих знакомых⁶⁰.

Местные наблюдатели также сообщают, что в отдельных случаях российские газеты с критическими публикациями о Туркменистане изымаются на почте и не доходят до подписчиков⁶¹.

Туркменские власти пытаются отрицать факты ограничения подписки или ввоза в страну российских периодических изданий. Например, в статье, опубликованной 24 апреля 1998 г. в российской "Независимой газете" и выражающей точку зрения МИД Туркменистана, заявлялось, что "в Туркмении свободно можно подписаться на любое российское издание", в частности, "Независимую газету" выписывают "сотни граждан и организаций"⁶². Однако после проверки, проведенной по указанию главного редактора В.Третьякова, выяснилось, что подписка в Туркменистане на "Независимую газету" на второе полугодие 1998 г. составляет лишь 29 экземпляров, которые идут, в основном, "для служебного пользования"⁶³.

⁵⁸ Проблема стоит настолько остро, что ее признают даже официальные СМИ Туркменистана. Например, в опубликованном в "Нейтральном Туркменистане" (30.07.1996) письме шести инвалидов войны из числа представителей более чем 55-тысячной казахской диаспоры Туркменбашинского этрапа (Балканский велаят) отмечается, что после распада СССР в страну больше не поступают литература и периодические издания на казахском языке.

⁵⁹ Например, в статье "Турпоездка в будущее" российский журналист А.Колесников рассказывает, что в ашхабадском аэропорту таможня предлагает прибывшим задекларировать "все, что у нас есть в сумках, особенно иностранные газеты". Таможенник изъял у корреспондента даже политически нейтральную газету "Спорт-экспресс". См. "Не дай бог" 25.05.1996. Позднее ограничения были смягчены.

⁶⁰ "Центральная Азия", 1996, № 2, а также информация авторов доклада, полученная от жителей Ашхабада и Ташауза.

⁶¹ "Вечерний Бишкек" 4.04.1997.

⁶² "Независимая газета" 24.04.1998.

⁶³ "Независимая газета" 25.04.1998.

Практически недоступны для граждан Туркменистана и ведущие англоязычные издания.

Волонтер американского "Корпуса мира" Маргарет Кастро, работающая в Ташаузе, в сентябре 1997 г. сообщила авторам доклада, что когда в 1996 г. родители выслали ей конверт с подборкой газетных вырезок о Туркменистане из американских изданий, эта корреспонденция до нее не дошла. Маргарет Кастро предполагает, что вырезки были изъяты туркменскими властями, поскольку все посылки, направляемые ей из США, обычно приходят вскрытыми и в них недостает некоторых вещей.

Преследования журналистов зарубежных СМИ

Ниже приведены описания восьми известных случаев преследования туркменскими властями в 1995-1998 гг. журналистов зарубежных СМИ, работавших в Туркменистане. Причинами преследований во всех случаях являются критические публикации зарубежных СМИ об этой стране.

Владимир Кулешов

Собкор "Известий" В.Кулешов, работавший в Туркменистане с 1985 г., в 1993-1995 гг. опубликовал многочисленные критические заметки об этой стране, вызвавшие недовольство туркменских властей. В качестве "наказания" ему не выдали аккредитационное удостоверение, отключали телефон, блокировали телетайп. Вице-премьер Туркменистана О.Айдогдыев лично добивался у главного редактора "Известий" Голембиовского отзыва Кулешова из Туркменистана⁶⁴.

В мае 1994 г. специальным распоряжением Президента Туркменистана Кулешову была разрешена продажа квартиры - с целью стимулировать его выезд в Россию.

Окончательно терпение властей переполнилось после того, как Кулешов опубликовал заметку об антиправительственной демонстрации в Ашхабаде 12 июля 1995 г. В связи с этой "клеветнической публикацией" 15 июля корреспондент был вызван "на беседу" к председателю КНБ. 18 июля Кулешов был в принудительном порядке доставлен к прокурору города А.Менлыеву, где в присутствии заместителя министра юстиции, начальника управления МВД по борьбе с организованной преступностью, работников прокуратуры и МВД ему угрожали привлечением к уголовной ответственности "за клевету" и даже "за организацию демонстрации". "Судить мы вас будем как гражданина Туркменистана", - подчеркнул заместитель министра юстиции. Кулешов также получил вызов в суд по делу о его публикации годовой давности. 20 июля 1995 г. корпус "Известий" в Ашхабаде был опечатан милицией.

После изложения хроники преследований Кулешова в "Известиях" в статье "Облава на собкора" (29 июля 1995 г.) во время встречи туркменского вице-преьера Бориса Шихмурадова с советником-посланником посольства РФ Евгением Беловым была достигнута договоренность о том, что туркменские власти не будут препятствовать отъезду Кулешова в Россию. В ноябре 1995 г. собкор "Известий" окончательно покинул страну. Чтобы ускорить отъезд Кулешова его квартира в Ашхабаде была выкуплена МИД Туркменистана за 20 тыс. долларов (что значительно выше ее рыночной цены).

⁶⁴ "Известия" 4.03.1994.

Александр Бушев

Соббору "Комсомольской правды" А.Бушеву за его критические материалы в 1994-1995 гг. власти периодически отключали телефоны. Бушев был исключен из официальных телефонных справочников, его не приглашали на официальные мероприятия и пресс-конференции. Аккредитационное удостоверение корреспонденту получить также не удалось. В мае 1994 г. Бушеву, как и Кулешову, специальным решением президента Туркменистана была разрешена продажа квартиры. Понимая невозможность дальнейшей работы в Ашхабаде, в феврале 1995 г. Бушев временно переехал в Москву, получив должность ответственного секретаря редакции газеты "Комсомольская правда". В конце 1995 г. корпус "Комсомольской правды" в Туркменистане был окончательно закрыт, а в мае 1996 г. Ашхабад покинула и семья журналиста.

Курбан Бабаев

В феврале 1996 г. вице-премьер О.Айдогдыев, курирующий средства массовой информации, заявил собственному корреспонденту ОРТ по Туркменистану К.Бабаеву, что лишает его журналистской аккредитации (хотя вопросы аккредитации туркменским законодательством отнесены к ведению Министерства иностранных дел). Причиной лишения аккредитации было то, что в отдельных репортажах Бабаева прозвучало несколько фраз критической направленности.

В марте 1996 г. по устному распоряжению Айдогдыева Бабаеву было отказано в использовании аппаратуры Туркменской телерадиокомпании для монтажа и передачи в Москву подготовленных им телевизионных материалов.

Попытки Бабаева разрешить конфликт путем переговоров с министром иностранных дел Туркменистана Б.Шихмурадовым не принесли успеха. Поездка Бабаева в Москву за поддержкой к руководству ОРТ также оказалась малоэффективной: руководство ОРТ не вынесло официального протеста по поводу действий туркменских властей. Не приняло никаких мер по защите собкора ОРТ и российское посольство в Туркменистане.

Конфликт удалось разрешить лишь к маю 1996 г. Доступ Бабаева к необходимой телеаппаратуре был восстановлен.

Марат Дурдыев

Известный туркменский историк и археолог Марат Дурдыев в 1996 г. в течение нескольких месяцев работал корреспондентом газеты "Правда", публикуя различные материалы о своей стране, в том числе критической направленности.

В октябре 1996 г. в связи с критическими публикациями в "Правде" Дурдыев был "приглашен на беседу" к заместителю председателя Кабинета Министров Туркменистана О.Айдогдыеву. "Беседа" проходила с участием заместителя председателя КНБ Туркменистана Фариды Атамурадова. По мнению Дурдыева, больше всего руководство страны было возмущено его статьей "На перекрестке семи дорог света", в которой критиковалась проводимая в стране социальная политика и в образной форме говорилось, что картины "светлого будущего", которые власти Туркмении рисуют перед

"уставшим от обещаний" населением, в итоге могут оказаться не более чем миражами.

Примерно через неделю после этой беседы Дурдыев в течение нескольких дней был уволен с преподавательской работы в университете и в школе, а также с должностей корреспондента газеты "Нейтральный Туркменистан" и научного сотрудника историко-археологического заповедника "Нисса". В школе, где Дурдыев вел уроки истории, ему заявили, что он является человеком, "враждебным независимому Туркменистану".

После этого он снял квартиру и на протяжении двух месяцев, ожидал "пока улягутся страсти". В декабре 1996 г. его разыскали по указанию государственного советника президента по национальной безопасности С.Сеидова. В ходе беседы Сеидов заявил, что за рубежом ведется клеветническая кампания против Туркменистана, в которой активно используется имя Дурдыева⁶⁵. В связи с этим он потребовал, чтобы Дурдыев написал письмо в туркменскую службу Радио "Свобода", в котором бы сообщил, что не подвергался гонениям и добровольно отказался от работы в газете "Правда". Письмо должно было быть передано автором сотрудникам КНБ, Дурдыев, однако, сказал, что письмо на РС он напишет и отправит сам, что Сеидова не устроило.

После настойчивого требования властей о трудоустройстве в декабре 1996 г. Дурдыев возобновил преподавательскую деятельность на историческом факультете ТГУ.

В январе-феврале 1997 г. власти продолжали оказывать давление на Дурдыева, требуя написать письмо на РС, для чего использовали даже членов его семьи - жену и детей (жена Дурдыева - Марал - занимает пост заместителя министра образования Туркменистана).

Сапармурат Овезбердыев

Вечером 11 ноября 1996 г. ашхабадский корреспондент туркменской службы Радио "Свобода" Сапармурат Овезбердыев был приглашен в МИД Туркменистана, где в кабинете главы министерства Б.Шихмурадова ему сообщили о временной приостановке аккредитации - в связи с тем, что туркменская служба Радио "Свобода" постоянно критикует политику президента Туркменистана. В "беседе" с С.Овезбердыевым участвовали вице-премьер О.Айдогдыев, первый заместитель министра иностранных дел Мурад Чарыев, начальник международно-правового отдела МИД Елбарс Кепбанов, начальник информационно-аналитического отдела МИД Сердар Дурдыев, начальник 3-го отдела (контрразведка) КНБ Туркменистана Аннамурад Караджаев и офицер КНБ Ораз Дурдыев, курирующий радио и ТВ. По словам С.Овезбердыева, Айдогдыев подчеркнул, что вины корреспондента в приостановке аккредитации нет, тем не менее у Овезбердыева было отобрано аккредитационное удостоверение. Журналисту продемонстрировали дипломатическую ноту за подписью Б.Шихмурадова от 1 августа 1996 г.,

⁶⁵ Очевидно, Сеидов имел в виду ноябрьские сообщения туркменской службы Радио "Свобода", а также письмо исполнительного директора американского Комитета защиты журналистов Уильяма А.Орма на имя С.Ниязова от 23 декабря 1996 г., в котором утверждалось, что "в конце октября 1996 г. Марат Дурдыев был насильственным образом отвезен в психиатрическую больницу в Ашхабаде сразу после того, как опубликовал критическую статью в российской газете "Правда", а "в конце ноября... был выпущен из психлечебницы в тяжелом состоянии, что, возможно, явилось следствием его "насильственного лечения".

направленную правительству США, в которой выражалось недовольство содержанием передач туркменской службы РС, и посоветовали немедленно информировать о происшедшем центральный офис РС.

Одновременно туркменские власти отдали указание активизировать уголовное дело в отношении С.Овезбердыева, возбужденное по ст.140 ч.3 УК Туркменистана ("соучастие в клевете"). Уголовное дело было возбуждено по факту передачи в феврале 1996 г. туркменской службой РС письма 28 дайхан (крестьян) Ташаузского велаята, в котором председатель крестьянского объединения "Агзыбирлик" Аманклыч Курбанклычев обвинялся в хищении государственного и общественного имущества, совершении других незаконных действий. Письмо было передано на РС С.Овезбердыевым, что было квалифицировано следствием как соучастие в совершении уголовного преступления.

Очные ставки с участием С.Овезбердыева были проведены 4 ноября 1996 г. 14 ноября он был вновь доставлен (на этот раз - принудительно) из Ашхабада в Ильялинскую этрапскую прокуратуру, где 15 ноября вновь участвовал в проведении следственных действий. На следующий день расследование уголовного дела против С.Овезбердыева было завершено, и оно было прекращено в соответствии с указом президента Туркменистана от 30 сентября 1996 г. "Об амнистии". Освобождению С.Овезбердыева из-под стражи, как полагают, содействовала широкая огласка за рубежом факта его задержания сотрудниками правоохранительных органов.

По официальным данным, почти все крестьяне, значившиеся среди подписавших письмо на РС, отказались от своих подписей, а двое из них "давно сменили место жительства". Инициатор письма арендатор Кака Ханов был арестован как клеветник, провел в Ташаузском СИЗО 61 день и 30 октября 1996 г. был освобожден по амнистии.

7 декабря 1996 г. газета "Нейтральный Туркменистан" напечатала статью "Избравшие кривду..." за подписью "журналиста" Байрама Машикова⁶⁶, содержащую подробное описание уголовного дела. По данным автора статьи, Овезбердыев в ходе следствия признал "клеветнический характер" переданного в эфир письма, пересланного им в Прагу, и "собственную вину в содеянном". Кроме того, за передачу письма в Прагу К.Ханов якобы обещал корреспонденту РС ягненка и мешок ханского риса и передал в виде аванса 5,5 кг риса.

Овезбердыев в беседе с авторами доклада категорически отверг эти утверждения. По его словам, он никогда не признавал свои действия "соучастием в клевете" и до сих пор не уверен, были ли сфальсифицированы подписи под письмом. Очная ставка с его участием была проведена лишь с шестью лицами (не считая К.Ханова), причем показания этих людей носили маловразумительный характер.

После инцидента с С.Овезбердыевым по решению директора туркменской службы РС Зарифа Назара передача критических материалов о Туркменистане была фактически прекращена и возобновилась лишь спустя 9 месяцев.

⁶⁶ Машиков, в действительности, работал корректором в редакции газеты "Несил" и никогда не являлся автором статей. По данным авторов доклада, текст статьи был составлен пресс-секретарем президента К.Баллыевым и утвержден вице-премьером О.Айдогдыевым. Подпись Машикова была использована потому, что другие журналисты категорически отказались от авторства подобного материала.

Деятельность С.Овезбердыева продолжает находиться под жестким контролем властей. В середине апреля 1998 г. произошел следующий примечательный случай. Сотрудник туркменской службы РС позвонил из Праги в дом С.Овезбердыева и попросил его встретить прилетающего в Ашхабад лидера оппозиции А.Кулиева и взять у него короткое интервью "у трапа самолета". Буквально через 15 минут после этого звонка журналисту позвонил офицер КНБ, и в угрожающей форме потребовал не выезжать в аэропорт, напомнив об отсутствии аккредитации. Овезбердыев вынужден был подчиниться требованию властей.

Марат Гурт

Ашхабадский журналист Марат Гурт, являющийся официально аккредитованным стрингером агентства "Рейтер", в апреле или мае 1997 г. подвергся "проработке" со стороны властей за несколько критических фраз в статье, опубликованной на английском языке в газете "Central Asian Post" (Бишкек) и посвященной принятой в начале апреля правительственной программе "1000 дней". В этом материале Гурт написал о Туркменбаши как о человеке, "воспитанном на сталинском культе", а также заявил, что население богатого природными ресурсами Туркменистана пребывает в крайней нищете.

Один из местных журналистов сообщил авторам доклада, что М.Гурт был лишен аккредитации по указанию КНБ Туркменистана, однако через несколько дней - после личного вмешательства министра иностранных дел Б.Шихмурадова - инцидент с журналистом был урегулирован.

Сам М.Гурт в беседе с одним из авторов доклада отказался комментировать этот случай, заявив, что в настоящее время его отношения с властями являются "нормальными", и он не хочет "возникновения проблем".

Евшан Аннакурбанов

Е.Аннакурбанов - известный туркменский писатель. Участвовал в подготовке антиправительственной демонстрации в Ашхабаде 12 июля 1995 г.; был арестован 25 июля 1995 г., осужден 4 января 1996 г. по ст.17-236 ч.2 (соучастие в хулиганстве) на 3 года лишения свободы в ИТК усиленного режима, освобожден по амнистии 11 января 1996 г. После освобождения сотрудничал с зарубежными правозащитными организациями, в частности, передавал сведения о судьбе других участников демонстрации. Автор ряда литературных и публицистических материалов, переданных в эфир туркменской службой Радио "Свобода" в 1996-1997 годах.

26 июня 1997 г. на квартиру к Аннакурбанову пришли два сотрудника КНБ Туркменистана, представившиеся как Ораз и Мухаммет. Они заявили, что причиной их визита являются выступления Аннакурбанова в мае 1997 г. по Радио "Свобода" (на туркменском языке), которые вызвали "недовольство руководства", и потребовали от писателя прекратить сотрудничество с РС. Аннакурбанов пытался объяснить, что он не критикует правительство, а говорит о туркменской литературе, проблемах наркомании, читает стихи. Однако сотрудники КНБ, воздав должное его литературному таланту, посоветовали "поберечь себя". "Нам будет очень жаль, если с Вами что-нибудь случится!"

Завершая разговор, Аннакурбанов сказал, что "ни одна его строка" не была напечатана с октября 1993 г., что ему надо кормить семью, поэтому "я должен и буду работать на Радио "Свобода". На это сотрудники КНБ ответили:

"Да, мы понимаем, но руководители посоветовали вам поискать другие способы существования, а не то..."

В сентябре 1997 г. визит сотрудников КНБ повторился, писателю вновь угрожали "серьезными мерами", если он не прекратит сотрудничества с туркменской службой РС.

30 октября 1997 г. Аннакурбанов должен был вылететь в Москву, а оттуда - в Прагу для участия в журналистском семинаре. В аэропорту Ашхабада при посадке на московский рейс он был арестован. По словам Аннакурбанова, он прошел таможенный досмотр и уже ожидал посадки в салон самолета, когда его вернули для проведения повторного досмотра. Сотрудники спецслужб раскрыли сумку и тут же сверху нашли компьютерную дискету (Аннакурбанов ее прежде не видел).

В течение трех-четырёх часов Аннакурбанов находился в "комнате КНБ" в аэропорту, ожидая приезда специалиста, который должен был проверить содержание дискеты. За это время самолет уже улетел. На дискете "компьютерщик" обнаружил несколько записанных файлов - один со штатной численностью туркменских воинских частей, второй - с составленным в Москве обращением объединенной туркменской оппозиции, в котором, по утверждению сотрудников КНБ, содержались "призывы к насильственному изменению государственного строя". Как только старший в группе, задержавшей Аннакурбанова, выяснил содержание дискеты, он сразу позвонил начальнику 3-го отдела (контрразведка) КНБ Аннамураду Караджаеву, доложил, что "Ваше задание выполнено" и спросил, что делать дальше.

Из аэропорта Аннакурбанова, отказавшегося подписать протокол, перевезли в СИЗО КНБ, где поместили в одиночную камеру №27 (в которой он и пробыл до конца следствия). Он был обвинен в попытке передачи за рубеж секретных сведений о военном потенциале страны. В тот же день в квартире арестованного был устроен обыск, сотрудники КНБ изъяли компьютер, телефон и факс. Благодаря компьютерным файлам им удалось установить, что Аннакурбанов является автором ряда критических материалов, переданных под псевдонимами туркменской службой РС, что было с удовлетворением отмечено официальными лицами в ходе допросов.

Дело Аннакурбанова вел следственный отдел КНБ Туркменистана. Помимо следователя Доврана Кичикова на допросах в роли "злого следователя" иногда присутствовал начальник 1-го отдела (борьба с незаконным оборотом наркотиков) КНБ Алякулиев или Алакулов, который выкрикивал нецензурные ругательства, кричал на подследственного: "Президент тебе работу дает, а ты не работаешь. Выступаешь по иностранному радио, позоришь страну".

Официально обвинение Аннакурбанову было предъявлено на третий день его нахождения под стражей. В первые дни Аннакурбанов отказался признать себя виновным, требовал адвоката, иронизировал над следователями. Тогда руководство КНБ приняло решение сломить его сопротивление путем физического насилия.

В час ночи 2 или 3 ноября к нему в камеру вошли трое неизвестных (в камуфляже, европейской наружности, крепкого телосложения, 25-30 лет). Они оскорбляли писателя, потом один уложил Аннакурбанова на койку, уселся на ноги, а другой стал сильно бить его резиновой дубинкой по ступням ног. Так продолжалось до 4 часов утра: издевательства сменялись избиением, потом все повторялось. Уходя, неизвестные заявили, что если Аннакурбанов, который, по

их словам, "продает Родину" и "помогает иностранным агентам", не начнет давать признательные показания, следующей ночью они продолжат избиения.

Утром Аннакурбанова на допрос не вызывали - надеялись, что попросится сам. Следующая ночь прошла спокойно, а на третью неизвестные пришли снова, издевательства и избиения повторились. На этот раз, кроме ударов по ступням ног, писателя пинали ногами в поясницу, стремились попасть по почкам. В результате избиений ноги арестованного распухли, и после выхода на свободу Аннакурбанов в течение двух недель передвигался с большим трудом.

Затем была еще одна ночь с избиениями, после которой на допросе начальник 3-го отдела (контрразведка) КНБ полковник Аннамурад Караджаев стал шантажировать Аннакурбанова тем, что с его детьми могут произойти несчастные случаи: "Попадут под машину, или что иное".

Имеется информация, что начальник 1-го отдела КНБ во время допросов лично избивал подследственного руками и ногами, нанося удары в пах и по голове.

Примерно через неделю после ареста Аннакурбанова вызвали на ночной допрос к начальнику следственного отдела КНБ Б.Отузову, который теперь лично вел дело арестованного. К этому времени сотрудники КНБ почти в открытую говорили, что арест писателя создал "сложную ситуацию", из-за протестов международной общественности дело надо быстрее завершить, для чего необходимо признание вины Аннакурбановым (в этом случае можно было отрицать то, что дело сфабриковано КНБ). Во время допроса Отузову периодически звонил председатель КНБ и спрашивал, получены ли необходимые признания. Когда Аннакурбанов сообщил Отузову об избиениях, тот отмолчался. Допрос продолжался до 5 часов утра.

На двенадцатый день заключения с Аннакурбановым встретились председатель КНБ М.Назаров, министр внутренних дел К.Касымов и генеральный прокурор К.Атаджанова. Они дали гарантии, что в случае признания вины и отказа от последующего сотрудничества с Радио "Свобода" писатель не будет привлечен к уголовной ответственности и выйдет на свободу. В противном случае ему грозит 15-летнее заключение с конфискацией имущества. При этом высокопоставленные чиновники ссылались на президента страны, который "простил тебя уже во второй раз, но третьего раза не будет"⁶⁷. Аннакурбанову пообещали предоставить работу по специальности, но в жесткой форме потребовали не рассказывать журналистам об обстоятельствах ареста и ходе следствия и не встречаться с оппозиционно настроенными лицами.

В итоге Аннакурбанов, находившийся в предынфарктном состоянии, под диктовку следователя подписал абсурдное признание в том, что нашел секретные военные материалы в своем почтовом ящике, сам набрал их на компьютере и вез с собой "из интереса", чтобы показать знакомым. Кроме того, он написал текст, в котором каялся в совершенных "преступлениях" и просил о помиловании. Отузов заставил Аннакурбанова прочесть соответствующие показания перед видеокамерой. 13 ноября 1997 г. около 7 часов вечера писатель был освобожден.

Как позднее выяснилось, дело в отношении писателя не было закрыто,

⁶⁷ В первый раз Аннакурбанов был амнистирован в 1996 г. - сразу после осуждения за участие в подготовке антиправительственной демонстрации.

расследование продолжалось до марта 1998 г.

6 февраля 1998 г. с Аннакурбановым "беседовали" председатель КНБ Назаров и начальник 3-го отдела КНБ Караджаев. Руководство КНБ потребовало, чтобы писатель встретился с сотрудницей американского посольства Татьяной Гфеллер в помещении Национального института демократии и прав человека при Президенте Туркменистана и в присутствии директора этого учреждения подтвердил "правдивость показаний", данных им на следствии. Аннакурбанов сообщил об этом требовании в американское посольство, после чего американцы отказались от проведения встречи. 9 февраля Караджаев вновь вызвал писателя в КНБ и угрожал, что "будет плохо", если несанкционированные контакты с американцами продолжатся. 23 февраля следователем КНБ был изъят заграничный паспорт Аннакурбанова.

В начале марта уголовное дело было закрыто, но Караджаев заявил Аннакурбанову, что уголовное дело в отношении него, возможно, вновь будет возбуждено. По имеющейся информации, в середине апреля 1998 г. Аннакурбанов вынужден был бежать из страны.

Виталий Пономарев

15-17 апреля 1998 г. В.Пономарев, российский журналист и правозащитник, специализирующийся на центральноазиатской тематике, вместе с бывшим министром иностранных дел Туркменистана А.Кулиевым и его супругой пытался вылететь в Ашхабад (подробнее см. раздел "Преследования по политическим мотивам"). Пономарев согласился сопровождать Кулиева в целях обеспечения большей безопасности последнего, поскольку имелась опасность неправомерных действий туркменских спецслужб в отношении этого видного диссидента, являющегося гражданином России.

В течение двух дней туркменские власти под различными предлогами препятствовали вылету В.Пономарева и Кулиевых в Туркменистан (авиарейс Москва-Ашхабад выполнялся самолетами только туркменской государственной авиакомпании).

Вечером 17 апреля 1998 г. по прибытии в ашхабадский международный аэропорт при прохождении паспортного контроля Пономарев был задержан. Женщина-пограничник, свернув фамилию журналиста в паспорте с записью в какой-то тетради, сообщила, что к нему "есть вопросы". Пономарева отвели в отдельную комнату, где неизвестный человек в штатском (по виду - старший офицер КНБ) заявил, что причиной задержания является отсутствие у журналиста... российской (?) таможенной декларации, и потребовал открыть сумку для досмотра. Поскольку "человек в штатском" категорически отказался представиться или назвать свою ведомственную принадлежность, Пономарев потребовал вызова официальных представителей властей. Вызванные по указанию неизвестного начальник штаба ОКП Ашхабад капитан Довлет Мередов и инспектор таможни Худайберен Джумаев, произвели досмотр личных вещей журналиста.

Примерно через 20 минут в комнату вошел еще один человек в штатском, который также категорически отказался представиться. Он сказал Пономареву буквально следующее: "Нам (!) не нравится содержание ваших статей о Туркменистане в "Независимой газете" и других российских изданиях, вы не аккредитованы в Туркменистане, поэтому принято решение о вашей депортации". Пономарев сказал, что приехал в страну как частное лицо, на что

неизвестный ответил: "Журналист не может приехать как частное лицо, он всегда на работе". Тогда Пономарев заявил, что решение о депортации, даже если оно принято, должно доводиться до сведения не анонимными лицами, а официальным представителем государственных органов, в связи с чем, в соответствии с туркменским законодательством, потребовал пригласить в аэропорт представителя МИД Туркменистана. Пономарев также потребовал встречи с представителем российской консульской службы. После консультаций с руководством журналисту было сообщено, что "в обоих просьбах Вам отказано".

Пономарев находился под стражей около 10 часов - до 7 часов утра 18 апреля. Утром он вновь потребовал вызвать представителя российского посольства и МИД Туркменистана, однако эти просьбы были немотивировано отклонены. Поскольку, выйдя на летное поле, журналист отказался следовать в самолет, он был доставлен в салон "Боинга" туркменской авиакомпании с применением физического насилия.

По прибытии в аэропорт "Домодедово" Пономарев заявил об отказе покинуть пассажирский салон самолета - до тех пор, пока его незаконная депортация в Москву не будет задокументирована. Представитель туркменской авиакомпании устно сообщил, что журналиста депортировали сотрудники КНБ Туркменистана, но выдать какой-либо документ, подтверждающий это, отказался. Чтобы удалить Пономарева с борта самолета, туркменскими представителями был вызван наряд милиции. В связи с подобной позицией туркменских официальных лиц соответствующая справка была выдана офицером Федеральной пограничной службы России.

Нарушения прав верующих

Начиная с 1993 г. туркменские власти постепенно усиливали контроль за деятельностью религиозных организаций, вводя многочисленные ограничения и запреты, нередко противоречащие как международным обязательствам Туркменистана в области прав человека, так и национальному законодательству.

Например, в апреле 1993 г. в ст.7 Закона "О свободе совести и религиозных организациях в Туркменистане" была внесена поправка, устанавливающая, что религиозные организации выбирают, назначают и заменяют свой персонал только с согласия государственного органа по делам религий. Эта поправка является ярким свидетельством вмешательства государственных органов в религиозную жизнь и, по мнению авторов доклада, противоречит ст.11 Конституции Туркменистана, декларирующей, что "религиозные организации отделены от государства".

В апреле 1994 г. в целях контроля за религиозной деятельностью был образован Генгеши (Совет) по делам религий при Президенте Туркменистана. Руководителями Генгеши (председатель и его заместители) стали муфтий (глава мусульман) Туркменистана, заместитель муфтия, благочинный (главный православный священник) Туркменистана и один гражданский чиновник. В областях (велятах) при местных администрациях были образованы велятские Генгеши по делам религий, возглавляемые главными имамами областей. Все указанные выше религиозные руководители получают зарплату в качестве служащих государственных органов, имеют выделенные государством рабочие кабинеты, а некоторые - также служебную машину с шофером. Аппарат муфтиата фактически совпадал с аппаратом Генгеши по делам религий. В конце 1996 г. рассматривался вопрос о переводе в разряд госслужащих главных имамов районов (этрапов).

Подобное огосударствление структур исламской и православной церкви создало очевидные предпосылки для нарушения декларируемого в Конституции Туркменистана (ст.11) принципа "свободы различных религий и вероисповеданий и их равенства перед законом" и противоречило другой конституционной норме, согласно которой "религиозные организации отделены от государства и не могут выполнять государственных функций". По мнению авторов доклада, ситуация, когда высшие духовные лица двух конфессий получили почти монопольное право на формирование государственной политики в отношении других конфессий, является беспрецедентной для светского государства.

На протяжении последних лет также отмечались отдельные случаи некомпетентного вмешательства в религиозную жизнь лиц из высшего руководства Туркменистана. Так, по настоянию президента Сапармурата Ниязова 19 апреля 1994 г. совещание 300 мусульманских религиозных деятелей Туркменистана вынуждено было принять специальное постановление, в котором, в частности, содержалось требование к имамам после каждой послеобеденной молитвы повторять следующие "священные слова": "О, всемогущий Аллах, храни независимый Туркменистан, ниспошли удачу любимой Родине и высококочтимому Президенту Сапармурату Туркменбаши во всех (!) начинаниях. Пошли мне и моей Родине... терпение и светлую веру в

счастливого будущее моего народа" и т.д. По мнению лиц из числа мусульманского духовенства, с которыми консультировались авторы, требование дополнить намаз некоей обязательной молитвой, тем более с просьбой о поддержке любых (!) начинаний главы государства, является очевидным и грубым нарушением религиозных канонов ислама. Принятие подобной резолюции собранием религиозных деятелей демонстрирует отсутствие в Туркменистане религиозной свободы и высокую степень зависимости духовенства от государства.

Проблемы регистрации

Другим ярким примером некомпетентного вмешательства государства в религиозную жизнь является закрепленное в законе увеличение с 20 до 500 чел. минимального числа учредителей религиозной общины. На этом вопросе следует остановиться более подробно, поскольку указанная поправка послужила основанием для развертывания в 1997 г. масштабной репрессивной кампании в отношении верующих.

Ко времени получения Туркменистаном независимости в этой республике были зарегистрированы религиозные общины пяти конфессий (мусульмане, православные, евангельские христиане-баптисты, адвентисты седьмого дня и бахаи). В соответствии с законодательством бывшего СССР конца 80-х годов для регистрации религиозной общины было достаточно 10 учредителей.

В 1992 г. в Туркменистане был принят Закон "О свободе совести и религиозных организациях в Туркменистане". Ст.13 Закона устанавливала, что "заявление /о регистрации/ учредителей мусульманских религиозных организаций правомочно, если оно подано не менее чем 300 гражданами", а "регистрация религиозных организаций других конфессий производится при наличии заявления не менее чем 20 верующих". Перерегистрация религиозных общин в соответствии с требованиями нового Закона была произведена после принятия Постановления Президента Туркменистана № 1652 от 21 января 1994 г. "Вопросы регистрации религиозных организаций". Хотя адвентистам седьмого дня в нарушении закона в регистрации было отказано (см. ниже), общее число зарегистрированных конфессий увеличилось (добавились лютеране (г.Серахс) и Новоапостольская Церковь)⁶⁸. В то же время, по данным авторов доклада, отсутствие регистрации до 1997 г. не сопровождалось требованием властей о прекращении деятельности общин и в большинстве случаев не вызывало репрессий со стороны правоохранительных органов.

13 октября 1995 г. в Закон была внесена поправка, декларирующая, что, независимо от конфессиональной принадлежности, "заявление /о регистрации/ учредителей религиозных организаций правомочно, если оно подано не менее чем 500 гражданами". Требования закона были расширены и конкретизированы в Постановлении Президента Туркменистана № 2906 от 6.12.1996 "О государственной регистрации религиозных организаций", согласно которому все религиозные организации до 1 марта 1997 г. были обязаны пройти

⁶⁸ В беседе с одним из авторов доклада заместитель председателя Генгешы по делам религий при Президенте Туркменистана Мурад Каррыев утверждал, что до 1997 г. регистрацию имела также кришнаитская община в г.Мары. Однако сами кришнаиты заявляют, что их община в Мары никогда не была зарегистрирована.

перерегистрацию в Министерстве юстиции Туркменистана. Постановление № 2906 распространило фантастическое требование о наличии "не менее чем 500 учредителей" не только на местные общины всех конфессий, но и на духовные учебные заведения, монастыри, религиозные миссии и т.д. По мнению авторов доклада, для страны с относительно низким уровнем религиозности (как в Туркменистане) указанная поправка к Закону содержала чрезмерные требования и делала регистрацию большинства местных религиозных общин практически неосуществимой.

В 1997-1998 гг. авторы доклада в беседах с сотрудниками правительственных учреждений пытались получить ответы на вопросы, чем мотивировалась столь высокая цифра минимального числа учредителей религиозной общины и кем были инициированы соответствующие поправки к закону. Ответы на оба вопроса получить не удалось. Сотрудники Генгеши по делам религий говорили о поправке к Закону как о некоей данности, ниспосланной свыше. При этом, хотя сотрудники Генгеши и избегали критиковать новые законодательные требования, последние явно не вызывали у них особой поддержки.

В целом, по мнению авторов доклада, принятие указанной выше поправки к Закону "О свободе совести и религиозных организациях в Туркменистане" и Постановления № 2906 следует рассматривать как попытку некомпетентного вмешательства в религиозную жизнь со стороны высшего руководства страны, приведшую к тому, что большая часть религиозных конфессий и общин была поставлена "вне закона", а верующие стали подвергаться гонениям со стороны правоохранительных органов.

После принятия Постановления Президента Туркменистана № 2906 с марта 1996 г., государственную регистрацию сохранили лишь две конфессии: мусульмане и православные.

При этом число зарегистрированных мусульманских общин сократилось более чем в два раза: с 250 до 120⁶⁹. Процесс снятия с регистрации мечетей осуществлялся без информации об этом в СМИ и в обстановке секретности, едва ли уместной в данной сфере. Показательно, что руководитель Генгеши по делам религий Балканского вейалята осенью 1997 г. категорически отказался назвать авторам доклада общее число зарегистрированных в вейаляте мечетей, заявив, что для этого авторам необходимо получить разрешение хякима (главы администрации) вейалята или руководства Генгеши по делам религий при Президенте Туркменистана. Годом раньше данные о количестве зарегистрированных мечетей публиковались на страницах местных СМИ, а мусульманские религиозные деятели с удовлетворением отмечали рост в стране числа зарегистрированных общин.

Следует отметить, что снятие с регистрации мечетей во многих случаях осуществлялось формально и далеко не всегда вело к прекращению их деятельности. Не была лишена регистрации (главным образом, по политическим мотивам) и ни одна из десяти православных общин, некоторые из которых имели лишь незначительное число прихожан.

Гораздо более жесткую позицию государственные органы заняли в отношении протестантских и нетрадиционных конфессий. Фактически против

⁶⁹ Интервью Н.Митрохина с заместителем председателя Генгеши по делам религий при Президенте Туркменистана Мурадом Каррыевым 28 сентября 1997 г.

них - после истечения 1 марта 1997 г. установленного постановлением президента срока перерегистрации - государственные органы Туркменистана, включая Комитет национальной безопасности и Министерство внутренних дел, развернули масштабную кампанию гонений.

От представителей этих конфессий требовали собрать подписи 500 верующих в каждом городе или этрапе, где имелась соответствующая община, - при том, что большинство конфессий могло собрать 500 подписей лишь в масштабах всей страны. Кроме того, новая форма подачи заявки о регистрации включала требование указать не только домашний адрес каждого из 500 учредителей, но и место работы, что, по мнению местных наблюдателей, открывало широкие возможности для давления со стороны властей.

Формально туркменское законодательство предусматривает возможность регистрации религиозных центров, распространяющих свою деятельность на всю территорию Туркменистана, для чего требуются те же 500 учредителей. Однако в нарушение закона власти отказывали в регистрации религиозных организаций общегосударственного и областного уровня, требуя провести регистрацию каждой местной общины⁷⁰.

Представители большинства конфессий не могли поручить на руки текст Постановления Президента Туркменистана № 2906, что создавало ряд проблем, в том числе в адекватном понимании ряда положений правил регистрации религиозных организаций. Например, пресвитер пятидесятников Виктор Мокроусов, обратившийся за разъяснением в Генгеши по делам религий, не смог получить ответ на вопрос, должен ли учредитель общины разделять вероучение соответствующей церкви, или достаточно того, что учредитель считает целесообразным государственную регистрацию этой церкви. В то же время граждане туркменской национальности, фигурировавшие в списках учредителей общин протестантских или нетрадиционных конфессий, нередко подвергались давлению со стороны государственных органов, требовавших от них подтвердить свое мусульманское вероисповедание, что в свою очередь служило основанием для отказов в регистрации.

Хотя туркменское законодательство четко регламентировало возможные основания для отказа в регистрации и предельные сроки рассмотрения документов, поданных на регистрацию религиозными общинами, фактически ни то, ни другое не соблюдается на практике.

Заместитель председателя Генгеши по делам религий при Президенте Туркменистана Мурад Каррыев так объяснил одному из авторов доклада Н.Митрохину причины дискриминационной политики государственных органов в отношении регистрации общин других конфессий, кроме православных и мусульман: "Мы знаем только христиан (православных) и мусульман. Они здесь давно, и с ними нам удобно работать. А остальные появились недавно. Зачем их регистрировать? Они, может быть, завтра исчезнут". Заявление Каррыева, называющего себя "человеком президента" в руководстве Генгеши по делам религий, ясно показывает, что отказы в

⁷⁰ Например, в 1997 г. на запрос руководства ашхабадской общины Союза Церквей Евангельских христиан-баптистов Средней Азии могут ли баптисты зарегистрироваться как организация национального уровня, в хякимлике г.Ашхабада был дан ответ, что они могут быть зарегистрированы только как местная община. Аналогичные ответы получили представители Церкви Адвентистов Седьмого Дня (г.Ашхабад) и Общества "Сознание Кришны" (г.Мары).

регистрации большинства конфессий имеют неправовой характер и связаны с определенным политическим решением.

Незаконные отказы в регистрации и преследование незарегистрированных конфессий

Вопрос о регистрации приобрел особую остроту после того, как с марта 1997 г. государственные органы Туркменистана стали трактовать законодательство таким образом, что отсутствие регистрации отдельных религиозных общин и конфессий стало отождествляться с запретом их деятельности на территории Туркменистана. Сотрудники Комитета национальной безопасности и милиции в ряде случаев прямо требовали прекращения деятельности незарегистрированных общин, препятствовали проведению собраний, изымали религиозную литературу, угрожая увольнением с государственной службы (отчислением из вуза), пытались получить письменные обязательства верующих о прекращении членства в религиозной организации и т.д.

Такая практика, по мнению авторов доклада, прямо противоречит ст.11 Конституции Туркменистана, декларирующей, что "каждый вправе самостоятельно определять свое отношение к религии, единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов".

Ниже приводится краткое описание проблем, с которыми сталкиваются представители отдельных конфессий, действующих на территории Туркменистана. Следует отметить, что в силу закрытости этой страны информация о нарушениях прав верующих является неполной, случаев, подобных описанным ниже, в действительности гораздо больше.

Общины Союза Церквей Евангельских христиан-баптистов Средней Азии (далее СЦ ЕХБ СА).

СЦ ЕХБ СА объединяет баптистские общины Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана, ранее входившие в официально действовавший в советское время Всесоюзный Совет евангельских христиан-баптистов. На территории Туркменистана насчитывается около 200 членов. Три общины СЦ ЕХБ СА (в Ашхабаде, Небитдаге и Туркменбаши) до марта 1997 г. имели государственную регистрацию и располагали молитвенными зданиями.

В марте 1997 г. сотрудники КНБ посетили ранее зарегистрированный дом молитвы СЦ ЕХБ СА в Ашхабаде и предупредили, что в связи с прекращением регистрации дальнейшая деятельность общины является незаконной. В конце мая - начале июня 1997 г. сотрудники КНБ пришли на молитвенное собрание баптистов и вновь объявили, что религиозная деятельность баптистов является "незаконной". С каждым членом общины была проведена "профилактическая беседа". При этом студентам-туркменам задавали вопрос: "Почему ты, туркмен, веришь в русскую религию?!" Фамилии верующих сотрудники КНБ передали руководителям предприятий и вузов, с баптистами проводились "беседы" по месту работы и учебы. После этого многие студенты, ходившие к баптистам, перестали посещать молитвенные

собрания⁷¹. К психологической "обработке" верующих подключился и один из заместителей председателя Генгеша по делам религий при Президенте Туркменистана, два-три раза беседовавший с активистами общины. Сотрудникам КНБ удалось настолько запугать руководителя общины пресвитера Олега Белякова, что в мае 1997 г. он отказался от проповеднической деятельности, стал избегать контактов с единоверцами и сдал властям печать общины.

Давление властей и быстрое уменьшение числа верующих вследствие их массовой эмиграции привели к отъезду в Молдавию (на родину) в ноябре 1997 г. второго пресвитера СЦ ЕХБ СА Владимира Ивановича Сокура (г.Небитдаг). Таким образом все туркменистанские общины СЦ ЕХБ СА остались без постоянного духовного руководителя.

Общины Совета церквей евангельских христиан-баптистов (далее - СЦ ЕХБ)

СЦ ЕХБ, созданный в 1965 г. как альтернатива лояльному советским властям Всесоюзному Совету евангельских христиан-баптистов, объединяет общины т.н. "неофициальных" или "отделенных" баптистов. Общины, подчиняющиеся СЦ ЕХБ, принципиально отказываются от регистрации в государственных органах - до тех пор, "пока свобода совести не будет законодательно закреплена и не появятся очевидные признаки соблюдения на практике указанного положения". В Туркменистане проживают до 200 членов СЦ ЕХБ.

Согласно информации, имеющейся в распоряжении авторов доклада, на руководство наиболее крупных общин СЦ ЕХБ в Ашхабаде и Туркменбаши власти оказывают давление, требуя, чтобы религиозная деятельность осуществлялась лишь после прохождения государственной регистрации общин.

Так, в г.Туркменбаши сотрудники Комитета национальной безопасности начиная с июля 1997 г. неоднократно проводили "профилактические беседы" с пресвитером Петром Михайловичем Кашиным и другими активистами общины СЦ ЕХБ. В целях получения оперативной информации другие офицеры КНБ, в том числе начальник городского отдела, выдавая себя за интересующихся вероучением евангельских христиан-баптистов жителей города, посещали собрания общины.

Сотрудники КНБ требовали, чтобы молитвенные и иные собрания были прекращены до тех пор, пока община СЦ ЕХБ не пройдет официальную регистрацию. В случае отказа исполнить это требование, заместитель начальника городского отдела КНБ угрожал П.Кашину в личной беседе, что пресвитер вместе с семьей (жена и 9 детей) будет выселен из Туркменистана обратно в Россию, откуда он приехал в августе 1996 г. Позже в прокуратуре г.Туркменбаши, куда Кашин был вызван на очередное "собеседование", ему разъяснили, что угрозы офицера КНБ не соответствуют нормам туркменского права. За проведение "незаконных собраний" пресвитер может быть лишь оштрафован в административном порядке.

В 20-х числах июня 1997 г. в г.Туркменбаши сотрудники КНБ, придя в молитвенный дом общины СЦ ЕХБ (ул.Шагадам, д.51), изъяли около 1.700 экземпляров религиозной литературы на русском, туркменском и

⁷¹ Студенты-туркмены составляли заметную часть новообращенных баптистов в Ашхабаде, община которых быстро уменьшалась из-за растущей эмиграции европейского населения.

азербайджанском языках, включая "Евангелия" и детскую "Библию" на туркменском языке. В начале сентября 1997 г. около 100 книг было изъято милицией в г.Челекене (Балканский вেলাят). Конфискации подверглась т.н. "уличная библиотека" - выездная лавка для бесплатной раздачи баптистской литературы всем желающим. В г.Небитдаге уличным распространителям баптистской литературы милиция угрожала изъятием печатных изданий и запрещала бесплатно распространять книги в течение лета 1997 г.

Изъятие баптистской религиозной литературы вызвало поток писем из европейских государств (в т.ч. из Германии, Голландии и Великобритании) в защиту прав верующих в Туркменистане. Генгеша по делам религий при Президенте Туркменистана вынужден был направить специальную комиссию в г.Туркменбаши. Своеобразным итогом работы комиссии стал ответ П.Кашину (№ 55) от 29 сентября 1997 года за подписью заместителя председателя Генгеша М.Каррыева, в котором заявлялось, что литература у баптистов была изъята законно, "так как Кашин провез ее нелегально, минуя официальный государственный таможенный контроль" (это утверждение не соответствует действительности: литература была ввезена в Туркменистан наземным транспортом, который при пересечении государственной границы проходит пограничный и таможенный контроль). В ответе Каррыева также повторялось требование о необходимости сбора 500 подписей верующих под учредительными документами общины как условия ее дальнейшего существования.

Пятидесятники

В Туркменистане в пяти городах проживает около 100 пятидесятников. Единственный молитвенный дом был открыт в Ашхабаде в декабре 1996 г. Ни одна из общин пятидесятников никогда не имела в Туркменистане официальной регистрации.

В конце марта 1997 г. в молитвенный дом пятидесятников в г.Ашхабаде (ул.Кольцова, д.21а) пришли 8 сотрудников милиции во главе с полковником ГУВД г.Ашхабада и попытались запретить дальнейшее проведение молитвенного собрания, поскольку община не зарегистрирована. Пресвитер Виктор Мокроусов в ответ сослался на ст.3 Закона "О свободе совести и религиозных организациях в Туркменистане", почти дословно повторяющую формулировку ст.11 Конституции Туркменистана о правах верующих (см. выше). Примерно три недели спустя сотрудники милиции, вновь придя на собрание пятидесятников, составили протокол об административном правонарушении со стороны руководителя общины. В.Мокроусов отказался писать объяснительную, заявив, что обжалует действия милиции в прокуратуре. Согласно постановлению № 1142 административной комиссии хякимлика Копетдагского этрапа г.Ашхабада от 17.04.1997 он был оштрафован на 16 тыс. манатов по ст.205 ч.1 Административного кодекса Туркменистана. В протоколе отмечалось, что "документов, подтверждающих факт обращения в Минюст за регистрацией объединения, нет". В этрапском суде, в котором Мокроусов пытался оспорить решение административной комиссии, отказались принять его заявление. Не приняли заявление пресвитера и в Министерстве юстиции Туркменистана, где он 23 апреля 1997 г. попытался подать документы на регистрацию общины.

В июле 1997 года Мокроусов по просьбе сотрудников милиции вынужден был снять с молитвенного дома табличку с надписью "Дом молитвы всех народов".

Поместная Церковь Адвентистов Седьмого Дня (далее - АСД)

В Туркменистане проживают около 500 членов Церкви АДС. Наиболее крупная община действует в Ашхабаде, где почти завершено строительство церковного здания. Ашхабадская община Церкви АДС была зарегистрирована в апреле 1990 г. и сохраняла регистрацию до 1994 г.

После принятия Постановления Президента Туркменистана № 1652 от 21 января 1994 г. "Вопросы регистрации религиозных организаций" ашхабадская община Церкви АДС подала документы на перерегистрацию, но ей было отказано в регистрации без объяснения причин (что противоречит закону). При этом каких-либо претензий к верующим власти не высказывали.

Авторы доклада располагают ксерокопией письменного ответа Министерства юстиции Туркменистана № 4/608 от 10 августа 1994 г.:

"Министерство юстиции Туркменистана, рассмотрев представленные Устав и другие документы Поместной церкви Адвентистов седьмого дня, сообщает:

В данное время регистрацию Поместной церкви Адвентистов седьмого дня считаем преждевременной.

О возможности регистрации дополнительно будет сообщено.

На основании вышеизложенного возвращаем Вам документы Поместной церкви Адвентистов седьмого дня

Приложение: 44 листов.

Министр Т.Халлыев".

В 1996 г. Министерство юстиции Туркменистана вновь под надуманным предлогом ("в связи с подготовкой в настоящее время нового проекта Закона Туркменистана "О религии") отклонило заявление общины Церкви АДС о регистрации (письмо № 4/137 от 14 марта 1996 г.). Новый Закон "О религии", на подготовку проекта которого ссылался министр Т.Халлыев, так и не был принят и, по информации местных юристов, в ближайшие годы его принятие не ожидается.

После принятия в декабре 1996 г. новых "Правил государственной регистрации религиозных организаций" пастор туркменских адвентистов Павел Николаевич Федотов вновь подал в Министерство юстиции предусмотренные правилами документы и списки 530 "учредителей" Поместной Церкви АДС. В ответе Министерства юстиции Туркменистана (№ 4/611 от 27 июня 1997 г.) на этот раз были перечислены четыре причины отказа в регистрации, в том числе: 1) в состав учредителей входят лица, не проживающие в г.Ашхабаде; 2) одним из учредителей общины Церкви АДС является лицо, исповедующее ислам. Две других претензии касались отдельных погрешностей устава общины.

Письмо Министерства юстиции Туркменистана было получено пастором Церкви АДС П.Федотовым лишь 18 августа 1997 г. За два дня до этого Федотов был задержан сотрудниками милиции во время проведения молитвенного собрания. При этом был составлен протокол о совершении руководителем общины административного правонарушения. 20 августа "дело" пастора было

рассмотрено административной комиссией Копетдагского хякимлика г.Ашхабада. Поскольку Федотову удалось доказать, что документы о регистрации общины находятся в Министерстве юстиции, дело было производством прекращено, однако "правонарушителя" обязали каждые 10 дней информировать административную комиссию о ходе регистрации общины.

26 августа 1997 г. П.Федотов вновь направил документы Церкви АСД г.Ашхабада на регистрацию в соответствующий отдел Министерства юстиции Туркменистана. В сопроводительном письме пастор, указав на внесение требуемых изменений в устав общины, в то же время выразил несогласие с двумя другими, не соответствующими законодательству, требованиями, выдвинутыми министерством.

Действительно, ни в законодательстве, ни в подзаконных актах, действующих в Туркменистане, не выдвигается требование обязательного проживания учредителей религиозной общины на территории конкретного населенного пункта. Также не противоречит Закону вхождение в число учредителей общины граждан, придерживающихся иных религиозных воззрений.

Официальный ответ, датированный 30 сентября 1997 г. (письмо № 4/952), указывает, что при внесении изменений в устав общины не было необходимого кворума. Кроме того, "руководству АСД" предписано в дальнейшем проведение учредительных общих собраний и выборы руководства *"согласовывать с руководством Генгеши по делам религий при Президенте Туркменистана, где необходимо участие ихнего представителя"*. В начале октября 1997 г. начальник отдела регистрации общественных объединений Министерства юстиции Туркменистана Джумагельды Курбанович Курбанов заявил пастору П.Федотову, что ранее чем через полгода ему не следует пытаться вновь подавать на регистрацию документы общины Церкви АСД.

По мнению авторов доклада, отказы в регистрации и дополнительные требования, предъявляемые общине Церкви АСД официальными органами Туркменистана, не основаны на каких-либо действующих законодательных или подзаконных актах и представляют собой очевидные акты произвола.

"Свидетели Иеговы"

Религиозное объединение "Свидетели Иеговы", в 1990 г. насчитывающее в Туркменистане лишь 6 членов, в последующие годы быстро распространяло свое влияние в различных регионах страны. Наибольший рост численности пришелся на 1996-1997 гг. Крупные общины "Свидетелей Иеговы" действуют в Ашхабаде, Ташаузе и Чарджоу. Небольшие группы и кружки существуют и в других населенных пунктах. По оценкам на осень 1997 г., в Туркменистане проживало около 300 "крещеных" членов "Свидетелей Иеговы" (т.н. "возвещателей"), а общее число посещающих религиозные собрания достигало 1000 чел.

Начиная с 1994 г. ашхабадская община "Свидетелей Иеговы" неоднократно подавала документы на регистрацию. Хотя к настоящему времени община насчитывает около 200 "возвещателей" и 400 кандидатов, регистрация "Свидетелей Иеговы" под разными предлогами затягивается. В декабре 1997 г. власти, например, вопреки требованиям законодательства, потребовали собрать и предъявить им 500 паспортов учредителей ашхабадской общины "Свидетелей

Иеговы". Хотя это требование было выполнено, община все равно не была зарегистрирована.

В 1995 г. на ежегодный религиозный праздник "Вечеря Господня" в одном из частных домов в Ашхабаде собралось более 700 чел. Вскоре к дому прибыли работники милиции и хякимлика (администрации). Как вспоминают "Свидетели Иеговы", майор милиции требовал от них разойтись и спрашивал: "Кто такой Иегова? Как его фамилия? Где проживает?" Праздник все-таки удалось довести до конца, но трое руководителей общины вынуждены были написать объяснительные в милиции. На следующий день в хякимлике от них потребовали зарегистрировать общину. Представители властей также хотели получить расписку, что в дальнейшем "Свидетели Иеговы" не будут проводить подобных собраний, но руководители общины отказались ее дать. Тем не менее из-за давления властей с 1996 г. "Свидетели Иеговы" в Ашхабаде не проводят больших собраний, а "Вечеря Господня" отмечается на квартирах "кружками" по 20-40 чел.

Масштабная кампания против "Свидетелей Иеговы" была развернута туркменскими властями в 1997 г.

В Ашхабаде у уличных проповедников из числа "Свидетелей Иеговы" неоднократно изымалась религиозная литература, а членов общины вызывали для "профилактических бесед" в Комитет национальной безопасности, где ими занимается специально выделенный офицер.

По данным ашхабадских "Свидетелей Иеговы", в Чарджоу у их единоверцев проводились обыски с целью изъятия религиозной литературы. В начале 1997 г. (по другим данным, в октябре 1996 г.) в поезде, проходившем через Чарджоу, были изъяты несколько тысяч экземпляров журнала "Сторожевая башня". Член общины "Свидетелей Иеговы", сопровождавший груз, был задержан сотрудниками КНБ Туркменистана. Он был отпущен после вынесения ему предупреждения о недопустимости впредь ввозить в страну религиозную литературу.

В августе 1997 г. в Чарджоу таможенные органы изъяли и позднее сожгли три контейнера иеговистской литературы (журнал "Сторожевая башня", "Евангелия" на туркменском языке и др.), оформленных как гуманитарная помощь. Перед уничтожением образцы литературы были переданы "на экспертизу" местному православному священнику отцу Георгию Побывловскому, который заявил, что это - сектантские издания, не имеющие отношения к Русской Православной Церкви. В целях сокрытия информации об этом случае власти отказались выдать "Свидетелям Иеговы" акт об изъятии литературы. Одновременно они отказались опубликовать в областной газете статью о.Георгия против "сектантов", чтобы "не возбуждать общественность".

23 марта 1997 г. в Ташаузе трое сотрудников Комитета национальной безопасности пришли в частный дом на ул.Махтумкули, где проходило общее собрание "Свидетелей Иеговы" по случаю праздника "Вечеря Господня", и потребовали прекратить "незаконное собрание". По просьбе руководителей религиозной общины собравшимся было разрешено завершить мероприятие, но после его окончания сотрудники КНБ блокировали выход и переписали всех присутствующих (более 240 человек) - их фамилии, домашние адреса и места работы. У входа в дом все это время находилась милицейская машина.

Рассказывает 42-летняя "старшая сестра" Лиля (интервью записано 23 сентября 1997 г. в г.Ташауз):

"Я записалась - такая-то, работаю в школе (я, правда, сейчас уволилась - собираюсь уехать в Россию), свидетельница Иеговы. А человек из КГБ говорит: "Вы тут все - Свидетели". Я отвечаю: "Нет. Многие пока проходят предварительную подготовку. Кто-то может просто интересоваться, а потом уйти. У нас никто никого не держит".

В последующие дни на работе и по домам с большинством "Свидетелей Иеговы" были проведены "профилактические беседы". Попавших в "черный список" заставляли писать объяснительные и заявления, что они отказываются от дальнейшего участия в работе общины. Начальник следственного отдела велятского Управления КНБ лично пришел в одну из школ г.Ташауза и потребовал, чтобы директор школы уволил учительницу, участвовавшую в собрании "Свидетелей Иеговы".

В мае 1997 г. во всех школах г.Ташауза прошли собрания учителей, на которых представители отделов народного образования предупредили преподавателей, что они должны выбирать - либо они учат детей, либо "ходят в секты". Официальные лица, участвовавшие в собраниях, обвинили "Свидетелей Иеговы" в том, что они проповедуют отказ от службы в армии.

Число посещающих мероприятия "Свидетелей Иеговы" после этого заметно сократилось.

13 августа 1997 г. в Ташаузе "Свидетели Иеговы", участвовавшие в религиозном собрании на частной квартире, были задержаны сотрудниками Комитета национальной безопасности Туркменистана. Вот как описывает этот инцидент один из участников собрания:

"Нас было всего тринадцать человек. В это время был конгресс в Джамбуле, и большинство наших братьев уехали туда. Собрание проходило на квартире в девятом квартале. Мы изучали журнал "Сторожевая башня"...

Сначала зашел милиционер, сел. Мы не обращаем внимания и проводим собрание дальше. Во время чтения 16-го абзаца входит КГБэшник. Его зовут Амангельды. Фамилию не знаю, они не представляются. Он говорит: "Хватит. Собирайтесь. Поедем". Хозяин квартиры ему говорит, что он не имеет права так поступать. Амангельды в ответ: "Не хочу с вами разговаривать. Собирайтесь, поедем". Я ему тоже говорю, что по Конституции Туркменистана жилище неприкосновенно. Тогда он еще сильнее разозлился. Пришлось подчиниться.

Время было около 8 часов вечера. Нас посадили в автобус и отвезли в здание областного КНБ. Завели на первый этаж. Там нас по очереди стали вызывать и требовали написать объяснительную и обязательство, что человек не будет посещать собрания общества "Свидетели Иеговы".

- А как сотрудники КНБ это мотивировали?

- Никак.

- Говорят, что часть людей после этих объяснительных перестала ходить на собрания?

- Были и такие. Из тех 13, что задержали в августе, по крайней мере трое такое заявление подписали. В КНБ им грозили, что выгонят с работы..."

Интересно, что вскоре после публикации в июне 1997 г. в № 3 малотиражного бюллетеня "Витамин Ы", издающегося экологическим клубом в г.Ташаузе, статьи, направленной против "Свидетелей Иеговы", сотрудники Управления КНБ по Ташаузскому велаяту попросили автора написать схожий материал против сектантов "в центральную печать".

В Мары в декабре 1997 г. в городском хякимлике прошло специальное собрание, посвященное религиозной обстановке в городе. В собрании принимали участие представители Министерства внутренних дел и начальник отдела регистрации общественных организаций Министерства юстиции Туркменистана Джумагельды Курбанов. Все проживавшие в городе "Свидетели Иеговы" были приглашены на это мероприятие. Курбанов заявил, что "Свидетели Иеговы" занимаются антигосударственной деятельностью, выражающейся в отказе от службы в армии, и потребовал от Генгеши по делам религий Марыйского ваялата и городских властей активизировать борьбу с сектантами.

Примечательно, что почти одновременно с этой кампанией в сентябре 1997 г. руководители Генгеши по делам религий при Президенте Туркменистана обещали ашхабадским "Свидетелям Иеговы", что регистрация этой общины (самой многочисленной из всех незарегистрированных религиозных организаций в Туркменистане) будет через некоторое время осуществлена.

"Церковь Живого Бога"

Единственная в Туркменистане община "Церкви Живого Бога" была образована в г.Ташаузе в 1995 г. По данным на осень 1997 г., насчитывала около 150 активных членов. Общее число посещающих еженедельные собрания - до 500 чел.

В марте 1997 г. руководителей и некоторых активистов ташаузской общины "Церкви Живого Бога" вызывали в КНБ, где требовали написать объяснительные по поводу участия в деятельности незарегистрированного религиозного объединения. Сотрудники КНБ интересовались также, чем "Церковь Живого Бога" отличается от "Свидетелей Иеговы". Преследования верующих они объясняли тем, что хотят, "чтобы в стране были стабильность и благополучие".

Деятельность "Церкви Живого Бога" также подверглась официальному осуждению на собраниях учителей в мае 1997 г. в г.Ташаузе (см. выше).

Общины Международного общества "Сознание Кришны"

Кришнаитские общины возникли в Ашхабаде и Мары в 1990 г. В 1996 г. численность марыйской общины достигала, по некоторым оценкам, 300 чел. (включая "сочувствующих"), ашхабадской - от 70 до 100 чел.

Марыйская община начиная с 1993 г. неоднократно предпринимала попытки зарегистрироваться, однако отдел юстиции хякимлика ваялата отклонял заявления о регистрации, ссылаясь на подготовку проекта нового закона о религии. В то же время до 1996 г. местные власти не препятствовали работе центра кришнаитов, действовавшего в 1993-1996 годах на одной из квартир в первом микрорайоне г.Мары. Авторам доклада известно лишь о двух инцидентах, относящихся к 1994-1995 гг.

В декабре 1994 г. 15-летний туркмен (несовершеннолетний), ходивший на собрания кришнаитов, был избит своим отцом и бежал в Ашхабад. Дед мальчика, ветеран милиции, считавший, что его внука скрывают кришнаиты, организовал милицейский налет на центр общества "Сознание Кришны" с целью проверки. Хотя беглеца там не нашли, двое кришнаитов, находившихся в

центре, были задержаны и подвергнуты административному аресту сроком на 15 суток.

В марте-апреле 1995 г. один "преданный" (посвященный член церкви) также был подвергнут аресту на 15 суток по заявлению отца несовершеннолетней девушки, участвовавшей в кришнаитских мероприятиях. Он был обвинен в участии в деятельности "незарегистрированного объединения".

Гонения на кришнаитов начались летом 1996 года. В двух колхозах в Марьинском районе, где проживало большое число членов общины, прошли организованные властями собрания "яшули" (стариков), на которых присутствовали сотрудники КНБ и МВД. Яшули пригрозили кришнаитам, что если те не прекратят своей деятельности, то их всех "выселят в Индию". Одновременно в местных школах началась травля кришнаитских детей, которых избивали и терроризировали их сверстники, действовавшие по наущению более старших наставников из числа активных мусульман.

Тем временем в пригороде Мары на частном участке, принадлежащем одному из членов общины, кришнаиты пытались построить храм. Был сооружен фундамент, завезены кирпичи. В августе 1996 г. на стройку приехали несколько работников прокуратуры, КНБ и милиции и увезли в районный отдел КНБ всех, кто работал на стройке (6 человек). В КНБ их допросили и заставили написать объяснительные с обязательством не строить культовое сооружение. Кришнаитам было заявлено, что если они все-таки построят свой храм, то здание будет разрушено бульдозером. Двумя неделями позже милиция вновь посетила стройку, задержала и допросила всех, кто там работал. После этого строительство храма было прекращено.

В начале сентября 1996 г. кришнаиты арендовали банкетный зал в ресторане "Мерв" для проведения празднования 100-летия со дня рождения основателя Международного общества "Сознание Кришны" Шрилока Прабхупады. 6 сентября около 18 часов к зданию ресторана прибыли около 20 сотрудников милиции, представители областного Генгеша по делам религий, КНБ и городского хякимлика г.Мары. В ресторане в этот момент находилось около 50 кришнаитов, основная масса гостей еще не подошла. Милиционеры блокировали вход в здание, переписали паспортные данные и места работы всех, кто находился внутри, а затем заставили кришнаитов покинуть ресторан. Верующие вынуждены были перенести проведение празднования в свой центр, но и туда вскоре пришли работники хякимлика и потребовали от собравшихся разойтись.

Утром 7 сентября 1996 г. всех, кто был в ресторане, собрали в городском хякимлике. На собрании также присутствовали сотрудники милиции, суда и прокуратуры, имамы, православный священник и руководитель марьинской общины бахаи. Собрание свелось к коллективному осуждению кришнаитов. Выступающие говорили, что с ними "надо воевать" и что они "враги народа". Когда один из руководителей общества "Сознание Кришны" сослался на ст.11 Конституции, гарантирующую свободу вероисповеданий, ему в ответ указали, что деятельность кришнаитов подпадает под другую статью, и не Конституции, а Уголовного Кодекса - "создание незаконных вооруженных формирований" (!!).

Сразу после собрания в хякимлике г.Мары начались увольнения с работы тех членов общины кришнаитов, которые являлись государственными

служащими. Например, был изгнан из армии один из офицеров местного гарнизона. Троице учителям было предложено подписать обязательство о прекращении контактов с членами общества "Сознание Кришны". Один из них отказался дать такую подписку и был уволен (ему удалось восстановиться на работе только в конце 1997 г.).

Частые визиты сотрудников милиции вынудили закрыть кришнаитский центр и перенести проведение религиозных мероприятий на частные квартиры. Число посещающих религиозные мероприятия после этого сократилось в 2-3 раза.

В марте 1997 г. во время проведения религиозного обучения в одном из крестьянских объединений недалеко от г.Мары с участием до 100 человек руководитель местной администрации потребовал от собравшихся "разойтись", угрожая вызовом милиции.

С 1996 г. власти начали конфисковывать кришнаитскую литературу, продажа которой является главным источником дохода общины. По оценкам, в 1996-1997 годах в Ашхабаде, Ташаузе, Мары и Байрам-Али было изъято около 500 экземпляров книг. В Мары последний случай имел место в середине декабря 1997 г., когда на городском вокзале сотрудники КНБ изъяли 40 экземпляров кришнаитских книг у двух курьеров, привезших их из Ташкента.

В январе 1998 г. один из лидеров кришнаитской общины обратился в Управление КНБ по Марыйскому велаяту к новому "куратору" кришнаитов Юсупу Чарыеву (до 7 января 1998 кришнаитскую общину курировал офицер КНБ Мамед Кульджаев) с просьбой вернуть книги. В ответ Чарыев заявил, что общество "Сознание Кришны" "официально запрещено в Туркменистане. Есть указ министра юстиции, запрещающий все секты и религиозные общества, кроме мусульман и православных". Чарыев также предупредил, что "за незаконную продажу книг на улицах мы первый раз штрафует на 16 тысяч манатов (10% от средней зарплаты), второй раз - на 32 тысячи, а в третий можем завести, по новому кодексу, уголовное дело".

Примерно в конце 1996 - начале 1997 гг. в городском хякимлике Мары прошло очередное собрание с участием руководителей зарегистрированных религиозных общин (мусульмане, православные, бахаи), на котором деятельность кришнаитов подверглась осуждению. От кришнаитов потребовали зарегистрироваться и прекратить распространение религиозной литературы.

Попытка кришнаитской общины зарегистрироваться в 1997 г. закончилась неудачей. Хотя община собрала необходимые по закону 500 подписей учредителей, в велаятском Генгешу по делам религий отказались принять заявление о регистрации, сославшись на то, что большая часть учредителей живет хотя и на территории Марыйского велаята, но за пределами г.Мары. От кришнаитов потребовали найти 500 учредителей из числа жителей города. Это требование (по мнению авторов доклада, не соответствующее действующим юридическим нормам) община исполнить не смогла.

В декабре 1997 г. на специальном совещании в хякимлике г.Мары с участием офицеров милиции и начальника отдела регистрации общественных организаций Министерства юстиции Джумагельды Курбанова кришнаитам было вынесено предупреждение, что если они продолжают собираться, то "ответят по всей строгости закона".

Давление со стороны властей испытывает также община кришнаитов в г.Ашхабаде. В 1996 г. руководители общины внесли требуемые властями

поправки в устав. Однако после утверждения новых правил регистрации все документы пришлось оформлять заново.

Интересно, что среди прочих пунктов, вписанных в устав Общества "Сознание Кришны" по настоянию работников Генгешы по делам религий, был такой: "Запрещается использование собрания верующих для политических выступлений, направленных против государственного строя Туркменистана, подстрекательство верующих от уклонения исполнения гражданских обязанностей и неучастия в государственной жизни".

Кришнаиты рассказывают, что о них нередко распространяли самые фантастические слухи. Например, в 1996 г. на одном официальном собрании один из мулл проинформировал участников, что кришнаиты подмешивают наркотики в пищу.

В начале 1997 г. на собрание кришнаитов на частной квартире в одиннадцатом микрорайоне г.Ашхабада пришли сотрудники КНБ, представители Генгешы по делам религий и Министерства юстиции Туркменистана. Они потребовали от общины в обязательном порядке пройти государственную регистрацию. Все участники собрания были переписаны офицерами КНБ. Позднее многих из них вызывали в КНБ, где требовали написать расписку с обязательством не участвовать в работе общины. При этом молодым людям туркменской национальности нередко задавали вопрос: "Ты ведь мусульманин. Почему же ты принял другую веру?" Известен случай, когда сотрудник Министерства юстиции посетил родителей молодого кришнаита (туркмена по национальности) и "информировал" их о том, что их сын "предал исламскую религию". На хозяина квартиры, сдавшего ее кришнаитам в аренду, было оказано давление, и он вынужден был расторгнуть договор (под угрозой конфискации квартиры властями).

По словам активистов ашхабадского общества "Сознание Кришны" ежемесячно 3-4 распространителя литературы задерживаются на улицах и доставляются в органы КНБ. У них конфискуют книги, а также заставляют дать письменное обязательство в дальнейшем не распространять религиозную литературу.

В начале 1998 г. собрания, направленные против "сектантов" (включая кришнаитов), были проведены на многих предприятиях города.

В 1997 г. ашхабадское Общество "Сознание Кришны" дважды подавало документы на регистрацию.

Согласно письму Министерства юстиции Туркменистана № 4/371 от 2 мая 1997 г. в представленном протоколе учредительного собрания не был приведен полный список участников собрания (более 100 чел.), фамилия председателя и секретаря собрания, не были приведены итоги голосования по каждому отдельному пункту (голосование производилось в целом по всему пакету документов на регистрацию) и т.п.

Новое учредительное собрание, проведенное 21 октября 1997 г., по мнению Министерства юстиции, не было правомочным, так как не имело необходимого кворума. *"Кроме того, руководству общества "Сознания Кришны" в дальнейшем при проведении учредительного собрания по созданию религиозной организации, принятию Устава, выборы руководства необходимо согласовывать с руководством Генгешы по делам религии при Президенте Туркменистана, где необходимо участие ихнего представителя"* (письмо № 4/1075 от 2 ноября 1997 г.). Указанная цитата почти дословно (вплоть до

безграмотных фраз об "ихнем представителе" и др.) повторяет письменный ответ, полученный пастором Церкви Адвентистов Седьмого Дня. Как уже отмечалось, ответ содержит требование к общине, не основанное на действующих в Туркменистане юридических нормах.

По словам ашхабадских кришнаитов, Туркменистан является единственной страной СНГ, где власти отказывают в регистрации Обществу "Сознание Кришны".

Бахаи

Исторически Ашхабад является важным центром религии бахаи. В начале века здесь был построен первый в мире бахаистский храм (взорван в начале 60-х гг.). В период горбачевской перестройки началось возрождение религиозных организаций бахаи. В 1991 г. в Ашхабаде была зарегистрирована община бахаи. В 1994-1995 гг. регистрацию (перерегистрацию) прошли три общины: в Ашхабаде, Красноводске и Мары (в этих городах были открыты т.н. "бахаи-центры"). Еще в 7 населенных пунктах Туркменистана действовали незарегистрированные местные духовные собрания. Общая численность бахаи в Туркменистане составляет менее 500 чел., в том числе от 200 до 300 чел. - в г.Ашхабаде.

До 1997 г. отношение туркменских властей к бахаи было в целом благожелательным. Появлялись публикации о деятельности бахаи в республиканских и местных СМИ. Членам церкви разрешалось выезжать на различные международные мероприятия. Посетившая в 1993 г. Туркменистан жена правнука Баха-улы (основателя религии) - Рухия ханум Раббани, занимавшая важный пост в бахаистской иерархии, была принята членами правительства. В то же время власти отказывались зарегистрировать Национальное духовное собрание бахаи Туркменистана - координационный орган, действующий в масштабах всей страны.

После утверждения новых правил регистрации религиозных организаций руководители бахаи в начале 1997 г. обратились с письмом в Генгеши по делам религий при Президенте Туркменистана. В этом письме они указывали, что основатель их религии Баха-ула завещал своим последователям быть законопослушными. В то же время численность бахаи в Туркменистане не достигает 500 чел. (минимальной цифры, необходимой для регистрации согласно закону). В связи с этим бахаи просили разъяснить, что им по закону запрещается делать после снятия общин с регистрации.

Письменного ответа на свой запрос руководители бахаи не получили. В устной форме им было заявлено, что бахаи более не имеют права проводить собрания верующих, ввозить и распространять религиозную литературу.

В марте 1997 г. возникшая ситуация обсуждалась на заседании Национального духовного собрания (НДС) бахаи Туркменистана. Было принято решение, что деятельность общин не должна прекращаться до тех пор, пока со стороны властей не последует прямого письменного запрета на те или иные формы религиозной деятельности. Но вскоре после отъезда иногородних членов НДС в Ашхабаде состоялось собрание Комитета⁷², на котором было принято решение о временной приостановке деятельности бахаи. На основании этого решения секретарь НДС от имени Комитета разослал письмо во все местные

⁷² Комитет - рабочий орган, созданный для решения текущих вопросов. Членами Комитета являются постоянно проживающие в Ашхабаде 5 из 9 членов НДС бахаи Туркменистана.

духовные собрания бахаи, в котором сообщил о прекращении деятельности руководящих органов и рекомендовал снизить активность на местах. Один из лидеров ашхабадской общины бахаи по имени Хабиб так изложил авторам доклада суть принятых решений: "Мы объявили верующим, что отныне мы не собираемся. Мы не вмешиваемся в политику, мы подчиняемся законам государства. Мы всем нашим людям запретили ввозить литературу" и т.д.

После этого бахаи-центры в Ашхабаде, Мары и Красноводске фактически прекратили свою деятельность. Их помещения были закрыты на неопределенный срок.

В августе 1997 г. бахаи-центр в Красноводске подвергся ограблению. Вскоре аналогичные инциденты произошли с бахаи-центром в Мары и помещением общины бахаи в Байрам-Али. Были украдены ковры, импортные телевизоры и видеосистемы. Бахаи оказались в сложной юридической ситуации, поскольку похищенное имущество принадлежало снятым с регистрации общинам, правопреемник которых не был определен. Члены Национального духовного собрания бахаи обратились в Генгешу по делам религий при Президенте Туркменистана с просьбой разрешить проведение собраний общин бахаи для решения имущественных вопросов. В сентябре 1997 г. руководство Генгешу сообщило, что в дальнейшем милиция будет охранять бахаи-центры, несмотря на отсутствие их регистрации. Кроме того, с осени 1997 г. власти стали разрешать проведение отдельных религиозных мероприятий бахаи, требуя, однако, каждый раз обращаться за специальным разрешением в Генгешу по делам религий.

"Церковь Христа"

По сообщению одного из источников в Ашхабаде, весной 1997 г. в столице Туркменистана сотрудниками КНБ были задержаны три религиозных проповедника "Церкви Христа" (штаб-квартира в Нью-Йорке), прибывшие из Москвы и пытавшиеся вести на улице религиозную работу. Проповедники (граждане России) находились под арестом около недели и были освобождены по просьбе американского посольства. Дополнительную информацию об этом инциденте авторам доклада получить не удалось.

В целом, усиление гонений на верующих в 1997 г., особенно в отношении протестантских и нетрадиционных церквей, привело к некоторому уменьшению числа верующих. Кроме того, заметная часть протестантов европейских национальностей - русских, украинцев, немцев (именно они составляют большинство в общинах) - приняли решение ускорить эмиграцию из Туркменистана.

Ограничение международных контактов

Через Генгешу по делам религий при Президенте Туркменистана власти пытаются осуществлять жесткий контроль за международными контактами религиозных объединений.

В апреле 1993 г. в ст.17 Закона "О свободе совести и религиозных организациях в Туркменистане" была внесена поправка, предусматривающая, что "вся оказываемая помощь из-за рубежа" независимо от конфессиональной принадлежности осуществляется только "через учреждения казылыка"

(централизованной организации мусульманского духовенства). 13 октября 1996 г. была утверждена новая редакция ст.17, в которой исключительное право распоряжаться зарубежной помощью передано Генгеши по делам религий при Президенте Туркменистана.

Поездки в хадж регулируются установленным в 1992 г. государством лимитом в 150 паломников в год. Списки паломников также составляются централизованно и согласовываются с государственными органами. Впрочем, в условиях тотального обнищания населения установленную квоту паломников в последние годы удается заполнять с некоторым трудом.

Генгеши по делам религий при Президенте Туркменистана также наделен почти монопольным правом предоставлять или не предоставлять разрешение на поездки верующих за рубеж для участия в религиозных мероприятиях. Туркменистан - одна из двух стран СНГ (вторая Узбекистан), где для поездки за границу нужна разрешительная выездная виза, выдаваемая властями. Для получения указанной визы верующие, приглашенные для участия в религиозных конференциях за рубежом, вынуждены обращаться в Генгеши по делам религий, без разрешения которого виза властями не выдается.

Показателен в этом плане случай с дочерью пресвитера ашхабадской общины пятидесятников И.В.Мокроусовой, которая получила приглашение от оргкомитета женской конференции пятидесятников, намеченной на Кипре на 13-19 апреля 1997 г. Оргкомитет гарантировал оплату всех расходов приглашенного лица. Когда Мокроусова попыталась получить заграничный паспорт, власти заявили, что на конференцию религиозной организации можно выехать только с разрешения Генгеши по делам религий при Президенте Туркменистана. Заместитель главы Генгеши, православный священник отец Андрей Сапунов 31 марта 1997 г. наложил на заявлении следующую резолюцию: "Не является возможным, так как Церковь христиан полного Евангелия не является зарегистрированной на территории Туркменистана". Вследствие этого И.В.Мокроусова не смогла выехать на Кипр.

Руководитель ашхабадской общины СЦ ЕХБ СА Василий Коробов сообщил авторам доклада, что, хотя община считается "снятой с регистрации", все официальные поездки членов общины, даже на конференцию в Россию, должны оформляться только через Генгеши по делам религий. От заключения Генгеши зависит и выдача загранпаспорта.

В феврале 1996 г. несколько десятков молодых баптистов из СЦ ЕХБ СА пытались самостоятельно выехать из Чарджоу в Ташкент для участия в религиозной конференции, но арендованный ими автобус был задержан недалеко от границы сотрудниками милиции и возвращен в Чарджоу. Никто из задержанных не смог принять участие в проходившем в Ташкенте мероприятии.

Ограничение ввоза религиозной литературы

Вследствие проводимой государственными органами политики как зарегистрированные, так и незарегистрированные в Туркменистане конфессии сталкиваются с общей проблемой - нехваткой религиозной литературы. Внутри страны в силу ряда причин религиозные книги практически не издаются, ввоз из-за рубежа затруднен, а старые запасы литературы у подавляющего большинства общин близки к нулю. После 1994 г. почти не поступают в страну

даже книги по исламу. Относительно крупные партии печатных изданий в последние годы удалось провезти в Туркменистан лишь "Свидетелям Иеговы", кришнаитам и батистам (СЦ ЕХБ). Однако часть ввезенных изданий была конфискована правоохранительными органами, а таможня с 1996 г. осуществляет усиленный контроль за ввозом печатной продукции, изымая издания незарегистрированных конфессий.

Ограничения на религиозное обучение

В апреле 1993 г. в ст.6 Закона "О свободе совести и религиозных организациях в Туркменистане" была внесена поправка, устанавливающая, что обучение детей вероучению возможно "в объеме не более 4 часов в неделю с согласия родителей". Одновременно Законом устанавливалось, что "преподавать вероучение могут лица, окончившие специальные учебные заведения или имеющие разрешение руководящих органов религиозных центров". Эти поправки свидетельствовали об усилении вмешательства государственных органов в религиозную жизнь (ранее туркменское законодательство никак не регламентировало процесс религиозного обучения).

В декабре 1994 г. президент Туркменистана, выступая перед членами Халк маслахаты (Народного собрания) Туркменистана, объявил, что казиет (централизованная структура мусульманского духовенства) принял решение централизовать исламское обучение. По данным авторов доклада, это решение было принято руководителями мусульманского духовенства под давлением государственных органов.

На протяжении 1995 г. многие медресе и учебные исламские курсы при мечетях (с тысячами учащихся) были закрыты в рамках кампании перерегистрации. Для обучения религиозным дисциплинам теперь требовалось получить специальное разрешение государственных органов. Хотя это требование не всегда строго выполняется, масштабы религиозного обучения в стране заметно сократились. Даже в прошедшем перерегистрацию медресе г.Чарджоу количество преподавателей и студентов уменьшилось в несколько раз, большая часть учебных помещений в настоящее время не используется.

В г.Байрам-Али в конце 1996 или в начале 1997 г. один мулла, ранее обучавшийся в Мешхеде (Иран), организовал религиозное обучение детей мусульман-шиитов. Через некоторое время его вызвали в хякимлик и запретили продолжать обучение. Под давлением властей он вынужден был уехать в г.Серахс.

В январе 1998 г. сотрудники Комитета национальной безопасности Туркменистана закрыли действовавшие более года религиозные учебные курсы для нескольких десятков детей, организованные при иранском консульстве в г.Мары.

Ограничения деятельности общественных организаций

Общественные организации

Система существующих общественных организаций Туркменистана весьма сходна с системой, существовавшей в бывшем СССР. Все организации национального уровня фактически созданы государственными органами, которые строго контролируют их деятельность, полностью определяют структурные и кадровые изменения.

Как и в Советском Союзе, в Туркменистане имеется лишь одна партия (бывшая коммунистическая, в 1991 г. преобразованная в Демократическую партию Туркменистана) и одна массовая молодежная организация (правопреемник бывшего коммунистического союза молодежи). Из профсоюзов государственную регистрацию имеет лишь Единое объединение профсоюзов Туркменистана, отраслевые профсоюзы не зарегистрированы, а независимому Профсоюзу работников предпринимательских структур Туркменистана в регистрации было отказано.

В 1994 г. по инициативе властей было создано Движение национального возрождения, ставящее целью поддержку курса правительства и лично президента Туркменистана. О характере движения ярко свидетельствует состав руководящего органа - Национального совета ДНВ. В него входят все члены Кабинета Министров, все главы областных, городских и районных администраций, руководители основных общественных организаций. Председателем Национального Совета ДНВ является президент Туркменистана Сапармурат Ниязов.

Открыто действующие оппозиционные организации фактически были разгромлены властями в 1992 г. В том же году была негласно запрещена регистрация любых национально-культурных обществ отдельных этнических групп. В настоящее время в Туркменистане создание независимых от властей неполитических общественных организаций на национальном уровне фактически невозможно, а на местном во многих случаях встречаются непонимание или открытое противодействие властей. Тем не менее небольшому числу независимых экологических и благотворительных групп удалось зарегистрироваться в отдельных населенных пунктах.

Деятельности незарегистрированных организаций власти в большинстве случаев стремятся не допускать.

Вопросы регистрации

Регистрация общественных организаций в Туркменистане производится на основе Закона "Об общественных объединениях", принятого 12 ноября 1991 г. и с небольшими изменениями действующего и в настоящее время.

Юрист одной из зарегистрированных в Ашхабаде благотворительных организаций следующим образом изложил авторам доклада существующий в Туркменистане порядок регистрации общественных организаций:

"По закону очень мало возможностей не зарегистрировать общественную организацию. Для регистрации необходимо:

1. Собраться и учредить организацию. Для этого надо не менее 3 человек (для политических партий и профсоюзов - не менее 1000 чел.). На собрании должен быть принят устав, заявление в Министерство юстиции⁷³ с просьбой о регистрации, составлен протокол учредительного собрания и выбраны руководящие органы;

2. С тремя этими документами надо прийти в отдел регистрации Минюста. Документы принимаются на русском или туркменском языках. В отделе регистрации Минюста пришедшему оказывается "техническая помощь" - консультация по оформлению документов. После этого заявитель обычно отправляется домой - исправлять документы в соответствии с высказанными замечаниями.

3. Исправленные документы сдаются в канцелярию Минюста. Через 2 месяца на домашний адрес заявителя приходит письмо из министерства - либо с извещением о регистрации общественного объединения, либо указывающее на те или иные ошибки в поданных документах. Снова проводятся все полагающиеся собрания и документы вновь сдаются в Минюст. Новый ответ также приходит через 2 месяца. Реально эти сроки не соблюдаются и ожидание ответа затягивается на полгода и более.

4. Если организация все же зарегистрирована, закрыть ее практически невозможно. Да, впрочем, Минюст ею уже и не интересуется. Достаточно раз в год сдавать формальный отчет о проделанной работе - в соответствии с уставными документами".

Даже из этого весьма осторожного комментария видно, что регистрация общественной организации в Туркменистане является делом непростым.

Фактически из-за отказов принять документы и нарушений установленных законом сроков рассмотрения заявок Министерством юстиции у многих групп регистрация затягивается на 1,5-2 года. Трудности и неоправданные задержки при регистрации испытывают почти все общественные организации, чье создание не было инициировано или поддержано властями.

Например, в 1996 г. четыре жительницы г.Ашхабада попытались зарегистрировать женский клуб "Ыкам - Доверие". Целями клуба было оказание психологической и юридической помощи лицам, обращающимся за поддержкой к членам клуба. В течение полугода Министерство юстиции отказывалось принимать документы клуба, затем в течение года рассматривало устав, несколько раз возвращая его на доработку. Лишь в октябре 1997 г. - спустя 1,5 года - клубу удалось получить свидетельство о регистрации.

Менее удачно закончилась попытка создания Центра женских инициатив в г.Ташаузе. Заместитель хякима Ташаузского веляята Курбанкуль Мередова заявила инициаторам создания Центра, что подобная организация не нужна и им следует присоединиться к официальному Союзу женщин Туркменистана им. Гурбансолтан-эдже. В результате "женская организация самораспустилась, не успев толком сформироваться и начать работать"⁷⁴.

⁷³ В декабре 1995 г. отделы юстиции региональных (веляятских) исполнительных органов власти были ликвидированы, и с тех пор регистрация любых общественных организации в Туркменистане находится в исключительном ведении центрального аппарата Министерства юстиции.

⁷⁴ "Витамин Ы", 1997, февраль, № 1, с.6.

Представителям красноводского экологического клуба "Фламинго", созданного в декабре 1993 г., после подачи заявления о регистрации в отделе юстиции хякимлика Балканского веляята сообщили (устно), что создание клуба "нецелесообразно", поскольку в Туркменистане уже действует зарегистрированное Общество охраны природы. На повторное письменное обращение с просьбой о регистрации учредители клуба вообще не получили никакого ответа. Тем не менее в 1994-1996 гг. власти не препятствовали деятельности клуба, поддерживавшего тесные контакты с рядом американских благотворительных организаций.

Также было необоснованно отказано в регистрации независимому республиканскому профсоюзу работников предпринимательских структур Туркменистана, не входившему в официозную Федерацию профсоюзов Туркменистана. Руководителям независимого профсоюза власти неоднократно заявляли (вопреки закону), что вопрос о регистрации профсоюза может быть решен лишь после принятия нового Закона Туркменистана "О профсоюзах", который не принят до сих пор. В апреле 1995 г. Федерация профсоюзов Туркменистана была преобразована в Единое объединение профсоюзов Туркменистана - фактически в единый профсоюз, участие в котором обязательно для всех отраслевых профсоюзных организаций государственного и негосударственного секторов.

О многочисленных отказах в регистрации национально-культурных обществ см. раздел "Нарушение прав этнических меньшинств".

Следует отметить, что большинство представителей туркменских общественных организаций, с которыми беседовали авторы доклада, просили не упоминать в докладе о проблемах их организаций, поскольку, по их мнению, это может быть расценено туркменскими властями как проявление политической нелояльности.

Что касается незарегистрированных политических организаций, то они в большинстве случаев предпочитают действовать подпольно, боясь раскрывать даже свои названия, поскольку не без основания опасаются репрессий со стороны Комитета национальной безопасности.

За последние пять лет зарегистрироваться попыталась лишь неофициально действующая Коммунистическая партия Туркменистана. Согласно информации коммунистов, в 1994 г. они подали документы на регистрацию КПТ в Министерство юстиции Туркменистана. В начале октября 1996 г. им в устной форме было отказано в регистрации, поскольку из заявленных в 1994 г. 1200 членов партии более половины вступили в ряды официальной Демократической партии Туркменистана. После реорганизации Оргкомитета КПТ последний в сентябре 1997 г. направил письмо в Министерство юстиции Туркменистана и в государственный Институт демократии и прав человека при Президенте Туркменистана с просьбой проконсультировать членов оргкомитета по вопросу регистрации партии. Представители Института демократии и прав человека переадресовали заявителей в Министерство юстиции, ответ из которого до настоящего времени не получен.

Нарушения прав этнических меньшинств

Общая ситуация

По данным переписи 1995 г., нетуркменское население Туркменистана насчитывает 1036 тыс. чел., что составляет 23,4% от общей численности населения. 39% нетуркменского населения составляет узбекская диаспора, около 36% - "европейцы" (из них около 80% - русские), 8,5% - казахи, по 3,5% - белуджи и азербайджанцы и т.д. В то время как бытовой национализм в последние годы практически исчез, тысячи представителей этнических меньшинств стали сталкиваться с многочисленными проблемами, созданными бездействием или, наоборот, целенаправленными действиями государственных органов. По мнению авторов доклада, в большинстве случаев ограничение прав этнических меньшинств в Туркменистане вызвано не злоупотреблениями отдельных чиновников, а является следствием общей национальной политики, санкционированной высшими органами государственной власти. Дискриминация, тяжелое материальное положение и отсутствие перспектив в государстве с практически мононациональным составом органов власти стимулирует быстрый рост эмиграционных настроений среди европейцев, казахов и представителей ряда других этнических групп.

Запрет на создание национально-культурных организаций

Начиная с 1992 г. попытки представителей национальных диаспор создать свои национально-культурные организации встречают противодействие властей.

В первой половине 1992 г. в туркменских газетах еще можно было встретить короткие заметки о регистрации корейского общества в Ташаузе или казахского - в Красноводске на основе Закона Туркменистана "Об общественных объединениях". Однако после создания в мае 1992 г. Русской общины Туркменистана регистрация всех национально-культурных обществ была прекращена. Никаких письменных отказов в регистрации ни одной из национальных общин (кроме польской) получить не удалось. Неофициально в устной форме представители властей заявляли, что регистрация одного общества может создать нежелательный прецедент, который в итоге приведет к нарушению общественной стабильности.

Наиболее продолжительную борьбу за регистрацию вела (и продолжает вести) *Русская община Туркменистана* (далее - РОТ) во главе с Анатолием Петровичем Фоминым. Оргкомитет РОТ был создан в Ашхабаде в мае 1992 г. 27 июля 1992 г. в Ашхабаде был проведен учредительный съезд РОТ. Утвержденные съездом документы были представлены на регистрацию в Министерство юстиции Туркменистана. Однако в начале августа 1992 г. президент Туркменистана публично осудил создание РОТ. Активистам РОТ пришлось под давлением властей забрать поданные документы. К этому времени уже имелось свыше 1000 заявлений о вступлении в РОТ. Из-за начавшихся преследований (увольнения с работы нескольких активистов, вызовы в правоохранительные органы и др.) 25 августа 1992 г. Правление РОТ

приняло решение объявить властям, что РОТ замораживает свою деятельность на полтора года.

В сентябре 1994 г. на встрече с председателем РОТ А.Фоминим президент Сапармурат Ниязов в присутствии посла РФ В.Черепова и официальных лиц высшей туркменской администрации заявил, что РОТ зарегистрирована быть не может. Аргументы главы государства свелись к тому, что в случае регистрации РОТ в последующем потребуются зарегистрировать казахскую и узбекскую общины, что может привести "к гражданской войне" (?!). Поэтому Ниязов предложил вместо РОТ создать Комитет по делам русскоязычного населения Туркменистана с образованием при нем Общественного совета с участием активистов незарегистрированной РОТ.

Несмотря на то, что проект положения о Комитете был подготовлен достаточно быстро, руководство Туркменистана фактически отказалось от своего обещания, под разными предлогами откладывая рассмотрение вопроса на неопределенный срок. Позднее заместитель председателя Меджлиса А.Ризаева выдвинула идею создания Комитета по межнациональным вопросам, председателем которого был бы С.Ниязов, а А.Фомин - первым заместителем председателя. Однако все эти планы оставались лишь на бумаге.

В 1995-1997 гг. вопрос о регистрации РОТ неоднократно ставился перед туркменскими властями официальными представителями России. Право на создание организации русскоязычного населения гарантировалось подписанным в мае 1995 г. в Москве двусторонним договором о сотрудничестве в целях обеспечения прав российского меньшинства в Туркменистане и туркменского - в России. Договор был ратифицирован сначала Туркменистаном, а 13 ноября 1996 г. - Россией. По требованию главы туркменского государства активисты РОТ согласились на то, чтобы в регистрационных документах национально-культурная организация россиян значилась под аморфным названием - "Общество гуманитарных, культурных и научно-технических связей с Россией в Туркменистане". Однако несмотря на неоднократные обещания туркменских официальных лиц регистрация РОТ не осуществлена до сих пор.

На запрос о регистрации РОТ в Министерство юстиции Туркменистана, направленный в мае 1997 г., А.Фоминим в ноябре был получен письменный ответ (№ 4/959 от 26.09.1997), суть которого сводилась к тому, что заявителю с учредительными документами "надо обратиться в МИД Туркменистана".

После ряда сложных перипетий 25 сентября 1997 г. было завершено согласование устава нового общества между министерствами иностранных дел Туркменистана и РФ и инициативной группой РОТ. К этому времени, однако, осложнились межгосударственные отношения между Россией и Туркменистаном, вызванные разногласиями по вопросу условий экспорта туркменского газа через российские газопроводы. В этой ситуации туркменские власти неофициально заявили российским дипломатам, что не будут рассматривать вопрос о регистрации РОТ до урегулирования спорных экономических вопросов.

Примечательно, что до сих пор никто из туркменских должностных лиц не смог объяснить, почему с правовой точки зрения РОТ не может быть зарегистрирована по Закону Туркменистана "Об общественных объединениях".

Авторы доклада считают, что практика увязывания туркменскими властями вопросов соблюдения ими гражданских прав представителей тех или

иных этнических групп и уступок правительств иностранных государств по экономическим или политическим вопросам является глубоко безнравственной и открыто противоречит Конституции и международным обязательствам Туркменистана.

Активисты РОТ в Ашхабаде, Красноводске, Небитдаге, Байрам-Али и Чарджоу сообщают о давлении, которое на них пытались оказывать представители туркменских властей. Бывший активист РОТ из Байрам-Али Петр Иванович Сербов в 1995 г. после поездки в Ашхабад был приглашен в городской отдел КНБ, где его предупредили о том, что создание РОТ "нарушает стабильность" в стране, поскольку "другие нации могут тоже захотеть создать свои общины", что недопустимо. О наличии куратора из КНБ сообщил руководитель организации РОТ в г.Красноводске. По его словам, интерес КНБ в РОТ отчетливо обозначился после того, как активисты РОТ выступили против переименования г.Красноводска в Туркменбаши (в честь президента Туркменистана). В конце 1995 г. хяким города Чарджоу предупредил активиста РОТ, что до решения вопроса о регистрации он не должен выступать от имени РОТ или рассказывать о ней.

Давлению властей подвергся и руководитель РОТ в г.Небитдаге Владимир Юрьев, бывший профсоюзный руководитель, неоднократно поднимавший перед местными властями "неудобные вопросы". В 1993 г., когда Юрьев написал письмо хякому области Пуханову о плохой работе автомобильного транспорта, последний публично заявил, что если Юрьеву не нравится жизнь в суверенном Туркменистане, пусть он "убирается в Сибирь".

Из письма руководителя представительства Федеральной миграционной службы (ФМС) России В.А.Андрейко послу РФ в Туркменистане В.Г.Черепову № 053 от 2 июня 1997 г.: *"Аманова А.О. от имени хякима /Пуханова/ высказала мнение о том, что работа Юрьева В.А. от Представительства ФМС нежелательна, так как в общении с людьми он может настраивать их не на сотрудничество, а на противостояние и провоцирование напряженности". "Представитель руководства веляята заявил, что указанное лицо их не удовлетворяет, так как является активистом незарегистрированной общественной организации, своими действиями скомпрометировал себя перед местными властями как лицо, настроенное конфронтационно к местным органам власти, склонное к созданию конфликтных ситуаций"*.

Одна из таких "конфликтных ситуаций" возникла спустя полтора месяца. В июле 1997 г. Юрьев развесил в городе объявления о том, что желающие выехать на постоянное жительство в Россию могут обращаться с вопросами по его домашнему адресу. Через несколько дней - 22 июля 1997 г. - он был вызван "на беседу" к офицеру КНБ Розыеву, который в присутствии двух других лиц обвинил Юрьева в "разжигании межнациональной розни". Розыев сказал, что ему известно о "незаконном собрании" на квартире Юрьева, в котором участвовало 17 человек, и потребовал прекращения незаконной деятельности.

Относительно мягкие, по меркам Туркменистана, меры воздействия на активистов РОТ по мнению авторов доклада объясняются боязнью туркменских властей спровоцировать негативную реакцию России, официально именуемой "стратегическим партнером Туркменистана".

С проблемами, аналогичными возникшим перед РОТ, столкнулись активисты армянских общин в Ашхабаде и Красноводске. Ашхабадская армянская община пыталась зарегистрироваться начиная с 1992 г., но

неизменно получала отказы властей. Армянским активистам не удалось добиться ни сохранения курсов армянского языка, действовавших в течение нескольких месяцев в 1992 г., ни регистрации религиозной общины Армянской апостольской церкви. Лидер армянской общины в Туркменистане Альберт Аракелов в 1996 г. вынужден был эмигрировать в США. Было отказано в регистрации и армянской общине г.Красноводска.

Польская национально-культурная организация "Polonia Turkmenska" пытается зарегистрироваться в Ашхабаде начиная с 1991 г. В начале 1993 г. и в январе 1998 г. из Министерства юстиции были получены письменные отказы в регистрации. Последний отказ содержал претензии к протоколу учредительного собрания (по мнению юристов министерства, вместо "единогласно" следовало указать конкретное число проголосовавших и т.д.).

Не смогли добиться официальной регистрации своих национально-культурных обществ и представители других этнических групп (евреи, казахи, немцы, узбеки, корейцы и др.).

По информации авторов доклада, решения о "нецелесообразности" регистрации каждого из национально-культурных обществ принималось в Аппарате Президента Туркменистана, а отказы Министерства юстиции носили в основном формальный характер.

По имеющимся данным, после отказов в регистрации в 1996-1997 г. активность части национально-культурных организаций резко упала, некоторые из них распались, а их лидеры выехали за рубеж.

Проблемы в области образования

Ситуация в области образования вызывает особое беспокойство проживающих в Туркменистане представителей европейских этносов.

В 1997 г. туркменские власти в ходе кампании по реформированию системы школьного образования попытались перевести средние школы на 9-летнюю программу обучения. Поскольку подобная программа не соответствует российским и международным стандартам, туркменский диплом о среднем образовании с 1998 г. официально потерял силу в России, что сделало невозможным поступление детей европейцев в высшие учебные заведения этой страны. В 14 туркменских вузах и 18 техникумах, по данным 1993 г., только 7% учащихся имели возможность получить образование на русском языке⁷⁵, причем качество обучения, по многочисленным свидетельствам, является крайне низким. Из-за многочисленных протестов представителей европейской диаспоры президент Туркменистана отдал устное распоряжение сохранить 10-летнее образование в русских школах до 2000 г.

С 1991 г. туркменские высшие и средние учебные заведения с русским языком обучения не получали учебники из России⁷⁶, а учителя не имели возможности пройти соответствующую профессиональную переподготовку.

В июле-августе 1996 г. 30 школьных учителей из Ашхабада при посредстве РОТ впервые выехали на 15-дневные курсы в Институт повышения

⁷⁵ "Национальная политика России: история и современность". М., 1997, с.507.

⁷⁶ "Национальная политика России: история и современность". М., 1997, с.507. В начале 1998 г. один контейнер с учебниками прибыл в Туркменистан в качестве подарка российских учреждений. На каждую ашхабадскую школу пришлось не более чем по 1-2 учебника по каждому предмету.

квалификации в Москве - в рамках программы, финансируемой за счет государственных средств РФ. Это мероприятие было крайне негативно встречено туркменскими властями. Хотя учителя ездили в Москву во время отпусков, директора школ по указанию заведующего горно Даулета Бегенчева, выполнявшего команду "сверху", провели "беседы" с возвратившимися учителями, объявив им, что как государственные служащие они не имеют права выезжать в другую страну, не получив разрешения руководства органов образования. Одна из учительниц, работавшая в школе № 17, за поездку в Москву была уволена с работы. Неправомерность подобных действий в правовом плане представляется очевидной. Последующие поездки учителей РОТ вынуждена была согласовывать с туркменскими властями, которые навязывали в выезжающие на обучение учительские группы определенные кандидатуры.

На свертывание туркменскими властями сети школьного обучения на узбекском языке жалуются представители узбекской диаспоры.

Вот что рассказал авторам доклада один из преподавателей г.Ташауза:

"У нас есть уникальное по местным меркам учебное заведение - школа юных математиков и физиков (ЮМФ). Создали ее в перестроечные годы для старшеклассников, и готовит она потенциальных студентов для ашхабадских ВУЗов. Естественно, конкурс в нее очень высокий. Раньше у нас набирали три класса с туркменским языком обучения, два - с узбекским и один - с русским. В прошлом году /1996 г./ кому-то в областном отделе народного образования (облоно) не понравилась такая ситуация, и они решили закрыть прием в узбекский класс, а вместо него открыть еще один туркменский. На стремление узбекских мальчиков это не повлияло, и они поступили в ЮМФ в количестве, достаточном, чтобы целый класс из них сформировали. Надеялись, что разрешение на восстановление узбекского класса все же дадут. Однако один из чиновников заявил, что хякимлик (областное начальство) не намерен готовить специалистов для Узбекистана. Так и проучились детишки год на чужом для них языке. В этом году хякимлик вновь запретил прием в узбекские классы. Тут уж взбунтовались родители тех, кто поступил в этом году (20 человек) и написали в облоно. Там письмо не хотели принимать, пришлось посылать им по почте. Получили они письмо, но не ответили. Тогда родители написали в Министерство образования. Это было в сентябре.

Преподаватели им в этом тайком помогли, ведь туркменов-математиков в стране почти нет, а учителя в школе по всем профильным предметам и вовсе - русские да узбеки. Через неделю после отправки письма в школу из облоно прислали женщину, специально для этого выбрали русскую по национальности, которая пришла к директору и сказала: "Пишите опровержение". И директор, скрепя сердцем, написал, что в воссоздании узбекского класса нет необходимости.

После этого 23 сентября 1997 г. облоно наконец дало ответ родителям. В устной форме им разъяснили, что учебников на узбекском языке нет, издавать их не будут и покупать в Узбекистане тоже, поэтому в дальнейшем обучение будет вестись только на туркменском и русском языках".

Государственный и национальные языки

Согласно Конституции Туркменистана 1992 г. (ст.13), "государственным языком... является туркменский язык. Всем гражданам гарантируется право пользования родным языком".

Туркменский язык был провозглашен государственным в 1990 г. в соответствии с принятым Верховным Советом Туркменистана Законом "О языке". С 1996 г. должен был начаться перевод на туркменский язык официального делопроизводства. На протяжении ряда лет это вызывало значительную обеспокоенность европейского населения, лишь незначительный процент которого владел указанным языком. Предложения о придании статуса второго государственного языка русскому языку высказывались даже в начале 1992 г.

В 1992 г. началась подготовка к переводу туркменского языка на латинскую графику. Новый алфавит был утвержден Указом Президента Туркменистана в апреле 1993 г. До сих пор, однако, большая часть взрослого туркменского населения, включая работников органов управления, вооруженных сил и правоохранительных структур, не способна прочесть туркменский текст, напечатанный на латинице. Эта ситуация привела к фактическому отказу от ранее директивно утвержденных сроков перевода официального делопроизводства на туркменский язык и поставила перед властями не менее сложную проблему постепенного обучения туркменского населения латинскому алфавиту⁷⁷.

С июня 1996 г. власти Туркменистана отказались от использования туркменской орфографии географических названий и личных имен в русскоязычных текстах СМИ и официальных документах. В газетах, выходящих в Туркменистане на русском языке, столица стала вновь называться Ашхабадом, а не Ашгабадом⁷⁸.

В том же году в сфере образования президентом Туркменистана была официально провозглашена политика трехязычия (изучения туркменского, русского и английского языков), слабо реализуемая на практике из-за крайней ограниченности бюджетных средств.

По мнению авторов доклада, в последние годы туркменские власти проявляют растущее безразличие в отношении языковых реформ, вследствие чего угроза языковой дискриминации в настоящее время ощущается нетуркменским населением значительно менее остро, чем в начале 90-х годов.

Проблемы родственных контактов

Начиная с 1994 г. туркменские власти последовательно ограничивают пассажирское сообщение со странами СНГ, что создает проблемы для поддержания родственных контактов. В 1994 г. фактически было отменено прямое пассажирское железнодорожное сообщение из Ашхабада со столицами стран СНГ (Москва, Ташкент), что привело к резкому сокращению

⁷⁷ Авторам доклада известны многочисленные случаи, когда работники милиции в Ашхабаде даже в 1997 г. не могли прочесть напечатанные на латинице служебные удостоверения, а требование о переходе на латиницу в провинциальных центрах реализовывалось путем написания латинскими буквами русских вывесок типа "Remont awtomobiley".

⁷⁸ "Правда-5" 28.06-5.07.1996.

пассажиropотока, поскольку авиабилет после очередной ценовой реформы ныне недоступен подавляющему большинству жителей Туркменистана. Весной 1997 г. было прекращено автобусное сообщение между Ташаузом и Нукусом, после чего не осталось ни одного действующего автобусного рейса между Туркменистаном и странами СНГ. За последние два года также были отменены все пассажирские авиационные маршруты за пределы страны из областных центров и Красноводска, сокращено общее число авиарейсов.

С 1 января 1998 г. с легковых машин стран СНГ, пересекающих туркменскую границу, взимается страховой сбор в размере не менее 56 долларов, что значительно превышает среднемесячную заработную плату жителей приграничных регионов. Для того, чтобы в соответствии с национальными традициями выехать с подарками на свадьбу в приграничные районы Узбекистана, жители Туркмении должны оформлять (нередко - за взятку) соответствующие бумаги через таможенную или исполнительные органы власти...

По свидетельству очевидцев, все эти ограничительные меры значительно осложняют поддержание родственных связей, что частично отражается в письмах, направляемых гражданами в официальные инстанции.

По мнению авторов доклада, если сокращение авиационного сообщения еще можно объяснить экономическими причинами, то прочие ограничительные меры являются следствием целенаправленной политики по созданию большей закрытости страны, последовательно реализуемой Ашхабадом.

Сдерживание эмиграции

В последние годы в Туркменистане отмечается быстрый рост эмиграционных настроений среди европейской диаспоры, армян, казахов, народов Северного Кавказа и др.

Миграционная статистика туркменскими властями засекречена. Кроме того, почти 10-процентная "корректировка" общей численности населения, предпринятая статистическими органами в 1992 г. и не признанная зарубежными демографами, не дает возможности оценить общие масштабы эмиграции.

Тем не менее, на основе данных российских официальных источников, можно установить, что за 1992-1996 гг. из Туркменистана на постоянное жительство в Россию выбыло 94,1 тыс. чел., а из России в Туркменистан - 19,4 тыс. чел. Число лиц, переселяющихся из России в Туркменистан, за 1992-1996 гг. сократилось более чем в пять раз, вследствие чего в 1996 г. соотношение между эмигрантами и иммигрантами составляло 16:1. Аналогичным образом складывается миграционный баланс Туркменистана с Украиной, Белоруссией и Казахстаном.

По оценкам демографов, в действительности, статистические органы недоучитывают масштабы эмиграции, поскольку в соответствии со сложившейся практикой статистических органов стран СНГ эмигрант считается выбывшим из страны лишь после регистрации его в органах внутренних дел в качестве постоянно проживающего лица по новому месту жительства. Из-за трудностей с продажей жилья и по ряду других причин (см. ниже) тысячи граждан Туркменистана фактически постоянно живут за пределами страны,

сохраняя советские паспорта с туркменской пропиской. В настоящее время в списках на получение статуса переселенцев в Россию фигурируют более 34000 семей туркменистанцев. По оценкам, к 2000 г. страну покинет не менее 30% проживающих здесь европейцев.

Меры по ограничению эмиграции начали приниматься туркменскими властями начиная с 1992 г. Уже 12 мая 1992 г. президент Туркменистана подписал указ, запрещающий продажу, дарение и обмен приватизированного жилья сроком на 10 лет, за исключением реализации его органам власти и управления. Одновременно была заморожена приватизация жилых квартир.

Целью этого указа, по мнению местных наблюдателей, было лишить европейское население Туркменистана⁷⁹ возможности получения денежных средств, необходимых для переезда на жительство в другие государства СНГ (рублевые денежные накопления были к этому времени совершенно обесценены галопирующей инфляцией, и продажа жилья становилась основным источником возможного получения большинством граждан крупных денежных сумм).

После принятия упомянутого выше указа, цены на жилье в Туркменистане резко упали, во многих местностях жители, эмигрируя из страны, вынуждены были просто бросать квартиры и имущество.

С целью обойти запрет на продажу жилья, в Ашхабаде, например, одно время широко распространилась практика заключения фиктивных браков. После получения совместной прописки, супруги разводились, одному из них доставалась квартира, другой, получив деньги, мог эмигрировать в Россию. Пытаясь не допустить подобных скрытых продаж квартир, туркменские власти пошли на беспрецедентный шаг, грубо нарушающий права граждан. В 1994-1995 гг. во всех ЗАГСх г.Ашхабада можно было видеть объявление о том, что регистрация браков между лицами европейского происхождения и туркменками запрещена "из-за различия вероисповеданий". Также запрещалась регистрация брака, если разрыв в возрасте брачующихся превышал 15 лет. В отдельных случаях регистрация производилась, но по специальному разрешению хякима (главы администрации) города.

Типичен случай с ашхабадцем Вениамином Еникеевым. Долгое время ему отказывали в регистрации брака с женщиной, которая моложе его на 20 лет. Брак был зарегистрирован лишь после рождения ребенка. Тем не менее, по данным на начало 1997 г., жену В.Еникеева в течение двух лет власти отказывалась прописывать в частный дом мужа (по адресу: ул.Атрекская, д.3а).

В 1996 г. ограничения на регистрацию брака были, по некоторым данным, отменены, после чего число зарегистрированных в Ашхабаде пар с разницей в возрасте от 15 до 20 лет сразу увеличилось до 6-7 процентов от общего числа.

Из-за ограничений на продажу жилья европейцы нередко уезжали на поиски работы и жилья в Россию, сохраняя в паспортах отметку о постоянной прописке в Туркменистане. Из-за большого количества подобных случаев туркменские власти в начале 1995 г. ввели сомнительную с юридической точки зрения практику заселения "пустующих квартир". Какие-либо решения по этому вопросу не публиковались, но неофициально сообщалось о закрытой ведомственной инструкции, по которой если квартира пустует в течение 6

⁷⁹ 95% европейцев в Туркменистане проживает в городах, в основном, в квартирах, построенных в советское время и находившихся в государственной собственности. На продажу частных домов ограничения не вводились.

месяцев, то местные органы власти вправе выдать ордер на ее заселение. В действительности, этот срок не всегда выдерживается, особенно если новые жильцы заплатят необходимую взятку. Это приводит к конфликтным ситуациям, усугубляемым "исчезновением" домашнего имущества прежних жильцов. Представители европейской диаспоры склонны рассматривать эту практику как проявление дискриминации по национальному признаку, тем более, что квартиры европейцев заселяются почти исключительно лицами туркменской национальности, а представители органов власти в ходе общения с пострадавшими нередко допускают высказывания, оскорбляющие их национальные чувства.

Например, весной 1995 г. житель г.Челекена, ветеран войны и инвалид Егор Ильич Каменков, вернувшись из России, куда он ездил по семейным делам, обнаружил, что его приватизированная квартира занята по ордеру сотрудником челекенской милиции. Власти пообещали со временем выделить ветерану новую квартиру, а когда пенсионер стал настаивать на возвращении в старую, ссылаясь на свои военные заслуги, ему в грубой форме напомнили, что "Туркмения с Гитлером не воевала", и "мы /т.е. туркмены/ сами решим, кому наше жилье отдать". Каменков сообщил корреспонденту "Известий", что намерен в ближайшем будущем эмигрировать из Туркменистана, хотя раньше у него такого намерения не было⁸⁰.

В июне 1995 г. специальная комиссия в составе представителей аппарата президента и МИД Туркменистана и посольства РФ в Туркменистане находилась в г.Ташаузе для рассмотрения жалобы пенсионера Анатолия Грищени. Грищенко, вернувшись в феврале 1995 г. домой после трех месяцев пребывания у родственников в России, обнаружил, что его квартира по ордеру местных властей заселена туркменской семьей. Жалобы в местные органы власти результата не дали, городская администрация предложила пенсионеру пожить в гостинице. Тогда Грищенко в апреле 1995 г. обратился в посольство РФ. Выехав в Ташауз, комиссия "не смогла установить местонахождение" жалобщика. В связи с этим после переговоров с местной администрацией был подписан акт, свидетельствующий о необнаружении фактов дискриминации по национальному признаку. В квартире Грищени были оставлены проживать новые жильцы.

Между тем газета "Правда" 13 сентября 1995 г. опубликовала подписанное псевдонимом письмо бывшего жителя Ташауза, у которого туркменские власти незаконно отняли квартиру (возможно, автором письма является названный выше Грищенко)⁸¹. Описывая этот случай, автор письма отмечает угрозы со стороны местных правоохранительных органов при попытке выяснить судьбу вещей, исчезнувших при заселении его квартиры новыми жильцами: *"Прямо в городском отделении милиции мне стали угрожать расправой, если я и дальше буду ходить и выяснять законы. После того, как меня пытались сбить автомашиной, и я чудом остался невредим, пришлось немедленно все оставить и срочно уехать из Туркменистана"*. По словам автора письма, в ташаузском хякимлике ему встречались десятки человек, оставшихся без квартир подобным образом. Квартира одной из русских семей была заселена уже через две недели после отъезда хозяев в отпуск.

⁸⁰ "Известия" 17.05.1995.

⁸¹ Аналогичное письмо, местами дословно повторяющее опубликованное в "Правде", было помещено и в газете "Известия" 30 сентября 1995 г.

После того, как к проблеме выселения европейцев из "пустующих квартир" было привлечено внимание МИД РФ, масштабы подобной практики значительно сократились. Тем не менее заселение "пустующих квартир" по ордерам, выдаваемым местными органами власти, продолжается и ныне.⁸²

18 мая 1995 г. вступило в силу специальное туркмено-российское соглашение "О защите прав переселенцев", подписанное президентами двух стран в декабре 1993 г. Соглашение предусматривало установление соответствующих льгот для лиц, желающих сменить место жительства, и необходимую корректировку действующего законодательства обеих стран.

В августе 1995 г. посольство РФ в Туркменистане начало прием заявлений на получение статуса переселенцев. Туркменистан, однако, не подготовил внутренней законодательной базы для реализации положений соглашения: сохранялся запрет на продажу квартир, не было возможности конвертации национальных денежных средств в валюту другой страны. После двух нот, направленных МИД РФ, туркменские власти внесли необходимые изменения в законодательство.

25 октября 1995 г. был подписан закрытый указ президента Туркменистана, предоставивший лицам, получившим статус переселенца, право "продавать, дарить, обменивать, завещать или иначе распоряжаться по своему усмотрению имуществом, являющимся их собственностью, включая приватизированные квартиры"⁸³. Переселенцам была разрешена приватизация жилья с последующей продажей. Первоначально туркменские власти требовали, чтобы право переселенца на продажу жилья было реализовано в течение года со дня получения им соответствующего статуса, по истечении этого срока продажа квартир запрещалась. Позднее - с 1 января 1997 г. - продажа приватизированного жилья разрешалась всем гражданам, в то же время приватизация жилого фонда, остановленная в 1992 г., возобновилась лишь в отношении квартир переселенцев.

Хотя начиная с 1995 г. более 20 тыс. чел. получили возможность продать квартиры и выехать из Туркменистана, по оценкам авторов доклада, ситуация в этой области все еще далека от нормальной.

Имеются сообщения, что на туркменском рынке жилья действуют многочисленные негласные запреты, ограничивающие возможности продажи жилья и снижающие цены продаж. Например, жителю Ашхабада в большинстве случаев разрешается продать свою квартиру только другому жителю этого же города. В Ташаузе городские власти в ряде случаев препятствовали покупке квартир у эмигрантов. В 1996 г. заместитель хякима г.Ташауза Дадебай Байгельдыев заявил одному из потенциальных покупателей квартиры: "Что ты лезешь, они сами ее бросят!" За оформление документов о приватизации и продаже жилья чиновники нередко вымогают взятки.

Права эмигрантов нарушаются не только туркменскими властями, но и российскими чиновниками. В этой связи нельзя не отметить деструктивную

⁸² Например, в 1997 г. подобным образом была заселена семьей майора милиции неприватизированная ашхабадская квартира сына председателя РОТ А.П.Фомина Вадима, с конца 1996 г. разыскиваемого по обвинению в хищении денежных средств. Домашние вещи В.Фомина исчезли, никто из родственников не был поставлен властями в известность о принятом решении.

⁸³ Текст указа был опубликован лишь полгода спустя - см. "Нейтральный Туркменистан" 3.04.1996.

позицию представительства Федеральной миграционной службы (далее ФМС) РФ, действующего в Ашхабаде с октября 1996 г. Представительство, в ведение которого перешло ведение дел эмигрантов, по собственной инициативе уже в 1996 г. стало незаконно требовать от части лиц, желающих получить статус переселенцев, представить нотариально заверенный "вызов-приглашение" от родственников из России. Это требование распространяется на семьи бывших советских граждан, члены которых не родились на территории России или не имеют гражданства РФ (последнее в настоящее время также предоставляется не всем гражданам бывшего СССР). Для получения "приглашения" представителям европейской диаспоры нередко необходимо продолжительное время и финансовые затраты, превосходящие годовой денежный доход средней семьи.

Представительство ФМС РФ в Туркменистане во главе с бывшим работником КГБ СССР Виктором Александровичем Андрейко также отказывает эмигрантам в предоставлении статуса "вынужденных переселенцев" (предусматривающего оказание материальной помощи за счет государственных средств РФ) и категорически возражает против предоставления такого статуса территориальными органами ФМС в РФ. В качестве аргумента заявляется, что "фактов обострения межнациональных отношений, усиления антирусских и происламских настроений, проявлений бытового национализма в Туркменистане не наблюдается" (письмо №041 от 19 мая 1997 г. в миграционную службу Воронежской области). Десятки заявлений о преследованиях европейцев оцениваются работниками представительства ФМС как "недостоверные". Сотрудник представительства ФМС РФ Владимир Козлов заявил одному из авторов доклада, что ему неизвестен ни один случай нарушений прав этнических россиян из числа эмигрантов.

Ашхабадец Валентин Копысов (о нем см. раздел "Применение психиатрии в политических целях") рассказал авторам доклада, что, когда в мае 1997 г. подошла его очередь на получение статуса переселенца, глава представительства ФМС Андрейко потребовал от него "вызова" из России. А едва Копысов упомянул о нарушениях своих гражданских прав туркменскими властями, Андрейко, прервав его на полуслове, громко сказал: "У России с Туркменистаном очень хорошие межгосударственные отношения". Копысову пришлось покинуть офис ФМС, статуса переселенца он так и не получил.

Еще одной проблемой, с которой сталкиваются эмигранты, являются многочисленные отказы органов внутренних дел Туркменистана в выдаче гражданских паспортов под предлогом "отсутствия паспортных бланков". Вместо паспорта выдается т.н. "справка формы №9", не имеющая юридической силы за пределами Туркменистана. За получения паспорта приходится платить взятку (100-200 долларов), в несколько раз превышающую среднюю зарплату. С сентября 1997 г. представительство ФМС в Ашхабаде отказывается рассматривать заявления о предоставлении статуса переселенцев при отсутствии у заявителя паспорта.

Имеются сообщения, что органы внутренних дел Туркменистана в Ташаузе, Небитдаге и др. также в нарушении закона отказываются выдавать паспорта молодым европейцам - до того, как они пройдут службу в туркменской армии. Активист РОТ в г.Небитдаге сообщил авторам доклада, что для того, чтобы оформить в милиции выписку сына, выезжающего в Россию, ему

пришлось написать заявление на имя хякима города и получить специальное разрешение.

Ограничение представительства в органах власти и бизнесе

В настоящее время вследствие этнократической политики высшего государственного руководства Туркменистана нетуркменские этнические группы лишь в незначительной степени представлены в органах государственной власти.

Согласно Конституции Туркменистана (ст.54), президентом страны может быть только этнический туркмен. В Кабинете Министров европейцы представлены лишь Александром Додоновым. Нет ни одного европейца среди 68 глав областных, районных и городских администраций. Из пятидесяти депутатов Меджлиса (парламента) европейцев только двое, из более чем 200 действующих судей - четверо и т.д. В такой же степени европейцы были вытеснены с директорских постов промышленности, из правоохранительных органов, учреждений образования и др.

В еще меньшей степени в органах власти и управления Туркменистана представлены другие этнические группы.

Авторам доклада не известны случаи, когда хотя бы один нетуркмен был выдвинут на руководящую работу после 1992 г.

По мнению авторов доклада, указанные диспропорции являются наглядной иллюстрацией того, что при решении кадровых вопросов органы государственной власти Туркменистана осуществляют дискриминационную политику в отношении нетуркменских этнических групп, причем "принадлежность к титульной нации доминирует над гражданским статусом"⁸⁴.

Нетуркмены (прежде всего - европейцы) активно вытесняются не только из государственных органов, но также, под давлением госчиновников, из общественных и коммерческих структур. По рассказам местных жителей, русские коммерсанты со временем либо сворачивают свою деятельность, либо уезжают в Россию.

Например, вследствие неправомерных действий туркменских властей в марте 1997 г. была прекращена деятельность красноводского АОЗТ "ИВ и К" - успешно функционирующей фирмы по оказанию агентских услуг по обслуживанию судов российского АО "Волготанкер" и основного спонсора красноводского отделения "Русской общины". После отказа руководства фирмы в 1995 г. войти к качеству структурной части в состав... Туркменского морского пароходства финансовые бумаги фирмы были без санкции прокурора и составления описи изъяты КНБ, а директора "ИВ и К" Николая Пынта старший следователь КНБ Я.Одаев и подполковник Ш.Сыдыков угрожали посадить в тюрьму на 15 лет, обвинив в оскорблении им "чести и достоинства Президента Туркменистана". В течение полутора лет власти препятствовали нормальному функционированию фирмы, после чего ее руководители, продав имущество, вынуждены были эмигрировать в Россию⁸⁵.

⁸⁴ "Национальная политика России: история и современность". М., 1997, с.506.

⁸⁵ Подробнее см. "Центрально-Азиатские страницы. Информационная сводка по Туркменистану" № 8/090.

Отказы в прописке

Гражданам Туркменистана нетуркменского происхождения, выехавшим в страны СНГ и впоследствии вернувшимся в страну, органы внутренних дел отказывают в прописке к родственникам. Такие случаи имели место в Ташаузе, Небитдаге, Ашхабаде и других населенных пунктах. Единственным исключением является город Туркменбаши. Милиция при этом ссылается на закрытую ведомственную инструкцию.

Никто из лиц, с которыми беседовали авторы доклада, не мог объяснить смысл подобного ограничения, кроме предположений о выдавливании нетуркменских этносов. В Туркменистан возвращается не более 3-4% эмигрантов. Между тем ст.24 Конституции Туркменистана гарантирует каждому гражданину право свободно "выбирать место жительства в пределах Туркменистана".

Беженцы

Туркменистан известен своей жесткой позицией в отношении беженцев, особенно афганцев и иранских туркмен. Политика властей состоит в том, чтобы не допускать длительного нахождения беженцев на территории Туркменистана. Несмотря на то, что 12 июня 1997 г. Меджлис Туркменистана принял Закон "О беженцах", содержащий необходимые гарантии оказания материальной и правовой помощи, оформления статуса беженца, положения закона фактически не действуют, а практика обращения с беженцами не претерпела изменений с начала 90-х годов.

Афганские беженцы

Начиная с 1992 г. граждане Афганистана неоднократно большими группами переходили на туркменскую территорию, спасаясь от боевых действий. Например, в конце октября 1996 г. несколько тысяч афганцев перешло на территорию Туркменистана. В ноябре 2500 членов противоборствующей группировки также вынуждены были пересечь туркменскую границу.

В этих и других известных случаях большие группы беженцев блокировались пограничниками и армией в полосе инженерных сооружений (от двух до пяти километров в глубь территории Туркменистана). При содействии местного представительства Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев они обеспечивались питанием и палатками. Затем туркменские власти начинали оказывать давление на беженцев, стремясь добиться их возвращения в Афганистан. Процесс возвращения занимал обычно от нескольких дней до трех месяцев.

В конце июня 1997 г. от 6 до 8 тыс. афганских туркмен вынуждены были бежать на территорию Туркменистана (Тахта-Базарский этрап Марыйского вelayта), спасаясь от пуштунов (вероятно, талибов), с которыми у них начались вооруженные столкновения. Несмотря на то, что новый Закон Туркменистана "О беженцах" уже вступил в силу, туркменские власти продолжали действовать по старой схеме. Беженцы были разоружены, блокированы в прилегающей к границе двухкилометровой зоне силами погранвойск и армейских частей и размещены в камышовых палатках. Из-за близости к границе место расположения беженцев регулярно обстреливалось из стрелкового оружия с территории Афганистана. При этом было ранено несколько человек, в том числе туркменских граждан. Из-за отсутствия необходимых запасов продовольствия и медикаментов среди раненых беженцев и детей отмечались случаи смертей. Под давлением туркменских властей уже 26-27 июня около трех тысяч беженцев "добровольно согласились" вернуться на территорию Афганистана, получив устные заверения, что пуштуны гарантируют их безопасность.

Небольшие группы афганцев, бежавшие в Туркменистан по политическим мотивам, начиная с 1992 г. задерживались спецслужбами и после проведения следствия либо возвращались в Афганистан, либо передавались в другие страны.

Например, 25 декабря 1996 г. восемь солдат антиталибской коалиции, содержащихся в СИЗО МВД в г.Ашхабаде, были переданы в Кушке

представителям движения "Талибан". Одно из лиц, причастных к этой акции, высказало мнение, что все участники процедуры выдачи знали, что в предыдущих случаях талибы расстреливали передаваемых им лиц, "не отойдя и 500 метров от места передачи". По данным авторов доклада, расстрелы "выдавленных" из Туркменистана афганских политических беженцев в приграничной зоне впервые имели место в 1992 г.

8 офицеров армии Достума, перешедших в Туркменистан весной 1997 г., были вскоре переданы спецслужбе одного из государств СНГ.

В первой половине 90-х годов в Туркменистан организованно переселилось около 400 семей этнических туркмен из Афганистана⁸⁶. Они были расселены в различных районах. Например, в Ниязовском этрапе Марыйского велаята ныне проживает несколько десятков семей афганских туркмен. Никто из них не имеет оформленного статуса беженцев. Согласно неофициальной информации, полученной летом 1996 г., эти семьи находятся в очень тяжелом материальном положении. Большинству из них не предоставили работы и не отпускали назад в Афганистан. Некоторые из них подрабатывали в качестве батраков у местных жителей.

С проблемами сталкиваются и те афганские беженцы, которые следуют через территорию Туркменистана транзитом. Во втором номере экологического бюллетеня "Витамин Ы" (1997 г., май) описывалось, как туркменские пограничники на станции Фараб (Лебапский велаят) в ходе проверки проходящего узбекского пассажирского поезда под угрозой ареста вымогали взятку у афганских беженцев, имевших все необходимые по закону документы.

Любая информация об афганских беженцах на территории Туркменистана (численность, условия пребывания и т.д.) по непонятным мотивам обычно скрывается властями от средств массовой информации. Официальные лица отказываются отвечать на вопросы журналистов. Тщательное изучение туркменской периодики за 1995-1998 гг. позволило обнаружить две публикации о беженцах лишь в малотиражной армейской газете "Эсгер". Даже когда в июне 1997 г. зарубежные СМИ подробно сообщили о переходе в Туркменистан тысяч афганских туркмен, единственный официальный комментарий свелся к заявлению министра иностранных дел Бориса Шихмурадова о том, что цифра 4000 беженцев, названная российским агентством ИТАР-ТАСС, является "сильно завышенной".

Политические беженцы из Ирана

В 1983-1991 гг., спасаясь от физического уничтожения, на территорию Туркменистана переселилось большое число иранских туркмен, в основном, членов запрещенной в Иране коммунистической партии ТУДЕ. ТУДЕ являлась единственной партией в Иране, которая поддерживала идею создания в этой стране туркменской автономии.

Правительство СССР предоставило членам ТУДЕ статус политических беженцев, право поступления в вузы, обеспечило большинство работой и жильем. После распада Союза права беженцев стали ущемляться туркменскими властями.

⁸⁶ "Вечерний Бишкек", 02.05.1997.

В марте 1996 г. 32 иранских туркмена-политэмигранта, проживающих в Туркменистане, обратились с коллективным письмом к министру иностранных дел Туркменистана Б.Шихмурадову.

В письме, в частности, отмечалось, что организация "Красного Креста и Красного Полумесяца", ранее занимавшаяся проблемами политэмигрантов, перестала "должным образом" решать их проблемы, более того, стала отрицать наличие у иранских туркмен, проживающих в Туркменистане, статуса политэмигрантов.

Паспорта политэмигрантов, выданные советскими властями, в настоящее время не признаются в СНГ и, следовательно, их обладатели не могут выехать за пределы Туркменистана.

В письме подробно перечислялись конкретные проблемы, с которыми сталкиваются в Туркменистане иранские политэмигранты. Некоторые из них, включая лидера автономистского движения иранских туркмен в 1979-1981 гг. Арзанеша Велимухаммеда, работающего преподавателем арабского языка в Национальном институте мировых языком им. Азади, до сих пор не получили статуса политэмигрантов. Преподаватель персидского языка того же института Текеи Кличдурды, потеряв паспорт политэмигранта с видом на жительство, не может восстановить свой статус. Нескольким лицам в нарушение туркменского законодательства власти более года отказывают в предоставлении туркменского гражданства. Политэмигранту Текеи Абдулвелику, окончившему юридический факультет Туркменского госуниверситета им. Махтумкули, власти не разрешают работать в университете и Академии Наук как иностранцу.

Копия этого обращения была направлена в Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев и его представительство в Туркменистане. Власти Туркменистана никак не отреагировали на это письмо.

В начале июня 1996 г. проживающие в Туркменистане иранские политэмигранты переслали копию своего обращения туркменской службе Радио "Свобода", сопроводив ее просьбой к сотрудникам радио помочь им эмигрировать в любую другую страну.

Перечисленные выше основные проблемы, с которыми сталкиваются в Туркменистане иранские политэмигранты, остаются нерешенными вплоть до настоящего времени. По оценкам экспертов, такая ситуация обусловлена чрезмерной боязнью туркменских официальных лиц спровоцировать негативную реакцию со стороны властей "дружественного Ирана". При этом туркменские власти не беспокоит, что сотни людей, попавших в Туркменистан не по своей воле, оказались здесь "в положении изгоев"⁸⁷.

9 декабря 1997 г. иранская газета "Хамшехри" опубликовала сообщение о том, что согласно достигнутой договоренности руководителей двух государств в ближайшее время все иранские граждане, находящиеся в туркменских тюрьмах, будут переданы иранским властям. Одновременно Ирану будут передаваться уголовные дела на указанных лиц. В сообщении отмечается, что иранские граждане осуждаются в Туркменистане в основном за участие в наркобизнесе и *нарушение государственной границы*.

По сообщению проживающего в Швеции туркменского писателя А.Велсапара, эта информация вызвала серьезную обеспокоенность среди туркмен-политэмигрантов из Ирана, поскольку в качестве "нарушителей

⁸⁷ "Центральная Азия", 1996, № 6.

туркменской границы" нередко выступают этнические туркмены, нелегально переселяющиеся в Туркменистан в поисках убежища от преследований по политическим и этническим мотивам со стороны иранских властей. Один из политэмигрантов, просивший не называть его имени, заявил: *"Нам жилось в Туркменистане и так не сладко. Теперь же наша жизнь превращается в сущий ад, ибо нас могут выдать иранскому режиму когда угодно. А там многих из нас ждет смертная казнь как политических противников существующего исламского режима. Поводов у официального руководства Туркменистана... предостаточно, тем более, что политэмигранты все больше сетуют на свою полностью бесправную жизнь в Туркменистане"*⁸⁸.

Беженцы из Таджикистана

Известный эксперт по Таджикистану Олег Панфилов продемонстрировал одному из авторов доклада копию официального документа таджикской комиссии, занимавшейся вопросами беженцев, из которого следует, что туркменские власти сообщили члену комиссии о наличии на территории страны 300 тыс. таджикских беженцев (по состоянию на 1994 г.). Эта цифра, по оценкам авторов доклада, является совершенно фантастической. Она никак не коррелирует с данными переписи 1995 г. о национальном составе, текущей статистической информацией о соотношении постоянного и наличного населения⁸⁹. Реальное число таджикских беженцев в Туркменистане не превышало 15-20 тыс. чел. В настоящее время эта цифра значительно меньше. Например, в Марыйском велаяте проживает примерно 200-300 семей (в том числе 70 семей были организованно расселены в Ниязовском этрапе). Несколько сот семей обустроилось в Лебапском велаяте. Среди лиц, оставшихся на постоянное жительство в Туркменистане, немалую часть составляли этнические туркмены.

В настоящее время вопрос о таджикских беженцах для официальных органов Туркменистана фактически снят с повестки дня. Какой-либо информации о специфических проблемах, с которыми сталкиваются в этой стране беженцы из Таджикистана, авторам доклада получить не удалось.

⁸⁸ Открытое письмо А.Велсапара в международные правозащитные организации от 11 декабря 1997 г.

⁸⁹ Перепись 1995 г. вообще не обнаружила рост числа таджиков среди постоянного населения. Разница в численности между постоянным и наличным населением за 1992-1996 гг. возросла с 11 тыс. лишь до 45,7 тыс. чел., причем в последнюю цифру вошли тысячи иранских и турецких граждан, мигрировавшие в Туркменистан.

Смертная казнь

Статистика

Статистические данные о выносимых смертных приговорах являются в Туркменистане засекреченными. Работники судов, прокуратуры, милиции и адвокатуры, с которыми беседовали авторы доклада, сходятся во мнении, что "расстреливают очень много".

В различных правозащитных изданиях до недавнего времени использовалась следующая статистика вынесенных смертных приговоров, полученная от туркменских диссидентов: в 1992 г. - 110, в 1993 г. 114, в 1994 г. - 126⁹⁰. Последняя цифра в действительности отражает статистику смертных приговоров не за весь год, а лишь за первые 10 месяцев 1994 г.⁹¹

По данным "Международной Амнистии", "ни один из этих приговоров не был впоследствии отменен по апелляции или смягчен президентом, и к середине 1995 г. ... все они были приведены в исполнение". "В случае подтверждения, эти цифры поставят Туркменистан среди 10 стран мира с самым высоким числом казней".

В последующие годы в Туркменистане продолжался рост числа выносимых смертных приговоров. Так, в 1995 г. к расстрелу было приговорены 134 человека⁹².

В 1996 г. только за участие в незаконном обороте наркотиков были расстреляны 123 человека. Большинство из них - молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет. Лишь 8 расстрелянных были старше 30 лет⁹³.

Авторам доклада удалось ознакомиться с оригиналом сообщения, пересланным в агентство "Вечерний Бишкек" ашхабадским журналистом, имя которого, по понятным причинам, не может быть названо. В этом сообщении указывалось, что на начало 1997 г. в туркменских тюрьмах содержались более 400 приговоренных к смерти, в основном в возрасте до 35 лет. Информация о наличии 400 "смертников" была получена из другого источника в Ашхабаде и одним из туркменских диссидентов, проживающих в Москве.

Если иметь в виду, что до 1996 г. смертные приговоры, за редкими исключениями, почти не пересматривались и приводились в исполнение не позднее чем через год, то приведенная выше цифра "смертников" означает, что в 1996 г. произошло резко (почти в три раза!) увеличение числа выносимых туркменскими судами смертных приговоров.

Сотни смертных приговоров были вынесены и в 1997 г. Сотрудник правоохранительных органов Лебапского веляята сообщил авторам доклада, что на октябрь 1997 г. только по Лебапскому веляяту с начала года было вынесено 53 смертных приговора, а всего по Туркменистану - 315. По данным работника канцелярии Ашхабадского городского суда, пик "расстрельных" дел пришелся на июль-август 1997 г., когда суд еженедельно выносил до 10 смертных

⁹⁰ См., например, доклад "Международной Амнистии" о нарушениях прав человека в Туркменистане (март 1996 г.).

⁹¹ "Сегодня" 3.12.1994.

⁹² Информационный бюллетень Общества содействия соблюдению прав человека в Центральной Азии, 1996, № 7-8.

⁹³ "Известия" 23.01.1997.

приговоров, в подавляющем большинстве случаев утверждавшихся Верховным Судом Туркменистана.

Несмотря на то, что 20 июня 1997 г. Указом Президента Туркменистана 222 "смертникам" расстрел был заменен длительными сроками лишения свободы (от 10 до 20 лет), спецблоки СИЗО по-прежнему оставались переполненными. Так, в сентябре 1997 г. в камерах спецблока СИЗО № 1 МВД Туркменистана в г.Ашхабаде дожидались исполнения смертного приговора 130-140 человек.

Таким образом, сотни людей были расстреляны в Туркменистане в 1997 г., что выводит эту малонаселенную страну на одно из первых мест в мире по этому печальному показателю.

Исполнение приговора

До сих пор неизвестно, где в Туркменистане производятся расстрелы.

В советское время на территории Туркменистана (также как Таджикистана и Кыргызстана) исполнение смертных приговоров не осуществлялось. Приговоренных к "высшей мере наказания" этапировали в СИЗО МВД Узбекистана в Ташкенте (т.н. "Таштюрьма"), где приговор приводился в исполнение.

После получения Туркменистаном независимости встал вопрос об организации места расстрела на территории страны.

По словам одного из сотрудников правоохранительных органов, в начале 90-х годов расстрелы осуществлялись в пограничной зоне в районе заставы "Первомайская" (о расстрелах в приграничной полосе сообщали и другие источники). 4 года назад в Ашхабаде в СИЗО МВД (по другим данным - в СИЗО КНБ) было построено специальное помещение для расстрелов⁹⁴. Захоронение тел казненных производится на кладбище г.Безмеина (близ Ашхабада).

В целом, по мнению авторов доклада, имеющаяся на данный момент информация о месте и процедуре расстрела остается противоречивой и требует дополнительного уточнения.

"Смертники" ожидают исполнения приговора в спецблоках СИЗО в Ашхабаде и велаятских центрах, условия содержания в которых даже по тюремным меркам являются "ужасными" (см. раздел "Условия содержания в местах заключения"). Хотя по инструкции приговоренные к расстрелу должны находиться в отдельных камерах, в связи с переполненностью СИЗО их содержат по 14 чел. в одной камере, рассчитанной на примерно в два раза меньшее число заключенных. После перевода в спецблок ашхабадского СИЗО № 1 МВД Туркменистана исполнение приговора (по данным на осень 1997 г.) обычно производится в течение 1-1,5 месяцев.

Рассмотрение дел: закон и практика

Новый Уголовный Кодекс Туркменистана, принятый Меджлисом 12 июня 1997 г., предусматривает возможность смертной казни по 13 статьям:

⁹⁴ По одной версии, при расстрелах использовался пулемет с трассирующими патронами. По другой, расстрел осуществлялся отделением из 10 человек, одному из которых выдавались холостые патроны.

ст.101 ч.2 (умышленное убийство), ст.134 ч.3 (изнасилование), ст.168 (геноцид), ст.170 ч.2 (нападение на лиц, пользующихся международной защитой), ст.171 (измена государству), ст.172 (шпионаж), ст.173 ч.2 (диверсия), ст.174 ч.2 (заговор с целью захвата власти), ст.176 ч.1 (посягательство на Президента Туркменистана), ст.271 ч.3 (терроризм), ст.274 ч.1 (бандитизм), ст.292 ч.3 (незаконное изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка, пересылка наркотических средств и психотропных веществ с целью сбыта), ст.294 ч.4 (хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ).

На практике подавляющее большинство смертных приговоров выносятся за два преступления: умышленное убийство и незаконное хранение, приобретение и перевозка наркотических средств.

В целом по Туркменистану большинство приговоренных к расстрелу составляют лица, причастные к торговле наркотиками. В то же время в Лебапском велаяте большая часть смертных приговоров выносятся за насильственные преступления.

По данным авторов доклада, в настоящее время сложилась практика, в соответствии с которой за хранение более 60 грамм героина или более 1 кг опия судами обычно выносятся смертный приговор.

Эта информация хорошо согласуется со сведениями, приведенными в интервью газете "Лебапская правда"⁹⁵ начальником УВД Лебапского велаята А.Аннаурдыевым. По словам последнего, изъятые партии наркотиков в ходе следствия классифицируются (по весу) следующим образом: до 0.5 г опия - малозначительный размер; до 50 г - небольшой; до 1 кг - крупный; свыше 1 кг - особо крупный. При наличии наркотиков в особо крупных размерах суд выносит приговор: расстрел или до 20 лет лишения свободы.

Аннаурдыев сообщил, что Лебапский велаятский суд рассмотрел (видимо, за первое полугодие 1997 г.) 13 дел на 19 человек, занимавшихся торговлей или транспортировкой наркотиков в особо крупных размерах. 8 из них были приговорены к различным срокам лишения свободы, остальные - расстрелу⁹⁶.

Например, в августе 1996 г. был арестован А.Эминов - житель пос. Моргуновка Кушкинского этрапа Марыйского велаята, откуда он привез 20 кг 480 г опия, и жители г.Чарджоу супруги Мамедкулиевы, через которых он надеялся этот опий продать. Все трое приговорены Лебапским велаятским судом к "исключительной мере наказания". "У незадачливых хозяев без родительской опеки осталось пятеро несовершеннолетних детей"⁹⁷.

По мнению одного из работников Верховного суда Туркменистана, если у подсудимого нашли более 1 кг опия, то избежать расстрела можно только путем крупной взятки или при условии активного сотрудничества со следствием. Средний уровень взятки за освобождение подсудимого с

⁹⁵ "Лебапская правда" 26.06.1997.

⁹⁶ В газете "Лебапская правда" (в августе 1997 г. вошла в состав туркменоязычной газеты "Туркменгундогары") за 1997 г. приведены имена 11 человек, приговоренных велаятским судом к смертной казни: Г.Х.Чаршанбиева ("Лебапская правда" за 17 апреля), А.Эминов и супруги Мамедкулиевы (26 июня), братья Муххамедмурад и Абдулла Азаловы (29 июля), Елена Шарипова и П.Салиенко (2 сентября), О.Галбаров, Г.Чарыев и Т.Аширов (20 декабря). Все упомянутые лица, кроме Шариповой и Салиенко, были осуждены за хранение и транспортировку наркотиков.

⁹⁷ "Лебапская правда" 26.06.1997.

"расстрельной статьей" составляет 50 тыс. долларов, доходя в отдельных случаях до 200-250 тыс. долларов (для сравнения: неофициальная такса за уменьшение срока лишения свободы составляет 1 тыс. долларов за каждый год заключения).

Некоторые работники туркменских правоохранительных органов, с которыми беседовали авторы доклада, высказали мнение, что при рассмотрении групповых дел следствие и суды недостаточно дифференцированно подходят к определению степени вины отдельных лиц, что приводит к вынесению многочисленных и не всегда обоснованных материалами дел смертных приговоров.

Так, осенью 1997 г. в Чарджоу была осуждена за соучастие в убийстве 22-летняя мать-одиночка Елена Шарипова. В январе 1997 г. ее любовник А.Султанов и его приятель П.Салиенко по ее наводке ограбили бухгалтерию школы и убили двух сторожей. Сама Е.Шарипова при ограблении не присутствовала. Тем не менее П.Салиенко и Е.Шарипову приговорили к расстрелу, А.Султанов получил 15 лет. По имеющимся данным, в ноябре 1997 г. приговор в отношении Шариповой был приведен в исполнение.

По словам сотрудника правоохранительных органов из г.Мары, в 1996 г. в Марыйском велаяте была арестована группа из 25 белуджей, причастных к наркоторговле. 13 членов группы были приговорены к "исключительной мере наказания": при этом среди осужденных на смерть были как лица, у которых были изъяты до 100 кг наркотиков, так и лица, у которых наркотики вообще не были обнаружены. Требования частичного пересмотра приговоров по делу этой группы были одной из причин бунта в СИЗО г.Мары в августе 1996 г.

По мнению работников прокуратуры, в Туркменистане с 1996 г. проводится кампания ужесточения наказания, преступления сознательно квалифицируются по более "тяжелым", в том числе "расстрельным", статьям.

Например, в 1996 г. был арестован ранее судимый житель г.Чарджоу, татарин по национальности (фамилию авторам доклада уточнить не удалось), обвиненный в соучастии в убийстве. В 1994 г. он вместе с родственником жены во время бытовой ссоры с третьим лицом нанес последнему удар металлическим предметом по голове, от которого потерпевший потерял сознание. Посчитав, что потерпевший убит, два других участника драки с целью скрыть труп сбросили тело в канал. Экспертиза установила, что смерть потерпевшего наступила позднее - от удушья вследствие нахождения под водой. Тем не менее действия обвиняемого спустя два года были квалифицированы не как убийство по неосторожности, а как умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах. Ему был вынесен смертный приговор, который был приведен в исполнение в течение месяца.

Даже по официальным данным следственных органов, у 10 из 53 лиц, приговоренных к расстрелу Лебапским велаятским судом за январь-октябрь 1997 г., отягчающие обстоятельства совершения преступлений отсутствовали.

Аналогичная ситуация имеет место и в других велаятах Туркменистана.

Так, согласно информации туркменского правозащитника Д.Киясова, в 1996 г. был приговорен к смертной казни житель бывшего колхоза "Беркарар" Тахтинского района Ташаузского велаята Мухаметмурат Непесов. Вечером 15 апреля 1996 г. Непесов, встретив знакомых с охотничьим ружьем, в ходе осмотра оружия нечаянно выстрелил, в результате чего один человек погиб. Следственные органы обвинили Непесова в умышленном убийстве. Семья

осужденного (жена, двое детей и родители-инвалиды) остались без средств к существованию.

В Туркменистане известны даже отдельные случаи ужесточения (задним числом) ранее вынесенных приговоров. Например, по некоторым сообщениям, в г.Туркменбаши в 1997 г. был приговорен к расстрелу заключенный, бывший чабан, который в начале 90-х годов застрелил двух геологов, изнасиловавших его жену. Смертный приговор был вынесен ему, как утверждают, под давлением высокопоставленных родственников погибших геологов. К моменту вынесения нового приговора он уже более 6 лет находился в местах лишения свободы.

В ряде случаев существуют серьезные сомнения в отношении вины лиц, приговоренных туркменскими судами к "исключительной мере наказания".

Так, житель г.Ашхабада Дмитрий Михайлович Романов, проживавший по адресу: 9-й микрорайон, ул. Худайбердыева, д.68, кв.3, вместе с обвиняемыми по делу Афанасьевым, Рыбиным и Агапкиным был осужден по ст.157 ч.3 и ст.106, пп.1,6,8 за убийство вечером 28 ноября 1994 г. Аннанепесова Ю. и угон автомашины и приговорен к исключительной мере наказания. Угнанные "Жигули", принадлежащие Аннанепесову, на следующий день попали в аварию, находившийся за рулем мужчина бежал. 2 февраля 1995 г. четверо подозреваемых были арестованы. Старший следователь по особо важным делам прокуратуры г.Ашхабада С.Байлиев, избивая Д.Романова, заставил его подписать признание в соучастии в убийстве. 8 февраля 1995 г. Романов отказался от показаний. Мать осужденного С.Д.Романова в своем письме, направленном председателю Русской общины Туркменистана, пишет, что при вынесении приговора туркменский суд отказался принять во внимание то, что Романов отсутствовал в Ашхабаде в день убийства (он вернулся из России лишь 12 декабря 1994 г.) и то, что, согласно показаниям свидетеля автокатастрофы, сбежавший мужчина был в возрасте 40-45 лет, а ни один из арестованных не был старше 25 лет. Дальнейшая судьба Романова не ясна, известно лишь, что в 1996 г. приговор еще не был приведен в исполнение.

Случай с Д.Романовым показателен в том плане, что здесь при проведении следствия практиковались пытки (нередко они совершаются следственными работниками в особо жестоких формах). Вырванные путем пыток признательные показания в дальнейшем используются в качестве доказательств, в том числе и по "расстрельным" делам.

В 1995 г. туркменская служба Радио «Свобода» направила правозащитным организациям текст письма, полученного из Туркменистана, в котором подробно рассказывалось о том, как в ходе следствия в отношении Байрама Таганова, Байрамбая Курбанова и Байрама Кылычева, приговоренных по ст.106 (убийство) УК Туркменистана Ташаузским веляятским судом 2 сентября 1994 г. к смертной казни, для получения необходимых показаний применялись пытки. Так, подсудимому Б.Курбанову следователь Эсен Динмедов при участии двух других работников правоохранительных органов прижигал раскаленным предметом пятки ног, вонзал иглы в подногтевую ткань рук и ног, избивал и т.д. В течение нескольких дней подследственный содержался в камере без пищи и воды, следователь отказывался допустить к нему адвоката. Угрозы повторить пытки открыто звучали даже при проведении очной ставки, что было подтверждено на суде свидетельскими показаниями. Других подсудимых в ходе следствия также избивали и пристегивали наручниками к батарее. У Б.Кылычева в ходе избиений были выбиты пять

зубов. На суде Б.Курбанов продемонстрировал свои покалеченные ноги, на которых ногти "почти отваливаются". Родственники погибшей требовали от суда оправдания обвиняемых, однако им был вынесен смертный приговор. При рассмотрении кассационной жалобы Председатель Верховного суда Туркменистана на предложение отправить дело на доследование отреагировал словами: "Вы что, против указов Президента?", после чего приговор был утвержден.

Еще об одном вызывающем сомнения приговоре сообщает Информационный бюллетень Общества содействия соблюдению прав человека в Центральной Азии (1997 г., № 1-2). Речь идет о жителе Кизыл-Арвата Оразгельды Бозакове, осужденном Ахалским велаятским судом в начале 1995 г. по ст.15-106, ч.2 и ст.106, ч.4 и ч.6 УК Туркменистана. Бозаков был обвинен в убийстве кухонным ножом "с особой жестокостью" двух из трех братьев Овезовых, устроивших драку у него в доме. Адвокат Бозакова заявлял, что обвиняемый действовал в порядке самообороны. Объективное исследование обстоятельств дела было затруднено тем, что мать убитых являлась родной сестрой председателя суда г.Кизыл-Арвата Атамамедова, а судебно-медицинскую экспертизу проводил деверь сестры отца Овезовых - Мыратгельды Аннаев, что является нарушением действующих в Туркменистане уголовно-процессуальных норм. Апелляция, поданная на имя министра юстиции Туркменистана Т.Халлыева 18 января 1995 г., не рассматривалась до 20 октября 1995 г., хотя по закону Пленум Верховного суда Туркменистана должен ежеквартально собираться и рассматривать подобные спорные вопросы. 20 октября 1995 г. Пленум Верховного суда определил новый перечень лиц, которые являются родственниками, в число которых попал и М.Аннаев, проводивший судебно-медицинскую экспертизу по делу Бозакова. К этому времени, однако, смертный приговор в отношении Бозакова уже был приведен в исполнение.

1 апреля 1998 г. суд Марыйского велаята приговорил 30-летнего Андрея Воронина и Камала Непесова к смертной казни по обвинению в убийстве 3 августа 1998 г. директора санатория в г.Байрам-Али Караева. По сообщению родителей Воронина, их сын был арестован 6 августа 1997 г. В течение месяца он подвергался жестоким пыткам и побоям. Ему также угрожали арестом родственников и осуждением их на 15 лет за хранение наркотиков, которые "будут найдены" при обыске. 3 сентября 1997 г. Воронин подписал признание в совершении убийства. Позднее следователь Генеральной прокуратуры Туркменистана Мурат Аннамурадов обосновал непричастность Воронина к совершению преступления, но назначенный новый следователь с целью скорейшего завершения дела, находившегося на особом контроле руководителей силовых ведомств, "доказал" вину арестованных. Заявление Воронина и Непесова на суде о том, что их признания были подписаны под пытками и они не имеют отношения к убийству, не были приняты во внимание. Верховный Суд Туркменистана, рассмотрев кассационную жалобу, оставил приговор без изменений.

По мнению работников правоохранительных органов, с которыми беседовали авторы доклада, попадая на следственный конвейер по "расстрельному" делу, подозреваемый практически не имеет возможности доказать свою невиновность. Следствие - в традициях сталинской эпохи - ведется с обвинительным уклоном, для получения признательных показаний

практикуются пытки подозреваемых. Суды обычно полностью соглашаются с выводами следствия.

Показательно в этом плане, что, например, в 1996 г. судами Лебапского ваята вообще не было вынесено ни одного оправдательного приговора. В 1997 г. был оправдан лишь один человек - по делу об автомобильной аварии в Саятском этрапе.

Невозможность в законном порядке добиться справедливого рассмотрения уголовного дела, в том числе по "расстрельным" статьям, стала причиной следующей беспрецедентной акции.

30 января 1996 г. 14 "смертников", содержащихся в Ашхабадском СИЗО МВД, захватили двух заложников из числа конвоиров. В ходе переговоров, которые вел лично министр внутренних дел Туркменистана Курбан Касымов, заключенные заявили, что считают вынесенные им приговоры несправедливыми и "в связи с получением Туркменистаном статуса нейтрального государства и принятием страной международных обязательств по соблюдению прав человека" просят более объективно рассмотреть их дела. Уже на следующий день Верховный Суд и Генеральная прокуратура Туркменистана начали пересмотр дел 14 заключенных. О необходимости ревизии уголовных дел заявил сам глава государства Сапармурат Ниязов. В то же время информация об этом инциденте была сразу же засекречена туркменскими властями, опасавшимися негативных оценок ситуации в области прав человека в Туркменистане зарубежными СМИ.

Требование "справедливого пересмотра смертных приговоров" выдвигалось на первый план и участниками бунта 4 августа 1996 г. в СИЗО УВД Марыйского ваята, сопровождавшегося захватом заложников. В отличие от ашхабадского инцидента, завершение событий в Мары не было мирным. Согласно официальной информации, в ходе подавления беспорядков "один из бандитов, осужденный за контрабанду наркотиков в особо крупных размерах, покончил жизнь самоубийством", двое были убиты, трое - ранены, четверо - получили телесные повреждения⁹⁸. По неофициальной оценке, сделанной офицером охраны, пять человек погибли при штурме (в том числе организатор беспорядков, который был найден с перерезанным горлом), еще от 3 до 5 скончались от ран в последующие дни.

Смертные приговоры женщинам и иностранцам

В Туркменистане широко практикуется вынесение смертных приговоров в отношении женщин, что вызывает протесты международных правозащитных организаций. По оценкам авторов доклада, речь идет о нескольких десятках случаев в год. Из 11 приговоренных к смертной казни в Лебапском ваяте, чьи фамилии были упомянуты на страницах областной газеты "Лебапская правда" за 1997 г., трое - женщины. В январе 1998 г. "Международная Амнистия" распространила письмо, в котором перечислялись фамилии шести женщин-туркменок, приговоренных к смертной казни во второй половине 1997 г. и содержащихся в ашхабадском СИЗО.

Приговоры женщинам выносятся в основном в связи с их участием в незаконном обороте наркотиков. Во многих случаях, пытаясь заработать

⁹⁸ "Нейтральный Туркменистан" 7.08.1996.

несколько сот долларов, чтобы прокормить семью, женщины выступают в роли наркокурьеров, перевозя принадлежащий другим лицам "груз", что, по мнению туркменских судей, служит достаточным основанием для расстрела. Почти во всех случаях у приговоренных к смертной казни женщин остаются несовершеннолетние дети.

Туркменские суды также приговаривают к расстрелу граждан иностранных государств. В первую очередь, это - граждане Афганистана, участвующие в контрабанде наркотиков (например, дело Фариды Ахмада сына Дервиша Ахмада и Хабибулло Гулам Сахи, приговоренных 25 июля 1997 г. Ашхабадским городским судом к "исключительной мере наказания" по обвинению в транспортировке наркотиков).

В начале 1997 г. Лебапским велятским судом была приговорена к смертной казни гражданка Узбекистана Гульсара Химматовна Чаршанбиева, задержанная в августе 1996 г. при перевозке принадлежащих другому лицу 12 кг 390 г опиума в поезде Дейнау-Ташкент, следовавшем по территории южной части Лебапского ваята. Верховным судом Туркменистана прошение о помиловании, поданное Чаршанбиевой, было отклонено⁹⁹.

Существуют свидетельства, что в 1996 г. в Ашхабаде был расстрелян гражданин Молдовы.

Не исключено, что подобная судьба могла постигнуть и граждан других государств СНГ¹⁰⁰. При этом, по оценкам местных адвокатов, вследствие указанных выше недостатков туркменской судебной системы защита прав подсудимых и обвиняемых не обеспечивается в достаточной степени.

По информации, полученной авторами доклада, в отношении афганских граждан, причастных к наркоторговле, по крайней мере, с 1996 г. существует практика, когда фамилии задержанных наркодельцов передаются туркменскими властями представителям движения "Талибан", которые информируют туркменскую сторону о своем желании "получить назад" тех или иных граждан Афганистана. Представители туркменских спецслужб в неофициальных беседах выражали возмущение подобной практикой, санкционированной высшим руководством страны и фактически ведущей к освобождению от ответственности задержанных наркобизнесменов. По их словам, были случаи, когда выданные талибам афганские граждане через непродолжительное время вновь выступали активными участниками продаж крупных партий наркотиков, "проходящих" через территорию Туркменистана.

Осенью 1997 г. в г.Кушке были задержаны двое граждан Афганистана Джалил, сын Магтымкулы Пальвана, и Чары, сын Мейдана, а также несколько местных жителей. У членов преступной группы было изъято более 1 кг героина. Поскольку задержанные афганцы были связаны с руководством движения "Талибан", они через короткое время были освобождены по указанию президента Туркменистана, которого посетила делегация талибов. Что касается действовавших под руководством афганцев граждан Туркменистана, то они в

⁹⁹ "Лебапская правда" 17.04.1997.

¹⁰⁰ Смертный приговор, вероятно, будет вынесен гражданину России Сабиру Ибрагимовичу Аширову, задержанному 22 марта 1998 г. туркменскими правоохранительными органами по обвинению в убийстве. Ранее туркменские СМИ сообщали об арестах в поездах, следовавших транзитом через территорию Туркменистана, граждан Таджикистана (1997 г.) и России (1995 г.), перевозивших "особо крупные" партии наркотиков ("Туркменгундогары" 20.12.1997; "Нейтральный Туркменистан" 30.11.1996). О приговорах, вынесенных наркокурьерам, в печати не сообщалось.

настоящее время ожидают суда, и, по мнению следственных работников КНБ, скорее всего будут расстреляны.

В декабре 1997 г., по сообщениям иранской прессы, между властями Туркменистана и Ирана было достигнуто соглашение о выдаче Ирану в ближайшее время всех иранских граждан, находящихся в туркменских тюрьмах, включая приговоренных к смертной казни. Авторам доклада не удалось получить какой-либо информации о реализации этого соглашения.

Произвол правоохранительных органов

Официальная оценка ситуации

Вследствие отсутствия в Туркменистане демократических институтов и свободной прессы правоохранительные органы этой страны, наделенные широкими полномочиями, никак не контролируются обществом, что ведет к массовым нарушениям прав граждан.

Начиная с 1996 г. обеспокоенность массовыми злоупотреблениями работников правоохранительных органов высказывает даже президент Туркменистана. Так, 20 июня 1996 г., выступая на расширенном заседании Государственного совета по обороне и национальной безопасности, Сапармурат Ниязов заявил, что МВД "погрязло в должностных нарушениях, фактах превышения служебных полномочий, вопиющего несоблюдения законности". По оценке президента, милиция, фальсифицируя уголовные дела, создает видимость борьбы с наркобизнесом. С начала года 37 сотрудников милиции совершили уголовные преступления, включая особо тяжкие. В Ашхабаде зафиксировано пять групповых изнасилований, совершенных офицерами МВД. В Лебапском велаяте сотрудниками УВД "допускаются грубые нарушения дисциплины и законности", а сам начальник УВД замешан в случаях "недостойного личного поведения и превышения власти".

Не лучше положение и в прокуратуре, которая, по мнению Ниязова, "вообще забыла свою надзорную функцию". Большинство сотрудников прокуратуры, уволенных в первом полугодии 1996 г. за взятки, вновь были приняты в органы прокуратуры на новые должности.

В выступлении Ниязова 28 августа 1996 г. констатировалось, что "эпидемия взяточничества, мздоимства коснулась представителей практически всех ступеней судебной власти" "во всех велаятах страны".

Чистка правоохранительной и судебной систем, начатая летом 1996 г., продолжилась в апреле-июле 1997 г., но обе кампании, по оценкам местных наблюдателей, нисколько не изменили общую ситуацию с точки зрения соблюдения прав человека.

2 апреля 1997 г., выступая перед работниками Генеральной прокуратуры, президент Туркменистана подчеркнул, что для этого ведомства стало "нормой... привлечение к уголовной ответственности людей, не совершивших социально опасных деяний... Прокуратура... фактически переродилась в рутинное ведомство с питательной средой для совершения служебных и должностных преступлений".

На следующий день на совещании с руководителями правоохранительных ведомств президент Туркменистана отметил, что меры, принимаемые по реформированию силовых структур, не отвечают запросам сегодняшнего дня. Хотя проделанная работа "в определенной мере способствовала укреплению гражданского мира, согласия и стабильности", в настоящее время силовые ведомства "действуют нескоординированно"; "нормой стали коррупция, кумовство, семейственность, попустительство нарушениям служебного долга, сращивание с преступными элементами", пособничество дельцам наркобизнеса. Последнее имеет место практически в каждом ведомстве. В правоохранительных органах, особенно в региональных

структурах, немало случайных людей, не имеющих необходимых профессиональных и моральных качеств.

По мнению авторов доклада, приведенные выше оценки, высказанные президентом Туркменистана, достаточно ярко характеризуют положение в правоохранительных и судебных органах этой страны.

Следует отметить, что все сказанное об МВД, прокуратуре и судах, можно почти без изменений отнести и к Комитету национальной безопасности Туркменистана.

"Дефекты" правосудия

По мнению работников правоохранительных органов, с которыми беседовали авторы доклада, следствие в Туркменистане осуществляется, как правило, с обвинительным уклоном. В правоохранительных структурах, особенно в МВД, широко распространено "мнение", что если человек арестован, то он должен "сидеть" - вне зависимости от того, совершил он преступление или нет. Если арестованный освобождается (до решения суда или с оправдательным приговором), это считается серьезным упущением следствия.

Впрочем, как и в сталинское время, суды обычно полностью соглашались с выводами следственных органов. Оправдательные приговоры выносятся лишь в единичных случаях, а в некоторых веляятах вообще отсутствуют в отдельные годы¹⁰¹. Зато лишение свободы в качестве меры наказания используется в 70 процентах дел - что значительно выше, чем в европейских странах СНГ. Как следствие, тысячи невинных людей находятся в местах заключения.

Санкция на арест нередко выдается прокурорами с чрезмерной легкостью. В Лебапском веляйте после смены в 1997 г. руководства прокуратуры количество ежемесячно утверждаемых постановлений об аресте сразу возросло вдвое, что вызывает обеспокоенность даже самих прокурорских работников.

При анализе судебных приговоров во многих случаях не может не поражать явное несоответствие степени вины и суровости наказания. Например, 25 марта 1997 г. газета "Лебапская правда" в заметке под заголовком "Гуманизм - не всепрощение" сообщила читателям, что ранее судимый Анатолий Соснов получил пять лет лагерей за кражу... электрического счетчика. В конце 1997 г. на 12 лет лишения свободы был осужден житель г.Байрам-Али, у которого было изъято 1.7 г опия, причем какие-либо данные о причастности осужденного к наркоторговле в деле отсутствуют. Зато крупные коррупционеры, похитившие у государства миллионы долларов, во многих случаях по решению президента Туркменистана освобождались от уголовной ответственности, причем об этих решениях сообщалось публично.

Подобная практика работы туркменских правоохранительных и судебных органов в сочетании с их фактической неподконтрольностью обществу, по мнению авторов доклада, не только не способствует сокращению

¹⁰¹ Например, в 1996 г. судами Лебапского веляята вообще не было вынесено ни одного оправдательного приговора. В 1997 г. был оправдан лишь один человек - по делу об автомобильной аварии в Саятском этрапе.

преступности, но и создает широкие возможности для злоупотреблений и нарушений гражданских прав (см. ниже).

О несоответствии следственных материалов туркменских правоохранительных органов международным юридическим стандартам свидетельствуют многочисленные случаи отказов в выдаче в Туркменистан из-за рубежа обвиняемых по уголовным делам.

Например, в 1994-1997 гг. мотивированные отказы в выдаче обвиняемых по уголовным делам из России в Туркменистан имели место в отношении Н.Суюнова, А.Кулиева и др., при этом российские правоохранительные органы, проводя расследование, приходили к заключению об отсутствии в действиях, инкриминируемых названным лицам, состава преступления (см. раздел "Преследования по политическим мотивам").

В 1994 г. органами КНБ было возбуждено уголовное дело в связи с хищениями в особо крупных размерах (4,5 млн. долларов) в отношении бывшего заместителя хякима Ашхабада Виталия Гудановича, эмигрировавшего в Россию и имеющего двойное российско-туркменское гражданство. По запросу туркменских правоохранительных органов в 1995 г. Гуданович был задержан сотрудниками ФСК России, которые вскоре освободили его, не обнаружив в его действиях состава преступления. Тем не менее Туркменистану удалось добиться выдачи Гудановича у властей Украины, когда он в сентябре 1995 г. на короткое время въехал в эту страну, и в марте 1996 г. Верховный Суд Туркменистана приговорил его к 15 годам лишения свободы.

4 июля 1996 г. в Стамбуле турецкой полицией по запросу туркменских правоохранительных органов был арестован Сапармурат Иклымов, являвшийся в 1992-1994 гг. заместителем министра сельского хозяйства Туркменистана. КНБ Туркменистана обвинил Иклыпма, имеющего двойное российско-туркменское гражданство, в хищении в 1993 г. 1,55 млн. долларов. В августе Министерство юстиции Турции по настоянию адвоката Иклыпма направило запрос в Туркменистан с просьбой предоставить дополнительную информацию по вызывающему сомнения делу арестованного, в частности переслать копии контрактов, упомянутых в постановлении о предъявлении обвинения. Адвокат Иклыпма обратил внимание турецких официальных лиц также на то, что в запросе Генерального прокурора Туркменистана Б.Аширлиева от 10 мая 1996 г. утверждалось, что Иклымов находится в розыске со времени совершения им хищения, т.е. с 1993 г., в то время как в действительности до середины 1994 г. он продолжал оставаться заместителем министра сельского хозяйства Туркменистана. До конца года ответ получен не был, и 11 января 1997 г. Иклымов был освобожден из-под стражи без права выезда из страны. В течение последующих пяти месяцев туркменские власти продолжали настаивать на выдаче Иклыпма, не представляя турецким властям необходимых юридических документов¹⁰². В начале июня 1996 г. Иклыпму и его семье было предоставлено политическое убежище в Швеции.

4 апреля 1996 г. сотрудники КНБ Туркменистана арестовали в г.Душанбе (Таджикистан) воронежского бизнесмена Сергея Григоряна (примечательно, что к России за выдачей Григоряна туркменские власти не обращались). 6 июня

¹⁰² "Аргументы" туркменских властей следующим образом изложены в письме (от 4 мая 1996 г.) турецкого МИД в Министерство юстиции Турции: "Просим приостановить выезд из страны Ыклыпма С. в целях рассмотрения вопроса о его выдаче туркменской стороне. Этот шаг может благоприятным образом повлиять на торгово-экономические отношения двух стран".

1997 г. судебная коллегия по уголовным делам Ашхабадского городского суда приговорила С.А.Григоряна, обвиняемого по ст. 95 (хищение) и ст.15-77 ч.4 (приготовление к контрабанде) УК к 16 годам лишения свободы в ИТК усиленного режима с конфискацией имущества. Не вдаваясь в многочисленные детали этого объемного хозяйственного дела¹⁰³, отметим такие "погрешности" следствия и суда как отказ исправить очевидные арифметические ошибки, на которые указывал адвокат, использование в качестве основы обвинения устных показаний заинтересованных в деле лиц при отсутствии достаточных вещественных доказательств (по эпизоду подготовки контрабанды), отказ следователя в течение более полугода допустить адвоката Григоряна к материалам уголовного дела, отсутствие описи изъятых в фирме обвиняемого бухгалтерских документов и др. Выдвижение в отношении Григоряна обвинений по ст. 95 УК было произведено в нарушении ст.66 ч.1 минской конвенции стран СНГ "О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам", согласно которой выданное правоохранительным органам другого государства лицо не может быть (без согласия выдавшего государства) привлечено к ответственности за преступления, за которое оно не было выдано. 1 августа 1997 г. кассационная жалоба, поданная адвокатом Григоряна, была отклонена Верховным Судом Туркменистана.

Все перечисленные выше уголовные дела велись следственным отделом центрального аппарата КНБ, где уровень квалификации следственных работников и обеспечение оргтехникой¹⁰⁴ выше, чем в целом по стране. На основе этого нетрудно представить, какого рода обвинительные материалы служат в Туркменистане основой для вынесения большинства судебных приговоров.

Авторам доклада известны несколько случаев, когда органы КНБ в традициях сталинской эпохи пытались в обычных уголовных делах выискать политический подтекст - вплоть до подготовки преступниками террористического акта против главы государства. Например, в марте 1996 г. в Чарджоу были арестованы члены местной банды грабителей - трое русских парней в возрасте от 18 до 23 лет, вооруженных автоматом Калашникова и двумя пистолетами. Авторам доклада известно имя лишь одного из них - Михаила Урюпина. По имеющимся данным, в связи с тем, что арест произошел в день приезда в город президента Туркменистана, следствие в течение длительного времени пыталось обвинить членов банды в подготовке покушения на "Вождя туркмен".

Нарушения законности

Фабрикация уголовных дел, пытки, вымогательство и необоснованные задержания в рамках тех или иных санкционированных властями кампаний (борьба с проституцией, нарушениями тишины и др.) носят в Туркменистане массовый характер.

¹⁰³ Подробнее см. "Центрально-Азиатские страницы. Информационная сводка по Туркменистану" № 6,7,8.

¹⁰⁴ По рассказам работников правоохранительных органов, в велятских органах милиции и прокуратуры не только отсутствуют компьютеры и ксероксы, но не хватает даже обычной писчей бумаги.

Пытки

Ст.21 Конституции Туркменистана гласит: "Никто не может подвергаться пыткам, жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию". Ст.15 Уголовно-процессуального Кодекса Туркменистана запрещает "домогаться показаний... путем насилия, угроз и иных незаконных мер". На практике избиения и другие формы физического воздействия, в том числе в особо жестоких формах, широко практикуются туркменскими правоохранительными органами для получения необходимых показаний граждан.

В письме жителя г.Байрам-Али Баймурада Баймурадова, полученном туркменской службой Радио "Свобода" в июле 1995 г., автор, со слов туркменов и пуштунов, находившихся в реанимационном отделении местной больницы, сообщил о пытках, применяемых к подсудимым в городском отделении милиции. Упоминались такие "методы следствия" как вонзание игл в ногтевую ткань рук и ног, избиение резиновыми дубинками, сжатие плоскогубцами мужских половых органов и др.

Офицер милиции Марыйского ваята рассказал авторам доклада, что весной 1995 г. во время массовых арестов белуджей, предположительно причастных к наркоторговле, возглавлявший операцию заместитель министра внутренних дел Туркменистана генерал Амангельды Гельдыкурбанов лично демонстрировал своим офицерам, как надо избивать задержанных белуджей и выбивать у них необходимые показания.

В ежегодном докладе Госдепартамента США о ситуации в области прав человека сообщалось, что в июне 1995 г. арестованный в Ашхабаде гражданин Туркменистана, подозреваемый в передаче фальшивых денег, умер от побоев, причем официального расследования причин смерти не проводилось.

Весной 1996 г. туркменская служба Радио "Свобода" распространила текст двух писем, полученных из Туркменистана.

В письме из Мары сообщалось о самоубийстве бригадира тракторной бригады Давлета Ашырова, не вынесшего пыток, которым его подвергли в процессе следствия сотрудники милиции.

48-летний Ашыров, работавший в дайханском объединении "Тазе оба" Каракумского этрапа Марыйского ваята, в феврале 1996 г. показал двум незнакомым людям дом, хозяин которого (белудж) продавал трактор. После того как через несколько дней белуджа убили, Ашыров был арестован. Сотрудники милиции потребовали, чтобы он сознался в совершении убийства. При этом в течение 40 дней его пытали и били. "Пытки, которые они применяли, - пишет автор письма, - не использовали даже гестаповцы". В ходе "следствия" ему сломали ребро, отбили печень, били по пяткам, кололи иглками под ногти и др. С родственников за освобождение Ашырова милиционеры требовали сначала 200 тыс., потом 100 тыс. долларов. После угрозы кровной мести Ашырова отпустили домой на три дня под подписку о невыезде. Возвратившись домой, Ашыров продал мотоцикл, чтобы жена могла прокормить их шестерых детей, попрощался с семьей и застрелился из ружья на окраине села.

Письмо, в котором он описывает пытки и называет имена шестерых сотрудников милиции, доведших его до самоубийства, было в тот же день изъято милицией у его жены. Наказания виновных не последовало.

Автор другого письма (май 1996 г.) - житель Ашхабада - писал, что его соседа "недавно" задержала милиция на Текинском базаре, заявив, что он похож на наркомана. В Азатлыкском РОВД его сначала избили, потом подбросили в карман 2 г терьяка. Из-за его протестов по поводу этого его снова стали избивать, в том числе нанося удары по голове полуторалитровой пластмассовой бутылкой, наполненной водой. От побоев задержанный скончался в помещении РОВД.

По данным информационного бюллетеня Общества содействия соблюдению прав человека в Центральной Азии (1997 г., № 1-2), 1 октября 1995 г. в ходе ночного нападения на воинскую часть в г.Кизыл-Арвате были убиты два прапорщика и похищены несколько автоматов АКМ с боеприпасами. Вскоре был арестован дежуривший в тот день по части военнослужащий Суказов, который, после продолжительных избиений в СИЗО, сознался в совершении преступления. Спустя 10 месяцев - незадолго до начала судебного процесса над Суказовым - при попытке продажи похищенных автоматов в Марыйском велаяте были задержаны члены банды, организовавшие хищение. "Сознавшийся в преступлении" Суказов был освобожден следственными органами как невиновный. Этот случай примечателен еще и тем, что контроль за следствием осуществляли лично руководители МВД и КНБ Туркменистана.

В мае 1998 г. в правозащитные организации поступило письмо Павла и Галины Ворониных, проживающих в г.Байрам-Али по адресу: ул.Красноармейская (Милли Гошун), д.9. Их сын Андрей Воронин был задержан сотрудниками милиции 6 августа 1998 г. по подозрению в убийстве (см. раздел "Смертная казнь"). Задержанные вместе с А.Ворониным его знакомые "всю ночь простояли лицом к стене, заткнув уши пальцами, чтобы не слышать душераздирающих криков Андрея". Милиционеры сжимали пальцы задержанного плоскогубцами, вставляли раскаленный электропаяльник в задний проход "пока не пойдет пена изо рта" и др.

Различные случаи пыток также описаны в других разделах настоящего доклада.

Интервью, проведенные авторами с бывшими заключенными и лицами, находившимися под следствием, показывают, что практика избиений и пыток подследственных не претерпела изменений и в 1997-1998 гг. Информация о пытках, практикуемых работниками правоохранительных органов, ныне воспринимается в Туркменистане как нечто само собой разумеющееся. Общественное возмущение теперь вызывают лишь ситуации, когда пытки приводят к смертным случаям.

Например, в 1996 г. гражданин Туркменистана Евгений Морозов был приговорен к полутора годам лишения свободы по ст.158 УК. Он отбывал наказание в ИТК в г.Чарджоу (учреждение ЯХ 55/8). После объявления амнистии сотрудники ИТК потребовали от заключенного взятку за освобождение по амнистии в размере 100 тыс. манатов (менее 20 долларов). Морозов передал просьбу родственникам о передаче денег через другого заключенного, который освободился по истечении срока заключения. Последний, однако, присвоил переданные деньги. Сотрудники ИТК посчитав, что Морозов обманул их, подвергли заключенного продолжительному и жестокому избиению, от которого он скончался несколько дней спустя - практически сразу после освобождения по амнистии.

Случай с писателем и журналистом Евшаном Аннакурбановым в октябре-ноябре 1997 г. (см. раздел "Ограничения свободы печати, преследования журналистов") показывает, что пытки для получения признания вины используются даже в тех случаях, когда к уголовному делу привлечено общественное внимание за рубежом. По мнению авторов доклада, санкционировав без каких-либо колебаний решение о применении к Аннакурбанову физического насилия, руководство КНБ в очередной раз продемонстрировало открытое презрение к международному общественному мнению и показало, что ответственность за нарушение прав человека несут не только "отдельные офицеры" силовых структур, но и первые руководители соответствующих ведомств.

Впрочем, по рассказам работников правоохранительных органов г.Ашхабада, в ряде случаев сотрудники КНБ, "не желая пачкать кровью" стены ведомственного следственного изолятора, используют для незаконных методов допросов и убийств соответствующие учреждения МВД изолятор временного содержания (ИВС) на ул.Житникова и СИЗО-1.

В камере ИВС в конце августа 1997 г. погиб от "острой сердечной недостаточности" зам. начальника горотдела милиции. По мнению информированного источника, вероятно, он был забит до смерти сотрудниками КНБ, расследующими дело об убийстве летом 1996 г. подполковника Аманова, являвшегося юрисконсульту КНБ.

В начале декабря 1997 г. в СИЗО-1 МВД умерла при загадочных обстоятельствах бывшая сотрудница КНБ, занимавшаяся контролем за банковской сферой. Она вместе с другими сотрудниками КНБ организовала финансовую "пирамиду", которая обобрала население на полмиллиона долларов. Когда ее арестовали и стало ясно, что ей грозит большой срок заключения, она начала давать показания настолько обширные, что, по мнению информированных лиц, ее гибель напрямую связана с тем, что "у нее был слишком длинный язык". Как утверждают, в ее показаниях фигурирует имя полковника Б.Отузова, начальника следственного отдела КНБ, и других высокопоставленных офицеров этого ведомства, предположительно причастных к организации финансовой аферы.

По данным авторов доклада, работники правоохранительных органов, причастные к избиениям и пыткам, привлекаются к ответственности лишь в исключительных случаях¹⁰⁵. Большинство пострадавших боится обращаться с жалобами на незаконные действия работников правоохранительных органов. Не проводится должного расследования и случаев смертей подследственных и заключенных.

Житель г.Ташауза, начальник диспетчерской службы строительного объединения Худайшукур Каландаров, возмущенный применением "незаконных методов следствия" в отношении жителя того же веляята Турсуна Матязова, "буквально завалил президента и прокуратуру веляята телеграммами". За это в 1996 г. он был арестован и осужден на 2,5 года лишения свободы по обвинению в клевете и вмешательстве в работу

¹⁰⁵ Например, в июне 1997 г. были осуждены на 4 года усиленного режима милиционеры М.Дурдыкулиев и Г.Нурмамедов (г.Чарджоу), которые, находясь в штатском и во внеслужебное время, решили задержать показавшегося им подозрительным 16-летнего С.Тачмурадова. Когда Тачмурадов стал убегать от них, они догнали его и жестоко избили ("Лебапская правда" 12.06.1997).

правоохранительных органов. Хотя сразу после вынесения приговора Каландаров был амнистирован, органы юстиции получили возможность в дальнейшем игнорировать его заявления как человека, имеющего судимость за клевету на правоохранительные органы¹⁰⁶. Анонимный автор статьи в журнале "Центральная Азия", в которой первоначально была описана эта история, в 1997 г. в личной беседе подтвердил авторам доклада достоверность изложенных фактов.

Фабрикация уголовных дел, вымогательство

20 июня 1996 г., выступая на расширенном заседании Государственного совета по обороне и национальной безопасности, президент Туркменистана Сапармурат Ниязов прямо обвинил органы МВД в массовой фабрикации уголовных дел и привлечении к уголовной ответственности сотен невиновных людей. По его словам, в первой половине 1996 г. имели место свыше 500 случаев, когда милиционеры подбрасывали небольшое количество опия уличным торговцам, и затем по 2-3 месяца держали их в СИЗО, вымогая деньги за освобождение.

Один из таких случаев вскоре стал известен авторам доклада. 5 апреля 1996 г. сотрудниками Ниязовского РОВД г.Ашхабада были задержаны двое молодых русских парней. В помещении РОВД после избиения милиционеры подбросили в карман одного из них - 1 г терьяка (опия), другого - 13 г гашиша. Начальник районного уголовного розыска потребовал от них за освобождение и прекращение уголовного дела 2000 долларов.

По мнению сотрудников туркменских правоохранительных органов, с которыми беседовали авторы доклада в 1997-1998 гг., практика подбрасывания наркотиков работниками милиции в карманы и сумки задержанных продолжает оставаться широко распространенной. Один из работников прокуратуры заявил, что когда в следственных делах в качестве обвинительных материалов фигурирует небольшое количество наркотиков, то на 90% - это "подстава", зачем-то нужная следователям, ведущим дело. Если задержанному с небольшим количеством наркотиков лицу во время следствия переквалифицируют статью - значит наркотики были ему подброшены с вероятностью почти 100 процентов. По мнению того же источника, не менее четверти арестованных "за наркотики" являются жертвами провокации со стороны правоохранительных органов.

Фабрикация уголовных дел, связанных с наркотиками, широко практикуется и для борьбы с т.н. "уголовными авторитетами". Некоторые из них демонстративно ходят с зашитыми карманами - все равно наркотики им подбрасывают, обнаруживая их при обысках в машинах или жилых помещениях.

Обратной стороной массовой фабрикации уголовных дел следственными органами является широкое распространение коррупции во всех звеньях туркменской правовой системы. За последние годы сложились даже устойчивые тарифы - как за переквалификацию дела по более легкой статье, так и за пересмотр приговора. Как утверждают, средний тариф составляет 1000 долларов за каждый год лишения свободы. Если освобождение заключенного в отдельных случаях невозможно по формальным причинам, за деньги составляется фиктивный акт о его смерти, а сам заключенный получает свободу

¹⁰⁶ "Центральная Азия", 1996, № 4.

и новые документы, выданные органами милиции. Официально зафиксировано уже несколько таких случаев. Как образно сказал один из бывших туркменских зеков, "за доллары в зонах и СИЗО сегодня можно сделать все, кроме освобождения политических /заключенных/, судьбу которых определяет лично президент".

Борьба с проституцией и "нарушениями тишины"

Массовые нарушения прав граждан со стороны милиции имели место в ходе кампаний борьбы с проституцией и "нарушениями тишины" в декабре 1996 г. - январе 1997 г.

В декабре 1996 г. по просьбе представителей мусульманского духовенства Административный кодекс Туркменистана был дополнен новыми статьями, включая статью "Нарушение тишины". Президент Туркменистана публично объявил, что отныне музыка может играть на улицах лишь до 23 часов и личным распоряжением запретил продажу в стране хлопушек и взрывпакетов.

Контроль за реализацией указаний Ниязова был возложен на Министерство внутренних дел, которое, по сообщениям из Ашхабада, развернуло широкомасштабную кампанию, далеко выходящую за рамки первоначального замысла. Начиная с 30 декабря 1996 г. столица Туркменистана в вечерние часы оказалась буквально наводненной милицейскими патрулями и военнослужащими внутренних войск. Сотни жителей, задержавшихся в гостях или вышедших после 23 часов за сигаретами к ближайшему коммерческому киоску, были задержаны за... "нарушение тишины" или просто для выяснения целей нахождения на улице в позднее время.

Число задержаний резко увеличилось после того, как 9 января 1997 г. на расширенном заседании Кабинета Министров Сапармурат Ниязов обрушился с резкой критикой на руководителей системы образования и правоохранительных органов за их неспособность остановить "падение нравственных устоев" молодых туркменок, среди которых широко распространилась проституция. Глава государства призвал активизировать борьбу с этим "позорным явлением" и установить жесткий контроль за поведением учащейся молодежи, причем проживающей не только в общежитиях, но и на квартирах.

15 января 1997 г. сессия Меджлиса Туркменистана приняла поправки и дополнения к Административному и Уголовному кодексам Туркменистана, предусматривающие усиление ответственности за занятие проституцией, организацию притонов, сводничество и т.п. Впервые эти деяния были квалифицированы как уголовные преступления с максимальным наказанием от 2 до 8 лет лишения свободы, а "вступление в половую связь с лицом, занимающимся проституцией" - как административное правонарушение.

По рассказам очевидцев, в середине января 1997 г. в Ашхабаде в вечерние часы (начиная с 22 часов) происходили настоящие облавы. Рестораны по требованию милиции стали закрываться раньше обычного. На одной из дискотек за полчаса до наступления "запретного часа" милиция задержала всех лиц женского пола с целью постановки их на учет как потенциальных правонарушителей. Сотни мужчин и женщин, прогуливавшихся вечером по улицам города, были задержаны по подозрению в занятии проституцией, сутенерстве или "вступлении в половую связь с проституткой" (в соответствии с новой редакцией ст.254 ч.4 Административного кодекса). Мужчина, шедший в

ночное время с двумя девушками, однозначно оценивался правоохранительными органами как сутенер¹⁰⁷. У большинства задержанных работники милиции вымогали деньги за освобождение. Сопротивлявшихся или оказавшихся на улице без документов зачастую избивали. По некоторым данным, в числе других задержанных оказались гражданка США, работавшая в американском посольстве, и афганский дипломат. Располагающие деньгами иностранцы в эти дни вообще были "желанными гостями" в отделениях милиции, средняя заработная плата сотрудников которых равнялась стоимости двух обедов в ресторане. Иностранцев задерживали не только на улицах, но и в личных машинах, если в салоне автомобиля вместе с мужчиной находилась женщина.

Протесты иностранных посольств вынудили Сапармурата Ниязова лично вмешаться в происходящее. 23 января 1997 г. он вынужден был провести специальное совещание с руководителями хякимлика и правоохранительных органов г.Ашхабада, на котором потребовал "тщательно продумывать" формы и методы борьбы с правонарушителями, "воздерживаться от применения мер принуждения", поскольку в последнее время "допускаются действия, выходящие за рамки законности". Случаи, "когда в Ашхабаде приняли решение ограничить время работы ресторанов, когда без должных оснований применяют санкции задержания всех подряд", когда "работники милиции зачастую превышают свои полномочия в вопросах, связанных с проживанием в городе иностранных граждан", Ниязов назвал "вопиющими фактами беззакония". Авторам доклада остается только присоединиться к этой оценке.

После выступления главы государства массовые задержания подозреваемых "в безнравственном поведении" были прекращены. В то же время события января 1997 г. наглядно показали, что действующая в Туркменистане правовая система не обеспечивает должной защиты прав граждан, а указания политического руководства страны нередко выполняются правоохранительными органами без какой-либо оглядки на законность.

¹⁰⁷ "Вечерний Бишкек" 31.01.1997.

Условия содержания заключенных в тюрьмах и лагерях

Общие сведения о местах заключения

СМИ Туркменистана не публикуют каких-либо сведений о следственных изоляторах, тюрьмах и исправительно-трудовых колониях (название, месторасположение, число заключенных, условия содержания и др.). Даже бунты заключенных лишь в исключительных случаях упоминаются на страницах газет.

Осенью 1995 г. в "Информационной сводке по Туркменистану № 2", выпускаемой московской группой "Центрально-Азиатские страницы", был впервые опубликован список мест лишения свободы и колоний поселений, находящихся в ведении МВД Туркменистана (см. ниже). Согласно этим данным, полученным от работника МВД Туркменистана, летом 1995 г. в 14 исправительно-трудовых колониях и колониях-поселениях отбывали наказание более 20 тыс. заключенных. Еще около 2500 чел. находились в пяти следственных изоляторах МВД. Тот же источник сообщил, что "в настоящее время в центральных Каракумах ведется строительство колонии особого режима на 1,5 тыс. чел., куда планируется перевести ИТК-10".

Следственные изоляторы (СИЗО)

№	Название	Месторасположение	Число подследственных
1.	СИЗО-1	г.Ашхабад	ок. 800 чел.
2.	СИЗО-2	г.Туркменбаши	ок. 350 чел.
3.	СИЗО-4	г.Ташауз	ок. 500 чел.
4.	СИЗО-5	г.Мары	ок. 400 чел.
5.	СИЗО-6	г.Чарджоу	ок. 400 чел.

Исправительно-трудовые колонии (ИТК)

№	Название	Месторасположение	Режим	Число заключенных
6.	ИТК-1	г.Безмейин	усиленный	ок. 2500 чел.
7.	ИТК-3	пос.Сейди	колония-поселение	ок. 1000 чел.
8.	ИТК-4	г.Туркменбаши	тюремный	ок. 1000 чел.
9.	ИТК-5	пос.Сейди	строгий	ок. 3000 чел.
10.	ИТК-6	г.Мары	строгий (*)	ок. 800 чел.
11.	ИТК-7	г.Байрам-Али	усиленный	ок. 3000 чел.
12.	ИТК-8	г.Чарджоу	строгий	2,5-3 тыс. чел.
13.	ИТК-9	г.Ташауз	общий (**)	450-500 чел.
14.	ИТК-10	г.Теджен	особый	1.5-2 тыс.чел.
15.	ИТК-12	пос.Сейди	общий	ок. 2000 чел.
16.	ИТК-13	г.Теджен	колония-	400-500 чел.

			поселение	
17.	ИТК-14	г.Байрам-Али	общий (***)	ок. 800 чел.
18.	ИТК-15	г.Чарджоу	колония-поселение	300-400 чел
19.	ИТК-16	г.Туркменбаши	колония-поселение	ок. 500 чел.

* В зоне расположена туберкулезная больница для заключенных.

** Колония для женщин, данные на август 1997.

*** Колония для несовершеннолетних.

Опрос некоторых граждан Туркменистана, находившихся в середине 90-х годов в местах лишения свободы, подтвердил общую достоверность приведенного выше списка.

В июне 1997 г. была открыта новая ИТК усиленного режима для бывших работников правоохранительных органов, расположенная в пос.Акдаш близ г.Туркменбаши. На 1 января 1998 г. в ней содержалось около 340 заключенных.

Вероятно, еще одна или две новых ИТК были открыты в 1996 году¹⁰⁸.

За последние годы число заключенных в некоторых ИТК и СИЗО увеличилось - в сравнении с оценками, приведенными в таблице. Например, в ИТК-6 в пос.ГРЭС под г.Мары в 1997 г. содержалось около 1000 зеков, в ИТК-8 летом 1996 г. - 3800. Женская ИТК-9, наоборот, значительно "разгрузилась": весной 1997 г. в ней находились 223 заключенные, а начиная с июня около 80 из них были освобождены по амнистии¹⁰⁹. В ИТК-4 на начало 1998 г. содержалось около 850 зеков (не считая подследственных), что примерно соответствует уровню 1995 г.

В середине 1997 г. нумерация части ИТК и СИЗО была изменена, подробной информацией о новой нумерации авторы доклада не располагают.

Несмотря на почти ежегодно проводимые амнистии¹¹⁰, общее число заключенных в последние годы остается относительно постоянным, составляя около 25 тыс. чел. (для сравнения: в 1986 г. в Туркмении было "всего" около 12 тыс. заключенных).

В январе 1998 г. работник Верховного Суда Туркменистана, сообщил, что более 7000 чел., которые подпадут под амнистию, приуроченную ко дню рождения президента Сапармурата Ниязова, составляют примерно 30 процентов общего числа заключенных, что подтверждает приведенную выше количественную оценку.

Эмигрантские источники нередко называют чрезмерно завышенные цифры количества заключенных в Туркменистане. Так, в "Информационном бюллетене" Общества содействия соблюдению прав человека в Центральной Азии (1996 г., № 7-8) утверждалось, с ссылкой на августовскую передачу

¹⁰⁸ В частности, имеются сообщения эмигрантских источников об открытии новых ИТК в районе поселков Кызыл-Кая и Гоурдак, однако подтвердить эту информацию до настоящего времени не удалось.

¹⁰⁹ По информации ташаузского экологического бюллетеня "Витамин Ы", 1997, № 3.

¹¹⁰ По официальным данным, за 1992-1995 г. в Туркменистане по амнистии были освобождены около 7 тыс. заключенных, а в начале 1996 г. - еще от 3 до 4 тысяч ("Нейтральный Туркменистан" 15.01.1996). В 1997 г. в ходе восьмой за годы независимости амнистии, объявленной 20 июня, были освобождены 1333 человека, у 510 - сокращены сроки заключения, 222 смертная казнь заменена лишением свободы на срок от 10 до 20 лет.

туркменской службы Радио "Свобода", что в местах лишения свободы в Туркменистане содержится 157 тыс. заключенных. Там же сообщалось, что в пос.Кызыл-Кая "год назад" была введена в строй новая "тюрьма" (?), узники которой заняты на добыче урановой руды, экспортируемой в Иран. По мнению авторов доклада, приведенная цифра является абсолютно неправдоподобной. Кроме того, факт разработки урановых рудников в районе Кызыл-Кая был в неофициальном порядке опровергнут компетентными лицами.

Помимо учреждений системы МВД Туркменистана, в Ашхабаде имеется СИЗО КНБ, данными о числе подследственных в котором авторы доклада не располагают.

Положение заключенных в СИЗО и ИТК

В целом, можно констатировать, что условия содержания подследственных и заключенных во всех туркменских СИЗО и ИТК очень плохие. Основные проблемы: переполненность мест заключения (численность зеков за 10 лет возросла в 2 раза, новые ИТК почти не строились); катастрофическая нехватка продуктов питания и их низкое качество; отсутствие медикаментов и лечения; антисанитария; распространение эпидемических заболеваний (дизентерия, туберкулез, чесотка).

Данные по отдельным "зонам" и СИЗО свидетельствуют, что в настоящее время для Туркменистана является нормой 4-х кратное переполнение пенитенциарных учреждений в сравнении с проектными расчетами. Например, по сообщению одного из бывших заключенных, в Чарджоуской ИТК-8 строгого режима, рассчитанной на 980 чел., в 1996 г. содержалось 3800 заключенных. Аналогичные пропорции по другим "зонам" называют зеки, освободившиеся в 1997-1998 гг. (СИЗО в Мары, Ашхабаде, обе ИТК в г.Туркменбаши и др.).

Особенно тяжелая обстановка вследствие "перенаселенности" сложилась в СИЗО, где заключенные длительное время находятся в переполненных крытых камерах. Летом среднесуточная температура здесь держится на уровне +40 градусов по Цельсию, ощущается острая нехватка воздуха, который приходится "покупать" у охраны: давать деньги, чтобы на время она открыла дверь в камеру - подышать. Тяжелые условия содержания вызвали несколько попыток восстаний заключенных СИЗО, которые были жестоко подавлены (см. ниже).

В лагерях обстановка несколько лучше, чем в СИЗО, однако тяжелые условия существования в течение продолжительного времени также приводят к достаточно высокой смертности среди заключенных. Широкое распространение имеют различные заболевания, в первую очередь туберкулез. Лечение больных фактически не осуществляется.

Заключенные повсеместно голодают. В специальном докладе "Международной Амнистии", датированном мартом 1996 г., отмечалось, что в начале 1995 г. в ИТК в г.Байрам-Али и г.Чарджоу из-за нехватки пищи заключенные ели бездомных кошек и собак. В письме жителя г.Байрам-Али Баймурада Баймурадова, полученном в июле 1995 г. туркменской службой Радио "Свобода", также сообщалось об использовании заключенными в пищу кошачьего мяса, кроме того, автор пишет, что ему известны случаи каннибализма. С тех пор ситуация мало изменилась. По рассказам бывшего

заключенного, в конце 1997 г. в Красноводской тюрьме труп кошки "стоил" 35 тыс. манатов (6,5 долларов), пиала риса - 40 тыс., головка чеснока - 20 тыс. У тюремной охраны существовали неофициальные "стандартные расценки" и на другие продукты питания.

Из-за переполнения ИТК заключенные в ряде случаев не помещаются в бараки и вынуждены круглосуточно находиться на улице. Летом они страдают от жары и солнечных ударов, зимой - от холода.

Персонал пенитенциарных учреждений Туркменистана в массе коррумпирован, за деньги заключенным неофициально предоставляется широкий спектр "услуг": от наркотиков и женщин до возможности перевода в больничную зону (существует такса как за перевод в "больничку", так и за каждую неделю нахождения в ней).

Иногда "платные услуги" навязываются персоналом ИТК. Например, в январе 1998 г. во время сильных морозов богатые, но физически слабые заключенные были вынуждены платить охране по 200 долларов за получение постоянного места в бараке (по сообщениям из "зон" в Безмеине и Мары).

Вот как описывает порядки в привилегированной "ментовской зоне" близ г. Туркменбаши бывший заключенный, освободившийся в начале 1998 г.

"Живут все в одном бараке. Комнаты рассчитаны на 4 человек, но так живут только те, кто может за это платить. Всех остальных набивают в такую же комнату по 20-35 человек.

Передачи и свидания официально регламентируются старыми уголовно-процессуальными нормами советского времени. В действительности за деньги можно получить все, что хочешь: свидания, любые передачи, включая алкоголь и наркотики. В зоне широко распространены героин и опиум. Длительные свидания - на 2 суток стоят 100 тысяч манатов (около 19 долларов). Под Новый год, правда, цена доходила до 50 долларов. За передачу берут 20 тысяч манатов. "Свидание" на одну ночь с женщиной - 100 долларов (не считая гонорара). Сотрудницы ИТК подрабатывают, торгуя собой.

Основные болезни заключенных - кожные, например, чесотка. У новоприбывших из-за плохой воды - повальная дизентерия. Туберкулезных больных относительно мало - это заболевание больше распространено у обычных уголовников. Вместе с нормальными содержатся психически больные люди".

Ситуация в СИЗО МВД № 1

Особенно тяжелая ситуация сложилась в Ашхабадском СИЗО МВД. В 1996 г. туркменская служба Радио "Свобода" распространила текст письма бывшего заключенного Мурата Аннагулыева, содержащий подробное описание условий содержания в этом СИЗО.

Здание СИЗО имеет два этажа. На первом этаже в камерах, рассчитанных на 6 чел., содержатся по 30 чел. Большинство арестовано за воровство или наркотики. На втором этаже в аналогичных камерах сидят по 5-6 человек, которых заключенные называют "банкирами". Еду и чистое белье "банкирам" приносят из дома. За право находиться в "привилегированных" условиях "банкиры" летом 1995 г. платили по 20 тыс. манатов (100 долларов) в месяц. Однако в случае задержки с оплатой они переводились в камеры на первом этаже.

Заключенные первого этажа вынуждены платить охране за получение

передач от родственников. Передача обычно включает буханку хлеба, дыню, две пачки сигарет. При этом помимо денег охрана забирает половину переданных продуктов.

"В СИЗО продают даже глоток свежего воздуха, - сообщает автор письма. - В жаркие летние дни в непроветриваемых помещениях стоит ужасный смрад от потных человеческих тел... Сердечники, астматики, да просто престарелые люди задыхаются. Но подходить к окну или двери запрещено. За ослушание избивают или не выводят в туалет. При этом сокамерники предпочитают, чтобы провинившегося избили, чем лишили туалета, ведь никому не хочется, чтобы в душной камере кто-то еще справлял свою нужду. Многие не выдерживают, орут и в конце концов вынуждены платить охраннику за то, чтобы он открыл дверь и пустил в помещение свежий воздух". За то, чтобы дверь в камеру была приоткрыта на одну минуту, заключенные платят охране 1000 манатов (5 долларов по курсу лета 1995 г.).

В процессе следствия заключенных непрерывно избивают, требуя назвать имена соучастников (обычно человек называет своих друзей или незнакомых лиц, фамилии которых ему сообщает следователь), которые после этого подвергаются милицейскому рэкету. Если они отказываются платить, их также подвергают аресту.

В 1997 г. ситуация не изменилась. По данным сотрудника охраны Ашхабадского СИЗО, за лето 1997 г. от удушья и инфарктов умерло 72 человека (официальный диагноз - "сердечная недостаточность"), включая граждан Афганистана, привычных к жаркому климату. Родственники заключенных сообщали, что за передачу заключенному надо заплатить 50 тыс. манатов, за свидание - 100 тыс.

Заключенные продолжают подвергаться жестоким избиениям со стороны тюремной охраны, нередко приводящим к смертным случаям или самоубийствам. В начале года в ночь 26 на 27 февраля 1997 г. в знак протеста против невыносимых условий содержания 12 заключенных предприняли коллективную попытку совершить самоубийство путем повешения, лишь 4 из них удалось спасти. По некоторым данным, этих молодых парней (в возрасте от 20 до 35 лет) сотрудники правоохранительных органов использовали в качестве "живых манекенов" для отработки силовых приемов. Тела умерших не были выданы родственникам. Известно имя одного из них (Мередгельды Курбанова), до ареста проживавшего в Ашхабаде на ул.Осипенко.

В марте 1997 г. в СИЗО-1 повесился (согласно официальной версии) Аннагулы Курбанов, до ареста проживавший в Ашхабаде на ул.Челябинская. Когда родственники готовили тело для захоронения, они обнаружили "сплошные синяки и переломы конечностей". Курбанов был задержан по "расстрельной" ст.257 УК (наркотики). Сотрудники правоохранительных органов потребовали за его освобождение "выкуп" в 25 тыс. долларов. Родственники смогли собрать лишь 20 тыс. долларов, продав дом и переехав в деревню Чоганлы. Но эта сумма не удовлетворила следователей.

В начале сентября 1997 г. в СИЗО погибли двое заключенных из хозобслуги. Из-за халатности зам. начальника СИЗО по хоз. части, их засыпало землей, когда они ликвидировали подкоп, вырытый заключенными-

смертниками для совершения попытки побега (неудавшейся).

Невыносимые условия содержания под стражей стали причиной бунта заключенных СИЗО-1 летом 1995 г.

Волнения начались 13 июля 1995 г. Как сообщил очевидец, причиной бунта стали невыносимые условия содержания под стражей. В камерах, рассчитанных на 8 человек, содержалось до 40-50 чел. В условиях июльской жары в переполненных камерах многие заключенные испытывали кислородное голодание. Для подавления бунта ночью в СИЗО был введен ОМОН. Заключенные подверглись жестокому избиению. В качестве одной из мер наказания были закрыты дверные "кормушки", через которые в камеры поступали дополнительные порции свежего воздуха. В результате в течение нескольких часов были зафиксированы многочисленные случаи смертей от побоев и удушья. Один из очевидцев утром следующего дня лично видел не менее 10 трупов. По словам бывшего заключенного, опрошенного авторами доклада, всего в ходе подавления беспорядков погибло 37 человек¹¹¹.

17 августа 1995 г. московская газета "Коммерсантъ-Daily" сообщила читателям, что "в начале августа в спецблоке для особо опасных преступников СИЗО № 1 МВД Туркмении произошли волнения заключенных, переросшие в бунт. Причиной тому явились условия содержания в этом изоляторе, где люди в буквальном смысле слова задыхались от жары в переполненных и непрветриваемых камерах. Несколько человек умерли". "Для подавления беспорядков было вызвано подразделение местного ОМОНа, в результате "решительных" действий которого... погибли 27 человек. При этом ОМОНовцы ... огнестрельного оружия не применяли, а использовали только спецсредства". Хотя в газетной публикации указывалось, что это - вторые волнения в ашхабадском СИЗО МВД после аналогичных событий в июне-июле 1995 г., по мнению авторов доклада, не исключено, что в действительности речь в публикации шла об июльских волнениях, информация о которых попала к российскому корреспонденту позднее и была неверно им датирована. В подтверждение этого предположения говорит то, что никто из арестованных участников демонстрации 12 июля 1995 г. не рассказывал об августовском бунте в СИЗО, в то время как июльские события описываются ими достаточно подробно.

СИЗО КНБ

СИЗО КНБ Туркменистана (т.н. "внутренняя тюрьма") располагается на территории, занимаемой комплексом КНБ в Ашхабаде. Здание СИЗО имеет 2 этажа и подвал, в котором размещаются душевая и кухня. Начальником изолятора с марта 1996 г. является подполковник Аман Кулиев.

Хотя СИЗО КНБ также переполнено (в камерах СИЗО содержатся до 40 и более человек - в основном участники крупных дел по транзиту наркотиков), положение заключенных здесь считается более благоприятным, чем в аналогичном учреждении МВД Туркменистана. Есть и "малонаселенные" камеры с 2-3 подследственными - своеобразный "люкс". Когда в изоляторе скапливается большое число подследственных, "старичков" переводят в СИЗО МВД. Кроме того, в СИЗО МВД передают "полутрупы" - людей больных или тех, чьей смерти можно ожидать в ближайшем будущем - сердечников,

¹¹¹ Эмигрантский оппозиционный журнал "Туркмен или" за октябрь-декабрь 1996 г. называет цифру 23 погибших.

язвенников, туберкулезных больных и т.п. За счет этого достигаются значительно меньшие показатели смертности.

Как сообщают, с весны 1997 г. в СИЗО КНБ введен более мягкий режим приема продуктовых передач - теперь это можно делать еженедельно. Смягчение режима вызвано обострившейся проблемой обеспечения заключенных продуктами питания.

Условия содержания в психиатрических больницах

Система учреждений стационарной психиатрической помощи в Туркменистане включает в себя Центральную клиническую больницу психиатрической помощи (ЦКБ) в Ашхабаде (содержание и экспертиза арестованных по уголовным делам), две специальные психиатрические больницы (ПБ) в пос.Геок-Тепе (под Ашхабадом) и пос.Кызыл-Кая (Балканский велаят) и велаятские психоневрологические диспансеры.

Люди, побывавшие в психиатрических больницах независимого Туркменистана, однозначно определяют условия содержания как "ужасные".

В Геок-Тепинской ПБ больные зимой содержатся в одноэтажных глиняных бараках, без централизованной канализации и водоснабжения при печном отоплении, а летом круглые сутки проводят под навесом во дворе, причем далеко не все могут укрыться под ним от палящего солнца. Почти полностью отсутствуют медикаменты и медицинское оборудование, не хватает постельного белья. Ощущается острая нехватка продуктов питания, особенно витаминов и мяса. Заключение вынуждены обрывать листву с деревьев, чтобы восполнить недостаток витаминов в организме. Имеет место "жуткая антисанитария", которая приводит к многочисленным заболеваниям (дизентерия, чесотка, вши). Баня бывает не чаще одного раза в 10 дней (иногда - раз в месяц). Заключение заставляют протирать кожу дихлофосом, чтобы уничтожить вшей, но это не помогает (подробнее о ситуации в Геок-Тепе см. Приложение № 4).

ПБ в Кызыл-Кая является, по рассказам, "самой страшной". Она находится вблизи заброшенных урановых месторождений и пользуется в Туркменистане "дурной славой", поскольку люди оттуда "не возвращаются". В Кызыл-Кая отправляют обычно тех больных, от которых отказались родственники, или тяжелобольных, на которых врачи "поставили крест".

Имеются свидетельства, что в 1996 г. молодой пациент (русский) совершил побег из этой ПБ. Пройдя по пустыне около 60 км, он рассказал местному чабану, у которого ненадолго получил укрытие, о чудовищных условиях содержания больных. Позднее он был обнаружен и возвращен к месту "лечения".

В конце 1996 г. ПБ в Кызыл-Кая посетила комиссия Министерства здравоохранения Туркменистана, которая констатировала ужасные условия содержания больных, в том числе катастрофическую нехватку воды и продуктов питания, и приняла решение о переводе ПБ осенью 1997 г. в пос.Акдаш (под Красноводском). Информацией о том, что это решение выполнено, авторы доклада не располагают.

Психоневрологические диспансеры, предназначенные для диагностики и лечения психически больных людей (не привлекающихся к уголовной ответственности), существуют в каждом велаятском (областном) центре. До 1993-1994 гг. в этих же диспансерах осуществлялось лечение наркоманов и алкоголиков (теперь для них созданы специальные наркологические диспансеры).

По информации одного из сотрудников наркологического диспансера в г.Небит-Даге, врачи не могут предложить больным ни медикаментов (которые полностью отсутствуют), ни ухода и заботы, ни даже полной изоляции

(наркотики, например, можно купить, не выходя из палаты). Единственное лекарство, которое применяется - сульфазин - крайне болезненное средство, изготавливаемое кустарным способом из смеси серы и масла, которое "колят" наркоманам не только в целях терапии, но и в качестве наказания за проступки или "для острастки", что причиняет больным дополнительные жестокие страдания. Использование сульфазина медицинским персоналом во многих случаях никак не регистрируется.

О наказаниях посредством использования медикаментозных средств сообщают и пациенты ПБ. Примечательно, что ст.10 Закона Туркменистана "О психиатрической помощи", принятого 1 октября 1993 г., прямо запрещает такую практику: "Медицинские средства и методы... не должны использоваться для наказания лица, страдающего психическим расстройством, или в интересах других лиц".

Впрочем, большинство положений этого закона, особенно касающихся многочисленных прав больных, воспринимается в туркменских медицинских учреждениях как "плохой анекдот".

Условия содержания больных в стационарных психиатрических лечебных заведениях Туркменистана имеют тенденцию к ухудшению. При этом каких-либо мер по исправлению создавшейся ситуации туркменские власти не предпринимают.

Применение психиатрии в политических целях

Туркменистан является единственной страной в СНГ, где вплоть до недавнего времени сохранялась практика принудительной психиатрической госпитализации граждан по политическим мотивам.

Под давлением международной критики последний известный политический заключенный, содержащийся в психбольнице, Дурдымурад Ходжамухаммедов, был освобожден 17 апреля 1997 г. - накануне официального визита Президента Туркменистана Сапармурата Ниязова в США.

В 1994-1997 гг. в документах международных правозащитных организаций фигурировали фамилии четырех человек, в отношении которых предположительно можно было констатировать связь между их общественной активностью и фактом принудительного помещения в психиатрическую клинику. Это - Дурдымурад Ходжамухаммедов, Меретмухаммет Бердыев, Валентин Копысов и Руфина Арабова.

Авторы доклада также получили неподтвержденное сообщение еще об одном случае принудительной психиатрической госпитализации по политическим мотивам в г.Небит-Даге, однако подробности этого случая уточнить не удалось.

Дурдымурад Ходжамухаммедов

Д.Ходжамухаммедов, председатель небольшой оппозиционной Партии демократического развития Туркменистана (ПДРТ). Во второй половине 1994 г. впервые был насильственно помещен в психиатрическую больницу, где находился до января 1995 г. 23 февраля 1996 г. четверо сотрудников КНБ во главе с Какаджаном Худайгулыевым доставили Ходжамухаммедова на машине в 7-е отделение Центральной психиатрической больницы в Ашхабаде, где он был подвергнут насильственной госпитализации. Сам Ходжамухаммедов охарактеризовал происшедшее как акт "политического террора" и в течение 10 дней держал голодовку.

По мнению Ходжамухаммедова, изложенному в июне 1998 г. в телефонном разговоре с одним из авторов доклада, он был принудительно госпитализирован вскоре после того, как отдал на перепечатку в политехнический институт некий рукописный текст политического содержания. Об этом стало известно сотрудникам КНБ. 22 февраля 1996 г. его вызвали "на беседу" к начальнику одного из отделов КНБ К.Худайгулыеву. В разговоре с последним Ходжамухаммедов пообещал по завершении работы представить в КНБ экземпляр текста, как "мы об этом договаривались с Вашим начальником". На следующее утро Худайгулыев позвонил к диссиденту на квартиру и попросил о срочной встрече, так как, по его словам, он хотел сегодня показать текст некоему профессору. Вскоре Ходжамухаммедов был схвачен сотрудниками КНБ и доставлен в Центральную психиатрическую больницу.

Сразу после госпитализации доступ к "больному" был строго ограничен. Свидание с родственниками Д.Ходжамухаммедову, переведенному 3 мая 1995 г. в психиатрическую больницу в Геок-тепе, было разрешено лишь в ноябре 1996 г. Возможно, запрет на свидания был своеобразной реакцией органов КНБ на переданные из больницы сразу после госпитализации письма, в которых

туркменский диссидент подверг резкой критике политику Президента Туркменистана Сапармурата Ниязова.

О том, что госпитализация Д.Ходжамухаммедова - далеко не рядовой случай, свидетельствует трехчасовая беседа председателя КНБ Туркменистана С.Сеидова с братом "больного" Байрамом Ходжамухаммедовым, состоявшаяся 27 марта 1996 г. После отставки С.Сеидова осенью 1996 г. новый председатель КНБ Туркменистана Назаров также беседовал с братом "больного", пообещав освободить Д.Ходжамухаммедова до 1 января 1997 г. Это обещание выполнено не было.

Выйти на свободу туркменскому диссиденту помогло то, что его фамилия была внесена в список из 10 политзаключенных, об освобождении которых просило правительство США. 17 апреля 1998 г. Д.Ходжамухаммедов был освобожден по указанию президента Туркменистана - перед началом официального визита последнего в США. При освобождении Ходжамухаммедова присутствовали представители центрального аппарата КНБ, начальник районного (этрапского) подразделения этого ведомства, сотрудники Министерства здравоохранения.

Более подробную информацию об обстоятельствах двух госпитализаций Д.Ходжамухаммедова в психиатрические больницы на момент составления доклада авторам получить не удалось. Самому диссиденту, по его словам, ничего не известно о диагнозе, поставленном ему врачами.

Имеющееся описание случая принудительной психиатрической госпитализации Д.Ходжамухаммедова дает основание полагать, что сотрудниками КНБ и медицинским персоналом были грубо нарушены действующие законодательные нормы. Согласно Закону Туркменистана "О психиатрической помощи" решение о госпитализации в психиатрический стационар в недобровольном порядке принимается исключительно судебными органами. Ст.33 вышеназванного Закона гласит: *"Лицу должно быть предоставлено право лично участвовать в судебном рассмотрении о его госпитализации. Если по сведениям, полученным от представителя психиатрического учреждения, психическое состояние лица не позволяет ему лично участвовать в рассмотрении вопроса о его госпитализации в помещении суда, то заявление о госпитализации рассматривается судьей в психиатрическом учреждении. Участие в рассмотрении заявления прокурора, представителя психиатрического учреждения, ходатайствующего о госпитализации, и представителя лица, в отношении которого решается вопрос о госпитализации, обязательно"*. Ст.35 устанавливает, что продление госпитализации в недобровольном порядке на срок свыше 6 месяцев происходит также через судебные органы, с последующим рассмотрением судом вопроса о продлении госпитализации ежегодно. Таким образом, по делу Д.Ходжамухаммедова с момента его задержания должно было состояться не менее трех судебных заседаний, ни на одно из которых он не был допущен.

Меретмухаммет Бердыев

Осенью 1997 г. туркменский диссидент Мухамедгельды Бердыев, проживающий в Москве, сообщил, что его 30-летний брат Меретмухаммет Бердыев, 1961 года рождения, распространявший в г.Байрам-Али оппозиционный эмигрантский журнал "Туркмен или", в начале сентября 1997 г. был насильственно помещен властями в психиатрическую больницу в Мары,

где при невыясненных обстоятельствах скончался в конце октября. От одного из родственников Мухамедгельды Бердыеву стало известно, что в середине октября 1997 г. в доме, где его брат жил вместе с родителями, был произведен обыск, в котором участвовали прибывшие из Ашхабада сотрудники центрального аппарата КНБ. Во время обыска один из них сказал, что М.Бердыев должен перестать издавать "газету" (?) с критикой Ниязова. По словам М.Бердыева, его брат не состоял на учете в психиатрическом диспансере, был физически крепким человеком (занимался каратэ) и ранее никогда не обращался к врачам за помощью по причине какой-либо серьезной болезни.

В январе 1998 г. авторы доклада разговаривали с женой одного из братьев М.Бердыева в г.Байрам-Али. Она подтвердила, что Меретмухаммет Бердыев скончался в областном психиатрическом диспансере 27 октября 1997 г. По ее словам, в сентябре-декабре 1996 г. он якобы уже находился на лечении в этом же диспансере. Собеседница отрицала, что в доме Бердыевых проводился обыск, однако признала, что в сентябре 1997 г. "приходили сотрудники прокуратуры" (?) и "расспрашивали" о Мухамедгельды Бердыеве.

К сожалению, авторам доклада не удалось встретиться с другими родственниками М.Бердыева. Таким образом, имеющаяся в настоящее время информация является противоречивой и требует дополнительной проверки.

Ниже описаны случаи В.Копысова и Р.Арабовой, которые объединяет то, что в обоих случаях жертвами психиатрических репрессий стали "жалобщики", чья борьба с судебной-правоохранительной системой тянется с советских времен.

Авторам доклада удалось встретиться с обоими названными гражданами Туркменистана и подробно опросить их об обстоятельствах принудительной психиатрической госпитализации. Подробное описание историй Копысова и Арабовой включено в настоящий доклад прежде всего потому, что фамилии этих людей неоднократно фигурировали в документах международных правозащитных организаций. В то же время информация об обстоятельствах их госпитализации до последнего времени оставалась противоречивой и неточной.

В настоящем докладе мы не пытаемся давать оценку медицинским диагнозам и не обсуждаем правомерность психиатрической госпитализации Копысова и Арабовой. Наша цель - изложить известные фактические обстоятельства этих дел, привлечших международное внимание. При этом, по мнению авторов доклада, обращает на себя внимание чрезмерный "интерес", проявленный к указанным лицам сотрудниками правоохранительных органов, который, как представляется, несколько выходит за обычные рамки. Кроме того, в ходе насильственной психиатрической госпитализации Копысова, как и в аналогичном случае с Д.Ходжамухаммедовым (см. выше), был нарушен установленный туркменским законодательством порядок принудительной госпитализации, что, по мнению авторов доклада, безусловно привело к грубому нарушению гражданских прав этого лица.

Валентин Копысов

В.Копысов, 1937 года рождения, бывший инженер, в 1977 г. заявил о несогласии с положением Новой Конституции СССР о руководящей роли коммунистической партии, после чего был исключен из КПСС.

В 1987 г. в результате бытового конфликта был осужден на 1 год условно за хулиганство. После подачи кассационной жалобы в 1988 г. дело было пересмотрено и он был оправдан. Копысов попытался возбудить уголовное дело против своего обидчика и работников прокуратуры, которые, по его мнению, неправильно вели следствие. С этой целью он писал многочисленные жалобы, вывешивал плакаты у здания прокуратуры г.Ашхабада, в том числе однажды - с угрозой поджога здания прокуратуры. В январе 1991 г. был ненадолго помещен в психиатрическую больницу.

С 1991 г. Копысов проявлял интерес к политике. В 1991 г. дважды подвергался административным арестам за участие в несанкционированных митингах в Ашхабаде. Принимал участие в съезде оппозиционной Партии демократического развития Туркменистана, где вскоре был назначен казначеем и заместителем председателя партии. В феврале 1992 г. был задержан милицией на сутки в связи с приездом в Ашхабад Госсекретаря США Дж.Бейкера. В декабре 1992 г. с целью недопустить поездки Копысова на правозащитную конференцию в Бишкек (Копысов был одним из 12 туркменских диссидентов, приглашенных для участия в конференции) офицером УВД г.Ашхабада был спровоцирован инцидент, приведший к очередному административному аресту Копысова.

В знак протеста против незаконных действий правоохранительных органов Копысов время от времени посылал по почте записки. Например, 29 октября 1992 г. Копысов отправил следующую записку министру внутренних дел Туркменистана Касымову: "Касымов. Ты сволочь! Бандиту Ниязову такие не нужны". 27 августа 1993 г. другая записка была направлена Генеральному прокурору Туркменистана (копии - в иностранные посольства): "Прокурор, ты как и Касымов, сволочь". Оригиналы записок Копысов продемонстрировал авторам доклада в сентябре 1997 г. Эти записки являлись своеобразным отражением тогдашних убеждений их автора, что если он будет писать письма подобного содержания в государственные органы и его привлекут к суду, то на суде он сможет потребовать пересмотра дела 1987 г. и наказания работников прокуратуры, которые отказываются это сделать (поскольку ответчик по его делу - непосредственный виновник бытовой драки - умер еще в 1989 г.).

В начале января 1994 г. под впечатлением состоявшегося перед Новым годом визита в Туркменистан президента РФ Б.Н.Ельцина Копысов написал очередное письмо, адресованное МИД РФ. В письме он просил предоставить ему российское гражданство или возможность выехать из страны. В тексте, по словам самого Копысова, была такая фраза: "Если эти сволочи во главе с Ниязовым хотят получить теракт, то они его получают".

В КНБ Туркменистана, куда сотрудники МИД переадресовали полученный документ, письмо Копысова было квалифицировано как

свидетельство подготовки террористического акта против президента страны, в связи с чем было возбуждено уголовное дело.

Вечером 22 января 1994 г. на квартиру к Копысову пришли два сотрудника КНБ, которые доставили его в Управление КНБ по г.Ашхабаду, а позднее в Пролетарскую районную прокуратуру города. После беседы с прокурором он был насильственно госпитализирован в Центральную клиническую больницу психиатрической помощи (далее - ЦКБ)¹¹².

В ЦКБ Копысов находился около полугода без всякого лечения и без права на свидания. Вопреки закону, его не информировали о результатах расследования уголовного дела. Заведующий отделением ЦКБ признался пациенту: "В твоей госпитализации заинтересованы слишком сильные инстанции". По требованию Копысова, ему разрешили встретиться с женщиной-адвокатом, занимающейся делами "клиентов" психбольниц. Она, однако, отказалась помочь Копысову, ограничившись заявлением: "Если вас привезли по направлению прокуратуры, то значит, так надо".

За полгода нахождения в ЦКБ медицинская комиссия трижды осматривала Копысова, после чего он был направлен на принудительное лечение в психбольницу в пос.Геок-Тепе. Через полгода Копысов вновь был возвращен в ЦКБ на обследование, откуда был освобожден в мае 1995 г. По его мнению, сроки выписки искусственно затягивались врачами по требованию правоохранительных органов.

Показателен такой случай. Однажды в первой половине 1995 г. он был отпущен врачом домой на срок с пятницы до понедельника. Однако спустя сутки заведующий отделением приехал на квартиру к Копысову и отвез его назад в ЦКБ, объяснив свои действия "звонок из КНБ".

Копысов до сих пор не может получить ответ, состоялся ли суд по его делу. Единственный документ, который ему дали по выходе из больницы - свидетельство об инвалидности. В апреле 1997 г. его признали инвалидом второй группы пожизненно.

Руфина Арабова

Р.Арабова, 1953 года рождения, известна в Туркменистане разоблачениями приписок и злоупотреблений в объединении "Туркменчермет", где она в начале 80-х годов работала начальником планового отдела. За свои выступления против имевших место злоупотреблений в советское время была подвергнута незаконной кратковременной госпитализации в психбольницу. В 1990 г. после многочисленных жалоб была снята с психиатрического учета. В 1992 г. и 1993 г. дважды выходила с плакатами к президентскому дворцу, протестуя против беззакония правоохранительных органов. В 1994 г. проводила голодовку протеста. В 1993-1995 гг. подавала многочисленные иски в судебные инстанции Туркменистана по различным вопросам.

¹¹² Ранее сообщалось, что Копысов был задержан на избирательном участке в Ашхабаде в январе 1994 г. во время проведения референдума о продлении срока президентских полномочий, когда он бросил на пол бюллетень для голосования. Сам Копысов подтвердил авторам доклада, что при попытке вынести полученный бюллетень для голосования с избирательного участка он был по требованию руководителя участка остановлен милиционером и в знак протеста разорвал бюллетень и бросил его на пол. Однако он отрицает связь этого эпизода со своим последующим помещением в психиатрическую больницу.

9 февраля 1996 г. Арабова была вызвана повесткой к следователю Копетдагского отделения милиции г.Ашхабада Куванчеву из-за бытового конфликта с соседями по дому. Как выяснилось, соседи обвинили Арабову в том, что 2 декабря 1995 г. она в подъезде своего дома нецензурно выражалась и вымазала краской дверь соседей. По ее мнению, это был личностный конфликт, дверь она краской не мазала, но проблема обострилась после того, как соседи узнали, что она в свое время находилась в психиатрической больнице. Сожитель соседки, обвинявшей Арабову, был офицером Копетдагского отделения милиции. Следователь заявил Арабовой, что в связи с заявлением возбуждено уголовное дело по ст.236 ч.2 (злостное хулиганство, рецидив). Поскольку она ранее содержалась в психбольнице, то он вынужден отправить ее на экспертизу в Центральную клиническую больницу психиатрической помощи. После этого следователь Куванчев отвез Арабову в больницу. По ее словам, в течение трех месяцев она содержалась в ЦКБ без какого-либо диагноза. Врачи в личных беседах говорили ей, что от них сотрудники "органов" под угрозой увольнения требовали поставить ей какой-нибудь "серьезный" диагноз, но они, не желая поступаться принципами, предпочитали тянуть время.

2 апреля 1996 г. Арабова неудачно пыталась бежать из больницы, однако, вылезая через окно, упала и сломала несколько ребер. 9 апреля врачи поставили ей официальный диагноз - "психопатия".

14 июня она совершила второй, удачный побег, воспользовавшись тем, что ей разрешили вынести ведро с мусором к контейнеру во дворе больницы.

8 июля 1996 г. Копетдагский районный суд г.Ашхабада под председательством судьи Сапарова и в отсутствие адвоката Р.Арабовой Байрама Назармедова признал ее невменяемой и принял решение о принудительной госпитализации на срок 6 месяцев в Геок-Тепинской психбольнице усиленного наблюдения. Копия судебного решения пришла по почте матери Арабовой за два дня до истечения срока подачи кассационной жалобы. Кассационная жалоба, поданная матерью осужденной, была принята в городском суде не сразу, лишь после обращения в Министерство юстиции.

26 января 1997 г. Ашхабадский городской суд рассмотрел жалобу вновь без участия адвоката обвиняемой и закрыл дело по амнистии.

Арабова, однако, продолжает скрываться на квартирах у знакомых, опасаясь мести со стороны работников милиции.

В отличие от Д.Ходжамухаммедова и В.Копысова Р.Арабова не занималась политической деятельностью. Тем не менее, не исключено, что именно ее многочисленные обращения в различные инстанции с жалобами на действия должностных лиц стали одной из важной причин ее принудительной психиатрической госпитализации. После постановки диагноза "психопатия" государственные органы Туркменистана получили возможность в законном порядке не реагировать на заявления Арабовой, а сама жалобщица вынуждена была отказаться от подачи новых заявлений.

По мнению авторов доклада, прекращение практики использования в Туркменистане психиатрии в целях пресечения общественной активности граждан было осуществлено главным образом под воздействием критики международных правозащитных организаций. Международная критика безусловно способствовала и освобождению (амнистии) названных выше жертв психиатрических преследований.

Заключение

В 1995-1998 гг. Туркменистан продолжал оставаться страной, где, несмотря на отсутствие вооруженных конфликтов, ситуация с соблюдением гражданских и политических прав оставалась одной из наиболее неблагоприятных на постсоветском пространстве.

Несмотря на присоединение Туркменистана в 1996 г. к Международному пакту о гражданских и политических правах, права граждан, гарантированные ст.7, 9, 10, 13, 14, 17, 18 и 19 указанного пакта, грубо нарушались официальными лицами. Более того, авторы доклада вынуждены констатировать, что в 1997 г. ситуация в области прав человека в этой стране имела тенденцию к ухудшению, и лишь визит в США президента Туркменистана С.Ниязова в апреле 1998 г. вынудил туркменские власти пойти на некоторые уступки.

Как показывают случаи с А.Кулиевым, Е.Аннакурбановым, С.Овезбердыевым и др., высшее руководство Туркменистана, вопреки распространенному мнению, нередко реагирует на международную критику. Возможно, это связано со стремлением властей улучшить свой имидж за рубежом и с критической зависимостью туркменской экономики от экспортных поставок и внешних инвестиций. По мнению авторов доклада, целенаправленные усилия со стороны правозащитных организаций, общественности и правительственных учреждений США, европейских стран и России безусловно способствовали бы прогрессу в области соблюдения прав человека в Туркменистане. Официальные запросы по поводу незаконных ограничений гражданских свобод, пыток, нарушения прав национальных и религиозных меньшинств, судьбы отдельных граждан, равно как и договоренности о деятельности представителей зарубежных СМИ, свободном распространении информации и функционировании организаций этнических меньшинств явились бы эффективным средством, позволяющим добиться необходимых изменений политического курса правительства Туркменистана.

Безусловно, необходимо завершение кампании по освобождению политических заключенных, двое из которых до ареста постоянно проживали на территории России. Авторы доклада выражают надежду, что официальные органы РФ вновь обратят внимание на судьбу этих людей, незаконно похищенных за рубежом и осужденных на основе сфабрикованных обвинений.

При обращении в официальные органы Туркменистана следует иметь в виду, что вследствие особенностей политической системы этой страны решения по ключевым вопросам соблюдения гражданских прав могут быть приняты только главой государства. В то же время на основе материалов доклада авторы считают возможным констатировать, что ряд высокопоставленных государственных чиновников Туркменистана, несущих личную ответственность за грубые нарушения политических и гражданских прав в рассматриваемый период, в своих действиях далеко выходили за рамки указаний, непосредственно полученных от президента Туркменистана.

Весной 1998 г. Сапармурат Ниязов в ходе визита в США пообещал, что парламентские и президентские выборы в 1999 г. и 2002 г. будут "честными и свободными". Едва ли это обещание будет выполнено в полной мере. В то же время необходимо добиваться, чтобы в ходе выборной кампании хотя бы

отдельные ростки демократии были привиты на туркменскую землю. Авторы категорически не согласны с тезисами, что туркменское общество не готово к демократии (появлению свободной прессы, многопартийности и т.д.) и что в этой стране отсутствуют силы, способные выступить в качестве конструктивной оппозиции правительству.

Авторы выражают надежду, что изучение материалов, представленных в докладе, способствовало лучшему пониманию читателями реальной ситуации в Туркменистане, сильно отличающейся от радужной картины, рисуемой в пропагандистских статьях, щедро оплачиваемых правительством этой страны.

Приложения

Приложение №1

Лица, осужденные решением Верховного Суда Туркменистана от 4 января 1996 г. (фамилии приведены в русской и туркменской транскрипциях)

Лица, осужденные за различные преступления

ст.15-106 - приготовление к умышленному убийству

ст.87 - незаконные валютные операции

ст.117 - умышленное нанесение легких телесных повреждений

ст.17-236 - соучастие в хулиганстве

ст.249 - незаконное ношение и хранение оружия

ст.257 - хранение наркотиков

ст.259-3 - организация притона для потребления наркотиков

Аннаниязов Гулгельды (Аннаниязов Гулгелды)

Родился в 1960 г. в с.Кеши Ашхабадского района, туркмен, образование среднее, временно не работал, до ареста проживал в с.Кеши.

Осужден по ст.15-106 ч.4,6 (на 15 лет), ст.257-1 ч.1 (на 10 лет), ст.259-3 (на 8 лет), ст.87 ч.1 (на 7 лет с конфискацией имущества), ст.17-236 ч.2 (на 5 лет), ст.249 ч.1 (на 5 лет), ст.257 ч.1 (на 3 года), ст.117 ч.1 (на 1 год) - всего на 15 лет лишения свободы с конфискацией имущества с отбытием 5 лет на тюремном режиме, 10 лет - в ИТК усиленного режима. По ст.159 ч.3 (вымогательство) и ст.239 (вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность) оправдан за отсутствием состава преступления.

Гуров Чарымурад Попбиевич (Гуров Чарымырад)

Родился в 1967 г. в г.Ашхабаде, туркмен, образование среднее, временно не работал, до ареста проживал в пос.Шор г.Ашхабада

Арестован 15 июля 1995 г. Осужден по ст.259-3 (на 8 лет), ст.17-236 ч.2 (на 5 лет) - всего на 10 лет лишения свободы с отбытием 2 лет на тюремном режиме, 8 лет - в ИТК усиленного режима.

Амандурдыев Аманмурад (Амандурдыев Аманмурад)

Родился в 1958 г. в г.Ашхабаде, туркмен, образование среднее, временно не работал, до ареста проживал в г.Ашхабаде.

Осужден по ст.17-236 ч.2 (на 5 лет), ст.257-1 ч.1 (на 4 года) - всего на 5 лет лишения свободы в ИТК усиленного режима.

Назаров Какамурат Бегмурадович (Назаров Какамырат)

Родился в 1965 г. в г.Ашхабаде, туркмен, образование среднее, до ареста проживал в г.Ашхабаде.

Арестован 20 июля 1995 г. Осужден по ст.249 ч.1 (на 5 лет), ст.17-236 ч.2 (на 4 года) - всего на 5 лет лишения свободы в ИТК усиленного режима. По ст.214 ч.1 (укрывательство) оправдан за отсутствием состава преступления.

Сахатгельдиев Батыр Аннаевич (Сахатгелдиев Батыр)

Родился в 1968 г. в г.Ашхабаде, туркмен, образование среднее, до ареста проживал в г.Ашхабаде.

Арестован 25 июля 1995 г. Осужден по ст.249 ч.1 (на 4 года), ст.17-236 ч.2 (на 3 года) - всего на 4 года лишения свободы в ИТК усиленного режима. По ст.214 ч.1 (укрывательство) оправдан за отсутствием состава преступления.

Лица, осужденные по ст.17-236 ч.2 (соучастие в хулиганстве)

Амандурдыев Аннамурад (Амандурдыев Аннамурад)

Родился в 1960 г. в г.Ашхабаде, туркмен, образование среднее, работал продавцом магазина №76 "Хозтовары" в г.Ашхабаде, до ареста проживал в г.Ашхабаде.

Арестован 18 июля 1995 г. Осужден на 3 года лишения свободы в ИТК усиленного режима. Освобожден по амнистии в соответствии с указом президента согласно решению суда от 4 января 1996 г.

Амандурдыев Худайберды (Амандурдыев Худайберды)

Родился в 1973 г. в г.Ашхабаде, туркмен, образование среднее, временно не работал, до ареста проживал в г.Ашхабаде.

Арестован 17 июля 1995 г. Осужден на 5 лет лишения свободы с отбытием 2 лет на тюремном режиме, 3 лет - в ИТК усиленного режима. По ст.239 (вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность) оправдан за отсутствием состава преступления.

Аманов Аман Карлиевич (Аманов Аман Гарлыевич)

Родился в 1965 г. в с.Кеши Ашхабадского района, туркмен, образование среднее, временно не работал, трижды судим, до ареста проживал в с.Кеши.

Арестован 13 июля 1995 г. Осужден на 4,5 года исправительно-трудовых работ.

Аннакулиев Аннамурад Рахманмурадович (Аннагулыев Аннамурад)

Родился в 1968 г. в г.Теджене, туркмен, образование среднее специальное, работал электромехаником ТУСП в пос.Геок-тепе, до ареста проживал в пос.Геок-тепе.

Арестован 18 июля 1995 г. Осужден на 5 лет лишения свободы в ИТК усиленного режима.

Аннакурбанов Евшан (Аннагурбанов Евшан)

Родился 8 мая 1960 г. в с.Комсомол Тедженского района, туркмен, образование высшее, профессиональный писатель, до ареста проживал в г.Ашхабаде (микрорайон Мир-1/2, дом 68, кв.149).

Арестован 25 июля 1995 г. Осужден на 3 года лишения свободы в ИТК усиленного режима.

Аннамамедов Юсуп Ишанкулиевич (Аннамамедов Юсуп)

Родился в 1973 г. в Ашхабадском районе с.Кеши, туркмен, образование среднее, работал маляром на предприятии авто-технического обслуживания в с.Кеши, в 1990 г. был осужден на 2 года лишения свободы по ст.155 ч.2 УК с отсрочкой исполнения, до ареста проживал в с.Кеши.

Осужден на 4 года лишения свободы в ИТК усиленного режима.

Атаев Мердан Курбанович (Атаев Мердан Гурбанович)

Родился в 1971 г. в с.Кеши Ашхабадского района, туркмен, образование среднее, временно не работал, до ареста проживал в с.Кеши.

Арестован 18 июля 1995 г. Осужден на 4 года лишения свободы в ИТК усиленного режима.

Байрамдурдыев Теженмурат Байрамдурдыевич (Байрамдурдыев Теженмурат)

Родился в 1968 г. в пос.Яшлык, туркмен, образование среднее, работал директором малого предприятия "Магтымгала", до ареста проживал в пос.Яшлык.

Арестован 19 июля 1995 г. Осужден на 4,5 года лишения свободы в ИТК усиленного режима.

Геленов Азат Сапаргельдыевич (Геленов Азат)

Родился в 1975 г. в с.Кеши Ашхабадского района, туркмен, образование среднее, временно не работал, до ареста проживал в с.Кеши.

Арестован 22 декабря 1995 г. Осужден на 2,5 года лишения свободы в ИТК усиленного режима.

Курбангельдиев Аннанур (Гурбангельдиев Аннанур)

Родился в 1956 г. в с.Захмет Бабадайханского района, туркмен, образование среднее, работал в крестьянском объединении "Захмат", до ареста проживал в с.Захмет.

Арестован 4 января 1996 г. (взят под стражу в зале суда). Осужден на 2 года лишения свободы в ИТК усиленного режима.

Курбанмуратов Ягшимурад (Гурбанмуратов Ягшымурад)

Родился в 1958 г. в г.Ак-Руган Ташкентской области Узбекистана, туркмен, образование высшее, работал учителем физкультуры средней школы №5 г.Ашхабада, до ареста проживал в пос.Шор г.Ашхабада.

Арестован 13 июля 1995 г. Осужден на 2,5 года лишения свободы в ИТК усиленного режима.

Колаковский Дмитрий Константинович

Родился в 1951 г. в г.Калинине, русский, образование среднее специальное, работал сотрудником института "Туркменагропромпроект", до ареста проживал в г.Ашхабаде

Арестован 26 июля 1995 г. Осужден на 3 года лишения свободы в ИТК усиленного режима.

Маммедназаров Курбанмурат Акмурадович (Маметназаров Гурбанмырат)

Родился в 1967 г. в г.Ашхабаде, туркмен, образование среднее специальное, временно не работал, до ареста проживал г.Ашхабаде.

Арестован 17 июля 1995 г. Осужден на 4 года лишения свободы в ИТК усиленного режима.

Муратлиев Мухаммед (Мыратлиев Мухаммет)

Родился 5 мая 1950 г. в пос.Бахарден Ашхабадской области, туркмен, образование высшее, временно не работал, до ареста проживал в г.Ашхабаде.

Арестован 20 июля 1995 г. Осужден на 3 года лишения свободы в ИТК усиленного режима.

Непесов Мухаммедмурат (Непесов Мухамметмырад)

Родился 8 июня 1965 г. в г.Ашхабаде, туркмен, образование среднее, работал водителем автотранспортного предприятия, до ареста проживал г.Ашхабаде.

Арестован 14 июля 1995 г. Осужден на 2 года лишения свободы в ИТК усиленного режима.

Овезгельдиев Мерген Мухаммедназарович (Овезгельдиев Мерген)

Родился в 1972 г. в с.Кеши Ашхабадского района, туркмен, образование среднее, временно не работал, в 1975 г. был осужден на 6 лет 8 месяцев лишения свободы по ст.95 и 15-171 ч.2 УК, до ареста проживал в с.Кеши.

Осужден на 3,5 года лишения свободы в ИТК усиленного режима. В связи с тем, что 20 сентября 1995 г. Ахалским областным судом он осужден на 6,5 лет лишения свободы, назначить наказание по совокупности 10 лет лишения свободы.

Овезгельдыев Тачмухаммед Аманмухаммедович (Овезгельдиев Тачмухаммет)

Родился в 1972 г. в с.Кеши Ашхабадского района, туркмен, образование среднее специальное, временно не работал, до ареста проживал в с.Кеши.

Арестован 22 декабря 1995 г. Осужден по ст.17-236 ч.2 к 3 годам лишения свободы в ИТК усиленного режима.

Ташлиев Алланур (Ташлиев Алланур)

Родился в 1956 г. в с.Захмет Бабадайханского района, туркмен, образование высшее, работал учителем средней школы, до ареста проживал в г.Теджене.

Осужден по ст.17-236 ч.2 к 4,5 годам лишения свободы в ИТК усиленного режима.

Ташлиев Баймурад (Ташлиев Баймырад)

Родился в 1960 г. (?) в с.Захмет Бабадайханского района, туркмен, образование высшее, до ареста проживал в г.Ашхабаде.

Арестован 22 июля 1995 г. Осужден по ст.17-236 ч.2 к 4,5 годам лишения свободы в ИТК усиленного режима.

Ходжаев Бекмурат Худайназарович (Хожаев Бекмырат)

Родился в 1962 г. в с.Гызыляк Керкинского района, туркмен, образование высшее, работал директором частного предприятия "Гызыляк" в г.Ашхабаде, до ареста проживал в г.Ашхабаде.

Арестован 22 июля 1995 г. Осужден по ст.17-236 ч.2 к 5 годам лишения свободы в ИТК усиленного режима.

Лица, осужденные по ст.87 ч.1 (незаконные валютные операции)

Аннамурадов Аманмурад (Аннамурадов Аманмурад)

Родился в 1959 г. в с.Кеши Ашхабадского района, туркмен, образование среднее специальное, работал строителем в частной фирме "Мизан", до ареста проживал в с.Кеши.

Осужден по ст.87 ч.1 к 6 годам лишения свободы в ИТК усиленного режима с конфискацией имущества. На основе указа президента об амнистии срок сокращен до 3 лет с отбытием наказания в колонии общего режима.

Курбанмаммедов Рашит (Гурбанмаммедов Рашит)

Родился в 1962 г. в с.Геокче Ашхабадского района, туркмен, образование среднее, временно не работал, до ареста проживал в с.Геокче.

Осужден по ст.87 ч.1 к 6 годам лишения свободы в ИТК усиленного режима с конфискацией имущества. На основе указа президента об амнистии срок сокращен до 3 лет с отбытием наказания в колонии общего режима.

Приложение №2

Виталий Пономарев

История одной поездки, или Как меня высылали из Ашхабада

"У Вас будет много дней, чтобы узнать, кто я такой!" - с угрожающей интонацией произнес офицер Комитета национальной безопасности Туркменистана в ответ на мою просьбу представиться и предъявить служебное удостоверение. Разговор происходил в одной из комнат пограничной службы ашхабадского международного аэропорта. Впрочем, через полчаса ситуация разрядилась: мне объявили, что утром я буду депортирован из страны.

Вся эта почти детективная история началась в первых числах апреля, когда мне неожиданно позвонил бывший министр иностранных дел Туркменистана Авды Кулиев. Он сообщил, что намерен вместе со своей супругой Татьяной на неделю слетать в Ашхабад, в котором не был больше пяти лет. Поездка, по моему мнению, была сопряжена с определенным риском. За выступления по Радио "Свобода" с резкой критикой туркменского диктатора Кулиев уже был объявлен "врагом народа" со всеми вытекающими отсюда последствиями. Зная мстительный характер "Вождя туркмен" Сапармурата Ниязова, можно было ожидать самого худшего варианта.

Всего тремя месяцами ранее другой туркменский диссидент Чарымурад Гуров, участвовавший в организации политической демонстрации в Ашхабаде в июле 1995 года, был по указанию властей сначала ослеплен, а потом умерщвлен в Красноводской тюрьме. Его тело было продано родственникам тюремной охраной за несколько сот долларов.

Некоторые гарантии безопасности Кулиева создавало то, что он собирался прилететь в Ашхабад за несколько дней до начала первого официального визита Ниязова в США. Учитывая повышенное внимание, которое проявляют к вопросам соблюдения прав человека американские власти, арест видного диссидента в канун визита создал бы серьезные проблемы для туркменского президента.

Дополнительные гарантии безопасности могло дать участие в поездке Кулиева одного из российских журналистов. Поэтому когда туркменский экс-министр попросил меня сопровождать его в Ашхабад, я почти сразу согласился.

Кулиев хотел поехать на Родину открыто и даже предупредил о дате вылета посла Туркменистана в России Нуры Оразмухаммедова.

14 апреля, выступая на пресс-конференции в Москве, экс-министр так изложил цели своей поездки:

"Во-первых, я хочу лично ответить на разного рода обвинения, выдвигаемые в мой адрес туркменскими властями. Задета моя честь. На протяжении пяти лет про меня говорили и писали, что я "враг народа", террорист, вымогатель, расхититель, агент иностранных спецслужб и т.д. Но если я действительно в чем-то виноват, почему Туркменистан до сих пор не потребовал у России моей выдачи? Во-вторых, я хочу встретиться с

президентом и обсудить с ним некоторые политические вопросы, в частности возможность возобновления в стране открытой оппозиционной и правозащитной деятельности..."

Утром 15 апреля я встретился с Авды и Татьяной Кулиевыми в зале ожидания аэропорта "Домодедово". Вид у них был несколько растерянный.

"Представляешь, Виталий, - рассказывал Авды, - только мы подали билеты на регистрацию, чуть ли не первыми, как представитель туркменской авиакомпании, едва взглянув на фамилии, сказал, что на наши места проданы двойные билеты, поэтому нам надо дождаться конца регистрации".

Здесь стоит отметить, что ежедневные рейсы в Ашхабад осуществляет только туркменская государственная авиакомпания, поэтому даже находясь в Домодедово, мы уже попадали в зависимость от желания или нежелания туркменских властей допускать нас на борт самолета.

С моим билетом история повторилась. Сказав, что о человеке с фамилией Пономарев ее уже предупреждали, девушка за стойкой регистрации отложила мой билет в сторону, попросив решить вопрос вылета с туркменским представителем.

Представитель появился за пять минут до окончания регистрации. "Знаете, - хитро улыбаясь, сказал он, - помимо того, что на ваши места проданы двойные билеты, самолет вообще перегружен. Поэтому хотя пассажиров меньше половины от нормы, сегодня Вам вылететь не удастся".

"А почему тогда продолжается регистрация других пассажиров?" - спросил я.

"Где? - возмутился Представитель. - Немедленно прекратите регистрацию. Самолет перегружен, больше никто не полетит. Если хотите, я могу помочь переоформить билеты на завтрашнее число".

Не прошедших регистрацию было человек пятнадцать - от женщин-туркменок с грудными детьми до заместителя министра из Казахстана. Впрочем, когда наша тройка согласилась переоформить билеты, почти все они были пропущены в самолет. Пострадали лишь четыре пассажира, которые вышли из зала вместе с нами.

Из Ашхабада пришло сообщение, что вечером около 80 человек (включая родственников Кулиева и местных диссидентов) собрались в аэропорту, чтобы встретить Авды Кулиева. Для неототалитарного Туркменистана это - чрезвычайное происшествие, о котором следует докладывать главе государства. Руководство Комитета национальной безопасности начало нервничать. Когда ашхабадский корреспондент туркменской службы Радио "Свобода" Сапармурат Овезберды получил по телефону задание встретить Кулиева и взять у него короткое интервью сразу по прилету, через 15 минут журналисту позвонил офицер КНБ, и в угрожающей форме потребовал не выезжать в аэропорт, намекнув на возможные репрессивные меры и напомнив об отсутствии официальной аккредитации.

На следующий день, приехав в аэропорт, мы узнаем, что авиарейс Ашхабад-Москва-Ашхабад вообще отменен - "по техническим причинам". В связи с "чрезвычайной ситуацией" в Домодедово прибыл генеральный представитель туркменской авиакомпании в России Мурад Курбанов. По его словам, решение об отмене рейса было принято руководством авиакомпании в Ашхабаде, которое отдало команду "совместить авиарейсы" за 16 и 17 апреля. Впрочем, когда Курбанов узнает мою фамилию, его лицо вытягивается, и он

громко произносит: "Запомните, лично с Вами как с журналистом я не разговаривал".

Тем временем, продажа авиабилетов на ашхабадский рейс вообще прекращена - "до особого распоряжения". Представители туркменской авиакомпании в неофициальных разговорах не исключают возможности отмены и завтрашнего рейса. С учетом авиапассажиров, не сумевших вылететь в Москву, общее число лиц (включая иностранных граждан), ставших "заложниками" в политических играх туркменского режима, превысило 100 чел.

Последнюю попытку вылета в Ашхабад мы решаем предпринять в пятницу 17 апреля. С утра справочная сообщает, что информацией о вылете рейса не располагает. Позднее рейс прибывает в Москву с опозданием на 1,5 часа. Обратный вылет - опять "по техническим причинам" - задерживается еще часа на 3. Посадка в самолет дважды объявляется и дважды отменяется через короткое время. Где-то за кулисами происходят какие-то непонятные события. Представитель аэродромных служб Домодедово сказал, что такого на его памяти еще не было. Недоумевают и таксисты: "Обычно по туркменскому самолету можно было часы сверять".

Десятки возмущенных и ничего не понимающих пассажиров атакуют чиновников туркменской авиакомпании. Я фотографирую одного из них. Он быстро закрывает лицо, а потом обращается к двум мрачным субъектам в кожаных куртках, вошедшим в зал: "Разберитесь с ним, зачем он меня сфотографировал".

Мрачные субъекты подходят ко мне: "Почему Вы ведете съемку на территории аэропорта? Это - стратегический объект". Я демонстрирую журналистскую карточку и излагаю субъектам содержание российского законодательства о средствах массовой информации. Их лица быстро скучнеют. Когда минут через пять я фотографирую их со спины во время объяснений с пассажирами, они стремительно выбегают из зала.

Надо сказать, что уже в первый день нашей эпопеи - 15 апреля - пассажиры опознали в Домодедово нескольких сотрудников московской резидентуры КНБ Туркменистана. Туркменистан - страна небольшая, секреты в ней сохранить непросто. Раньше резидентуру возглавлял некто Аллаков, в 1996 г. сменивший пост первого секретаря посольства на должность заместителя председателя КНБ. Об операциях, организованных этим "дипломатом" против туркменских политэмигрантов в Москве, можно написать не один детектив. Сейчас его заменяет Сердар Аннаев, кадровый гебешник, специализировавшийся в Ашхабаде на борьбе с инакомыслием среди творческой интеллигенции.

...После долгих проволочек, мы вместе с другими пассажирами садимся в самолет. Около 17 часов вечера Ту-154 взлетает в воздух. Во время полета многие пассажиры передают из рук в руки газету "Русский телеграф" со статьей о пресс-конференции А.Кулиева и его фотографией крупным планом. Некоторые подходят и пожимают руки.

Примерно через 3,5 часа садимся в Ашхабаде. Летное поле буквально наводнено сотрудниками спецслужб. Я первым прохожу паспортный контроль.

Женщина-пограничник открывает мой паспорт, потом быстро заглядывает в какую-то тетрадь и сообщает, что ко мне "есть вопросы". "Это у Вас в тетрадочке записано?" - иронизирую я.

Двое пограничников отводят меня в отдельную комнату, где

неизвестный человек в штатском сообщает, что причиной моего задержания является отсутствие у меня... российской (?) таможенной декларации. При вылетах в страны СНГ эта декларация заполняется в одном экземпляре и сдается при прохождении таможенного контроля в Домодедово. Все это, разумеется, прекрасно известно моему собеседнику. Тем не менее, ссылаясь на отсутствие декларации, он угрожающим тоном требует предъявить вещи для досмотра.

"А кто вы такой, чтобы досматривать мои вещи?"

"Это - неважно".

"Как - неважно? Тогда я сумки не открою".

"Я вам серьезно говорю - предъявите вещи для досмотра".

"Сначала представьтесь. Я хочу знать, кто вы".

"Я вам очень серьезно говорю... И вообще, у вас будет много дней, чтобы узнать, кто я такой!" - зловеще шипит неизвестный...

Впрочем, спектакль с взаимными пререканиями продолжается недолго. Уже минут через 20 в комнату вваливается еще один тип в штатском, который тут же переходит к сути дела: "Виталий Анатольевич, вы журналист. Нам не нравится содержание ваших статей о Туркменистане в "Независимой газете" и других российских изданиях. Вы не аккредитованы в нашей стране. Поэтому принято решение о вашей депортации".

"Погодите, - говорю я. - Во-первых, назовите себя, как положено. Во-вторых, я приехал в страну как частное лицо..."

"Журналист не может быть частным лицом. Он - всегда на работе. Даже на отдыхе он собирает информацию, которую может использовать в негативных, клеветнических целях. А представляться вам мы не будем".

"Все что вы делаете - незаконно, - говорю я. - Требую встречи с российским консулом и представителем Министерства иностранных дел".

"Хорошо, мы доложим руководству".

Минут через 10 мне сообщают, что в обеих просьбах неизвестное "начальство" отказало.

9 часов, оставшихся до вылета московского рейса, проходят скучно. Меня перепоручили молодым ребятам, с которыми разговаривать особо не о чем. В шесть утра слышно, как стартует президентский "Боинг" - Ниязов вылетел в США. Как позднее стало известно, за час до вылета президент Туркменистана лично санкционировал арест Авды Кулиева, который вместе с супругой коротал ночь в здании КНБ.

Утром за мной приходят очередные гебешники. На летном поле я отказываюсь садиться в "Боинг", меня подхватывают под руки и вносят по трапу. Напоследок пожимают руки - очевидно, демонстрируя знаменитое восточное гостеприимство.

В Домодедово сообщаю стюардессе, что не выйду из самолета, и требую вызова официальных лиц. В салоне появляются пограничники, таможенники и один из уже знакомых "представителей" туркменской авиакомпании.

"В чем дело?"

Я предъявляю журналистскую карточку и рассказываю, что неизвестные лица в Ашхабаде силой запихали меня в салон "Боинга". "Его выслало КНБ", - сообщает Представитель. Но каких-либо оформленных документов о депортации предъявить не может. Я требую задокументировать факт депортации, иначе позднее туркменские власти будут утверждать, что я

вернулся в Москву добровольно.

Постепенно об инциденте ставят в известность все более высокое начальство. В аэропортовском офисе Федеральной пограничной службы России мне оформляют требуемую справку.

"За справку спасибо, но я бы хотел вернуться на борт, у меня дела в Ашхабаде".

После некоторых раздумий пограничник говорит: "Мы тебя отпускаем, куда ты пошел - нам неизвестно, а выход на летное поле - вон там"...

После объяснений с еще одной федеральной службой я вновь оказываюсь на борту туркменского "Боинга" - за пять минут до вылета.

В салоне самолета меня встречает довольно агрессивная компания: заместитель какого-то туркменского министра, человека три из его сопровождения и бурно реагирующий на мое появление "Представитель". Заместитель министра угрожает лично выкинуть за борт мои вещи и разговаривает со мной таким тоном, что я не завидую его подчиненным. В самый критический момент когда человек пять "официальных туркмен" хотят вытолкать меня на летное поле, я громко говорю: "Давайте, выталкивайте. Это будет хороший подарок к визиту вашего президента в США". Упоминание президента производит почти магическое действие. Вся компания замирает, их лица в секунду каменеют, и через минуту они возвращаются в свои кресла и начинают отрешенно разглядывать пейзажи за окном...

Сорвать вылет "Боинга" мне удастся минут на сорок. С помощью погранвойск и милиции "Представителю" туркменской авиакомпании все-таки удастся оставить меня в Москве. Впрочем, согласно официальному акту задержка вылета имела место из-за несвоевременной загрузки багажа...

Позднее Татьяна Кулиева рассказывала, что о ситуации в "Боинге" из Домодедово напрямую докладывали по телефону главе КНБ Туркменистана Мухаммеду Назарову, который в ее присутствии приказал на крайний случай приготовиться к повторной депортации.

Из московского офиса "Панорамы" звоню в Ашхабад. Там с утра слухи об аресте КНБ меня и Кулиевых, хотя дежурный по КНБ все отрицает. Известный туркменский диссидент Нурберды Нурмамедов с утра информировал о происходящем американское и российское посольство. Реакция российского посольства была примечательной. Дежурный по посольству отказался впустить Нурмамедова в здание или даже принять от него заявление. Через переговорное устройство он заявил: поскольку "Пономарев не аккредитован в Туркменистане, мы им заниматься не будем", "другими гражданами" мы не будем заниматься "тем более". Впрочем, через несколько часов точка зрения посольства изменилась. Я и сын А.Кулиева - Мурад - направили по факсу соответствующие заявления на имя посла РФ в Туркменистане. Обратилась в посольство и освобожденная из-под стражи Татьяна Кулиева. Об инциденте было доложено в Москву и, как сообщил позднее директор департамента информации МИД РФ Владимир Рахманин, посольство получило прямые указания сделать запрос туркменским властям о причинах происшедшего. Однако на протяжении субботы и воскресенья туркменский МИД отказывался принять ноту, при этом дежурный по МИДу ссылался на то, что в выходной день якобы не может связаться ни с кем из ответственных работников министерства.

После рассылки почти полусотни факсов информация об инциденте в Ашхабаде стала широко распространяться в мире. Первыми откликнулись

Радио "Свобода" и Би-Би-Си. На следующий день соответствующее сообщение передали ведущие информационные агентства мира. В понедельник президент Туркменистана, находящийся в США, был буквально атакован журналистами, задававшими вопросы о причинах репрессивной акции в Ашхабаде. "Вождь туркмен" был растерян и публично солгал, что ничего не знает об аресте Кулиева. Вечером в тот же день, чтобы улучшить свой имидж в глазах американцев, он отдал указание немедленно освободить Кулиева - под подписку о невыезде. К этому времени экс-министру уже успели предъявить официальное обвинение в подготовке госпереворота в 1994 г., организации "хулиганской" антиправительственной демонстрации в 1995 г. и... в вымогательстве.

Далее события стали развиваться так быстро, что никто из информантов уже не успевал за происходящим (тем более, что телефоны родственников Кулиева в Ашхабаде были отключены КНБ, а попытки звонить в Москву с других телефонов в большинстве случаев блокировались).

В 10 вечера в понедельник Кулиева выпустили из тюремной камеры. Час спустя десятки людей уже находились во дворе дома бывшего министра, чтобы выразить ему моральную поддержку. Утром поток посетителей стал расти такими темпами, что власти приняли решение оцепить квартал силами внутренних войск и пропускать внутрь по паспортам только жителей оцепленного района. Несмотря на это, более полутора тысяч человек смогли в течение суток посетить дом оппозиционера.

Благодаря передачам туркменской службы Радио "Свобода" страна была взбудоражена. Аналитики КНБ не исключали угрозы возникновения в течение 2-3 дней массовых беспорядков, что, учитывая отсутствие в стране президента и крайнюю "любовь" к нему большинства граждан, было делом весьма вероятным.

В обед по просьбе туркменских властей к Кулиеву срочно прибыли консул и советник Посольства РФ в Туркменистане. Они потребовали от экс-министра с учетом складывающейся в Ашхабаде чрезвычайной ситуации в течение двух суток принять решение о выезде из страны, в противном случае "посольство РФ не сможет взять на себя ответственность за Ваше дальнейшее пребывание в Туркмении". Когда Кулиев напомнил о данной им следователю КНБ подписке о невыезде, российские дипломаты сказали, что правительству Туркменистана сейчас не до "юридических нюансов".

В среду утром супруги Кулиевы вылетели в Москву. На следующий день под давлением американцев Ниязов объявил об освобождении большинства политических заключенных...

Внятных комментариев туркменских официальных лиц обо всем происшедшем до сих пор никому из журналистов получить не удалось. Правда, автора этой статьи пишущие под псевдонимами официозные туркменские журналисты Переплеснин и Колодин уже обвинили на страницах "Независимой газеты" во всех грехах, включая призывы к насильственному свержению конституционного строя и оскорбления чести и достоинства президента Туркменистана (за что "по самым гуманным в мире" туркменским законам полагается "высшая мера"). Супруга Переплеснина, позвонив мне 9 мая - не знаю, по собственной ли инициативе интересовалась, сколько мне заплатило американское ЦРУ, а далее стала выражаться такими словами, что повторять противно.

В середине мая я позвонил российскому консулу в Ашхабаде.

"Сергей Леонидович, вы знаете, я, наверное, скоро приеду в Туркменистан. Готовлю книгу об этой стране".

На другом конце трубки последовала продолжительная пауза. "Виталий Анатольевич. Если решитесь приехать, обязательно поставьте меня в известность. Чтобы я мог встретить вас в аэропорту - мало ли что может произойти на этот раз".

Приложение №3

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА ТУРКМЕНИСТАНА

№ 2906 от 06.12.96 г.

О государственной регистрации религиозных организаций

В соответствии со статьей 13 Закона Туркменистана «О свободе совести и религиозных организациях в Туркменистане» постановляю:

1. Утвердить прилагаемые Правила государственной регистрации религиозных организаций.

2. Религиозные организации, зарегистрированные до принятия настоящего постановления, подлежат перерегистрации в Министерстве юстиции Туркменистана до 1 марта 1997 г.

3. Установить, что за государственную регистрацию религиозных организаций взимаются регистрационные сборы в размерах, кратных установленному среднему уровню заработной платы по народному хозяйству Туркменистана, в зависимости от территории, на которую распространяется их деятельность:

на всю территорию Туркменистана - трехкратный размер;

на территорию велаята, г.Ашгабада - двукратный размер;

на территорию этрапа, города, этрапа в городе - однократный размер.

За перерегистрацию ранее зарегистрированных религиозных организаций взимается сбор в размере 50% от соответствующих регистрационных сборов...

6. Признать утратившим силу постановление Президента Туркменистана от 21 января 1994 г. № 1652 «Вопросы регистрации религиозных организаций».

ПРЕЗИДЕНТ
ТУРКМЕНИСТАНА

Сапармурат
Туркменбаши

ПРАВИЛА

государственной регистрации религиозных организаций

1. Настоящие Правила устанавливают порядок государственной регистрации религиозных обществ, управлений и центров, духовных учебных заведений, мечетей, церквей, а также объединений, состоящих из религиозных организаций (в дальнейшем - религиозные организации).

2. Религиозные объединения, центры, управления, монастыри, религиозные братства, миссии, духовные учебные заведения, создаваемые религиозными организациями, также подлежат государственной регистрации.

3. Государственная регистрация религиозных организаций производится Министерством юстиции Туркменистана.

4. Для государственной регистрации религиозных организаций подается заявление по форме № 1 (прилагается).

Заявление учредителей религиозных организаций правомочно, если оно подписано не менее чем 500 ее членами. Членами религиозных организаций могут быть граждане, достигшие восемнадцатилетнего возраста.

К заявлению прилагаются:

- а) устав (положение) религиозных организаций;
- б) подтверждение религиозных объединений центра или управления о принадлежности к нему регистрируемой религиозной организации. При отсутствии такого подтверждения, а также в случаях, если подтверждение дано находящимся за рубежом религиозным объединением, центром или управлением, с которым отношения Туркменистана не урегулированы законом, Министерство юстиции Туркменистана запрашивает дополнительные материалы и заключение Генгешы по делам религий при Президенте Туркменистана (в этом случае решение принимается в 3-месячный срок);
- в) протокол собрания, принявшего устав (положение);
- г) список граждан, образовавших религиозную организацию, по форме № 2 (прилагается).

5. Документы в Министерство юстиции Туркменистана подаются на государственном или русском языке.

6. Устав (положение) религиозных организаций должен содержать сведения о виде, месте нахождения религиозных организаций, их вероисповедной принадлежности, месте в организационной структуре религиозного объединения, имущественном положении, правах по учреждению предприятий и средств массовой информации, основанию других религиозных организаций, созданию учебных заведений и об иных полномочиях, о порядке решения имущественных и других вопросов в случае прекращения ее деятельности, а также иные положения, связанные с особенностями данной организации.

7. Министерство юстиции Туркменистана рассматривает заявление в месячный срок.

В случаях, указанных в подпункте «б» пункта 5 настоящих Правил, - в 3-месячный срок.

По результатам рассмотрения принимается одно из следующих решений:
о государственной регистрации религиозной организации;
об отказе в государственной регистрации.

8. При принятии решения о государственной регистрации религиозных организаций ее ответственному представителю выдается под расписку свидетельство установленного образца (форма № 3, прилагается к настоящим Правилам).

Свидетельство выдается при представлении квитанции об уплате регистрационного сбора. Размеры и порядок взимания государственных регистрационных сборов определяются Правительством Туркменистана.

Решение о государственной регистрации и основные сведения о религиозных организациях включаются в регистрационные документы (форму № 4 и 5, прилагаемые к настоящим Правилам). При этом регистрационная карточка в двух экземплярах направляется в недельный срок в Генгешы по делам религий при Президенте Туркменистана.

Зарегистрированная организация вносится под соответствующим регистрационным номером в Реестр государственной регистрации религиозных организаций, который ведется Министерством юстиции Туркменистана.

Информация о религиозных организациях, зарегистрированных Министерством юстиции Туркменистана, публикуется в печати.

9. Отказ в государственной регистрации религиозной организации возможен в случае нарушения установленного Законом Туркменистана «О свободе совести и религиозных организациях в Туркменистане» порядка создания религиозной организации, а также несоответствия учредительных документов требованиям законодательства Туркменистана.

Не допускается государственная регистрация религиозных организаций под одним и тем же названием.

Решение об отказе в государственной регистрации религиозных организаций должно быть указано, каким нормативным правовым актам противоречат создание религиозной организации и ее учредительные документы.

Отказ в государственной регистрации религиозных организаций может быть обжалован в судебном порядке.

Сведения об изменениях и дополнениях, произведенных в уставах (положениях) религиозных организаций, а также о прекращении деятельности религиозных организаций направляются в недельный срок Министерством юстиции Туркменистана в Генгешу по делам религий при Президенте Туркменистана...

ЗАЯВЛЕНИЕ

_____ (Ф.И.О. Руководителя религиозной организации, для

_____ религиозного общества - Ф.И.О. граждан его образовавших)

_____ представляют на государственную регистрацию устав (положение)

_____ (наименование религиозной организации)

принятый _____

(дата принятия устава (положения) - число, месяц, год)

_____ (наименование органа, принявшего устав (положение)

Вид религиозной организации, ее вероисповедная принадлежность,
место предполагаемой деятельности _____

Ф.И.О., год рождения, адрес, телефон лиц, уполномоченных представлять
религиозную организацию _____

Подписи

Форма № 2

СПИСОК

граждан, образовавших религиозную организацию

№№	Ф.И.О.	Число, месяц, год рождения	Место работы	Место жительства	Подпись
----	--------	-------------------------------	--------------	---------------------	---------

Приложение №4

Интервью с В.Н.Копысовым

Магнитофонная запись сделана в Ашхабаде 27 сентября 1997 года

Расскажите, пожалуйста, об условиях содержания в Геок-Тепинской психиатрической больнице?

Условия содержания в Геок-Тепинской больнице сейчас зависят не от персонала, а от того "наследства", которое осталось от советской власти, ведь больница была создана в те времена. Условия содержания больных я бы назвал ужасающими. Некоторые больные в зимний период не имели одеял, спали прямо на панцирных сетка. Питание было отвратительным, тем более, что в это время в республике ощущался дефицит основных продуктов питания - сахара, муки, хлеба. Утром, когда мы вставали, нам давали, например, кашу. Каши порой бывало даже много, но она была очень плохого качества, в ней не было ничего мясного или молочного. Вообще, с мясом и витаминами было очень сложно. Мне приходилось обрывать листики тутовника, который рос в прогулочном дворе, и тем восполнять недостаток витаминов.

Я не хочу винить во всем происходящем работников Геок-Тепинской больницы. В Центральной республиканской больнице ситуация со снабжением была такая же. Кроме недостаточного снабжения второй причиной нехватки продуктов было воровство. По моему, оно начинается с малых квот, которые государство предоставляет психбольницам, и проходит через различные уровни - пока, то, что остается, не попадает к нам в тарелку.

Очень большой моральный дискомфорт создает криминальный элемент. Многие больные этого, наверное, не ощущают, но я-то себя считал и считаю человеком здоровым. В больнице много людей, которые, совершив преступление, идут туда, чтобы избежать тюрьмы. Режим их содержания можно оценить как благоприятный: к ним допускают родственников, пропускают передачи. Однако таких людей - ограниченное количество. Положение остальных гораздо хуже.

Самым тяжелым для меня был даже не голод, а совершенно потрясающая антисанитария. Туалет начинался сразу из коридора, и ходить туда в ночное время можно было только в сапогах.

В Геок-Тепинской больнице мы жили в старинных глинобитных одноэтажных бараках. Когда-то я ездил на хлопок, там в таких постройках содержали скот. Там нет ни центральной канализации, ни центрального водоснабжения. Отопление - печи-голландки. Перед тем, как меня оттуда увезли, я вместе с другими заключенными занимался сбором подножного топлива, поскольку угля на зиму в психбольницу не завезли. Потом, говорят, правда, он появился.

Эпизодически у нас появлялись мыши. Одна такая мышь меня даже на некоторые философские рассуждения настроила. Самое страшное, что у нас было - это вши и чесотка. Медикаментозных средств (чтобы с ними бороться) было очень мало или не было вообще, а мытье в бане не помогало - то мыла не хватало, то еще чего-то. Баня у нас была редко: устраивали ее раз в десять дней (иногда раз в месяц), за час должны были вымыться 60-70 человек. При этом

вода еле шла, тазов на всех не хватало. То есть, толком помыться удавалось не всегда.

Вши и чесотка были явлением постоянным, причем не только в Геок-Тепе, но и в Центральной клинической больнице. Поскольку специальных препаратов для их уничтожения не было, то больных там порой раздевали догола, расстилали на полу их одежду и поливали ее дихлофосом. Больных тоже поливали дихлофосом, заставляли протирать им половые органы. Я тоже протирал, потому что диклофос стукнет когда-то, а вши заедают уже сейчас.

Вменять в вину эту историю персоналу больницы я бы не стал, потому что они имели то, что им давало государство.

Как в Геок-Тепинской больнице было летом?

Летом нас выселяли из барачков под большой навес, и там мы все время проводили. Однако только часть людей могла разместиться под навесом, остальным, например, мне, приходилось жить прямо под палящим солнцем. Мне приходилось жертвовать простынями и делать из них тент. Мне, вообще-то, создавали режим благоприятствования - знали видимо, что я не больной, и потому даже давали постельное белье. Некоторым больным белья вообще не давали. Но это были действительно больные люди - я знал таких - они круглогодично спали прямо на панцирной сетке. В туалет ходили босиком, этими же ногами забирались на койку и спали. Ужас.

В общем, содержание таково, что если ты - не больной, то ты скорее исправляться должен.

Много больных содержалось в Геок-Тепинской больнице?

В моем отделении было 70 человек. Всего в больнице было три мужских отделения, одно женское и одно - для туберкулезников. В Ашхабаде в Центральной психиатрической больнице в нашем отделении был товарищ - Сергей Антропов, который был тоже болен туберкулезом. Впоследствии он умер. У меня три года не проходит бронхит, и я не исключаю, что я также болен туберкулезом.

В Республиканской психиатрической больнице находилось, по моим подсчетам, более 700 человек. Там было не менее 13 отделений (не считая детского).

Ситуацию в других отделениях я знаю плохо, потому что нас строго изолировали в пределах нашего отделения.

Среди больных кого больше - русских или туркмен?

Там и тех, и других достаточно. Туркмен, наверное, даже больше.

Какие еще есть места содержания психически больных в Туркменистане?

Кроме психоневрологических стационаров есть три места принудительного заключения. Самое комфортное - Центральная ашхабадская больница, похуже - Геок-Тепе. Совсем плохо, если тебя отправляли в больницу в Кизил-Кая. Оттуда не возвращаются.

Чем Вас лечили?

Надо сказать спасибо судьбе, но медикаментозных методов лечения ко мне не применяли. В Геок-Тепе мне некоторое время давали какое-то успокаивающее типа кодеина, т.к. то, что мне прописали применять в больнице, у них не было. Остальным больным кололи тизерцин, после которого они ходили как парализованные, неспособные к координированным действиям (мне такой укол делали всего один раз), кололи аминазин и в таблетках его давали.

Тизерцин кололи в зависимости от степени тяжести, и, чтобы не безобразничали, - уголовников. Уголовники там безобразничают страшно. Меня два раза они избивали, потому что я, по их мнению, не на ту койку лег. Мне их старший, что-то вроде вора в законе, так и говорил, что на эту койку я ложиться не должен. А я старался лечь к окну, потому что сам не курящий, а там круглосуточно дымят. Никаких заявлений по этому поводу я не делал, потому что никому это не надо. Заведующий отделением, увидев, что я избит, спросил только: "Поскользнулся, упал, рука в гипсе?" Я говорю: "Да".

Санитары там были вольнонаемные, и некоторых, которых я знал, самих надо было сажать в психбольницу. Они занимались гомосексуализмом. Среди заключенных есть люди, готовые отдаться за пачку чая или сигареты. Это - больные люди, которым надо было скрасить свою жизнь. Было двое семнадцатилетних парней, которые шли на это, чтобы получить сигарету или чайную заварку. У нас был один больной, который эту заварку подбирал на хозяйственном дворе и ел. Я как-то спросил у сведущих людей, почему он так делает, они мне объяснили, что когда колют аминазин, возникает острая потребность в веществах, которые содержатся в заварке.

Так вот, санитары, пользуясь тем, что больные люди не понимают, что они делают, "договаривались" с ними.

Особенных зверств со стороны санитаров мы не видели, но считалось нормальным, когда санитар кого-то за что-то бил. Но ко мне относились щадяще - наверное, знали, что у меня взрывной характер.

Другое дело, что в Ашхабаде в республиканской больнице медперсонал создавал себе из больных штат добровольных помощников. Вот те не знали никакого удержу. Второй раз меня избили за то, что когда к нам в отделение привезли пьяного человека, и эти "добровольцы" стали заламывать ему руку, я им сказал: "Руку сломаете, остановитесь". Меня избили. Я тогда обратился к медикам, а они мне говорят: "Не лезь не в свое дело".

Довольно много было среди больных наркоманов, Сергей Антропов такой был, и еще другой человек, умерший от туберкулеза, по имени Мурад. Наркоманы кололись прямо в палатах, для них достать наркотик никогда не было проблемой. Иголки, шприцы у них всегда при себе, маковую соломку они покупают. Потом где-нибудь собираются, готовят себе "лекарство" и колотся.

Когда Вас судили?

Я не знаю. Я вообще не знаю никаких административных подробностей своего дела. Мне никаких документов не показывали и устно не объясняли, на каком основании я сижу. Только при выходе из больницы мне дали справку, в которой было написано, что я являюсь инвалидом второй группы по общему заболеванию. С этой справкой я пошел в собес, собрал необходимые документы по прежнему месту работы. Больше мне никаких документов не давали, как я ни пытался их получить.

Но я знаю, что весь срок моего лечения меня КНБ контролировало. Я знаю это потому, что когда меня держали второй раз в Центральной больнице, то однажды меня на выходные отпустили домой - была такая практика для выздоравливающих. Я пошел домой, причем специально шел малоллюдными улицами. Но у нас на первом этаже живет комитетская стукачка, и она доложила в КНБ, что я оказался на воле. Дома я успел побыть лишь сутки, затем приехал зав. отделением, начал мне говорить: "Давай, собирайся скорее" - и увез меня на

своей машине в больницу. Оказалось, что ему позвонили из КНБ и потребовали срочно меня вернуть.

Последние два месяца в больнице прошли совсем неплохо - я мог даже бегать по территории, восстанавливая ногу. У меня плохо с коленом, наверное, от длительного сидения в замкнутом помещении, а также, думаю, от нервного перенапряжения. Дело в том, что я не курю и совершенно не выношу табачного дыма. А в палатах дымят непрерывно - 24 часа в сутки. Я несколько раз даже брал сигареты у своего приятеля туберкулезного больного, чтобы покурить и таким образом как-то привыкнуть к запаху.

Меня освободили в конце мая 1995 г. Год ничего не делал - не было желания кого-то видеть и слышать. Затем пошел работать и теперь работаю электриком в страховой компании.

В течение года после освобождения меня заставили ходить на беседы с участковым психиатром. В апреле этого /1997 г./ я получил вторую группу инвалидности пожизненно.

Надо отметить, что врачи в больнице, особенно в Ашхабаде, очень боялись, что я начну писать жалобы. Я там пытался заниматься английским, записывал некоторые свои философские мысли - они как то раз заметили это, и произошел инцидент. Меня заподозрили в том, что я описываю больничные порядки. Вообще, в обеих больницах, где я был, не хотели давать больным бумагу и ручку, боялись, что будут жаловаться. Всегда спрашивали: "Зачем тебе это надо?"